

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XV

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1966

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Г. И. М а ч а в а р и а н и (Тбилиси). К типологической характеристике общекартвельского языка-основы	3
---	---

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер (Ленинград). О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем	10
К. Е. М а й т и н с к а я (Москва). К происхождению местоименных слов в языках разных систем	15
М. А. Г а б и н с к и й (Кишинев). К диахронической типологии инфинитива	26
В. П. Г р и г о р ь е в (Москва). О некоторых вопросах интерлингвистики	37

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

У. Ф. Л е м а н (Остин, США). Преемственность языковзнания	47
--	----

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

И. П. М у ч н и к (Москва). Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке.	61
В. В. Л о п а т и н (Москва). Нулевая аффиксация в системе русского словообразования.	76
Э. Р. Т е н и ш е в (Москва). О языке кыргызов уезда Фууй (КНР)	88
Н. В. К о с с е к (Одесса). К вопросу о лексической сочетаемости	97

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

В. А. М о с к о в и ч (Москва). Автоматизация некоторых аспектов лингвистической работы	102
В. К. Н и к и ф о р о в (Ленинград). О системности термина	111

Рецензии

И. И. Р е в з и н (Москва). <i>L. Antal. Content, meaning, and understanding</i>	115
В. Н. С а в е л ь е в а (Ленинград). <i>В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. 1, 2.</i>	121
Р. М. Ф р у м к и н а (Москва). <i>Н. В. Ставровски. Лингвистическа статистика</i>	126
В. П. К о в а л е в (Херсон). «Словник мови Шевченка в двох томах»	129

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

С. Н. С ы р о в а т к и н (Пятигорск). Об одной попытке усовершенствования порождающих моделей языка	134
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. В. В и н о г р а д о в (Москва). Академик Н.И. Конрад (к семидесятипятилетию)	139
А. А. Ю л д а ш е в, К. М. М у с а е в (Москва). Тюркское языковедение в академиях наук Средней Азии и Казахстана	141
Г. П. Н е щ и м е н к о (Москва). О деятельности Института чешского языка Чехословацкой АН	146
Хроникальные заметки	150
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию	157

Г. И. МАЧАВАРИАНИ

К ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБЩЕКАРТВЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА-ОСНОВЫ¹

1.0. Современный уровень сравнительно-исторического изучения картвельских языков [грузинского, мегрело-чанского (занского), сванского] позволяет гипотетически, но с высокой степенью вероятности, восстановить структурную модель и некоторые элементы словаря общекартвельского языка-основы накануне распада последнего на отдельные языки.

В настоящей работе делается попытка охарактеризовать в общих чертах фонологическую и грамматическую системы общекартвельского языка-основы и путем сопоставления этих систем с соответствующими системами индоевропейских и горских иберийско-кавказских (северокавказских) языков выявить структурно-типологические параллели и различия между картвельскими языками и языками двух указанных групп².

1.1. Общекартвельская фонологическая система включает три основных класса фонем: гласные, сонанты и согласные.

Система гласных представлена шестью фонемами: краткими /a/, /e/, /o/ и долгими /ā/, /ē/ /ō/.

Система сонантов также состоит из шести фонем: /j/, /w/, /r/, /l/, /m/, /n/. Каждая из фонем класса сонантов реализуется в виде двух позиционных аллофонов — слогового и соответствующего неслогового: /j/: [i] — [j]; /w/: [u] — [w]; /r/: [r̥] — [r]; /l/: [l̥] — [l] и т. д. Отвлекаясь от некоторых деталей, можно сформулировать следующие правила дистрибуции аллофонов сонантических фонем: 1) после паузы перед неслоговым элементом, после неслогового элемента перед паузой и между неслоговыми элементами сонант реализуется в виде слогового аллофона; 2) во всех остальных позициях выступают неслоговые аллофоны сонантов.

Наиболее многочисленным является класс согласных фонем.

Парадигматическую систему общекартвельских согласных фонем можно представить в виде следующей таблицы:

¹ Эта статья является расширенным вариантом доклада: Г. И. М а ч а в а р и а н и, К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских) типологических параллелях, «VII международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.)», М., 1964.

² Предлагаемое описание общекартвельской структурной модели опирается на результаты исследований, проведенных автором совместно с Т. В. Гамкрелидзе и независимо от него, а также на работы других картвельцев; см.: Т. В. Г а м к р е л и д з е, Г. И. М а ч а в а р и а н и, Система сонантов и аблаут в картвельских языках, Тбилиси, 1965 (на груз. и русск. яз.); см. также предисловие Г. В. Ц е р е т е л и к указанной монографии (на груз. и русск. яз.); Г. И. М а ч а в а р и а н и, Общекартвельская консонантная система, Тбилиси, 1965 (на груз. яз.). Ср.: Г. А. К л и м о в, Этимологический словарь картвельских языков, М., 1964; К. Н. S c h m i d t, Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache, Wiesbaden, 1962.

Серии ¹	Ряды ¹										8	
	1	2	3		4		5		6	7		
			a	b	a	b	a	b		a		b
Звонкие	b	d	ʒ	z	ʒ ₁	z ₁	ʒ̣	(ʒ')	g	(γ')	γ	h
Глухие	p	t	c	s	c ₁	s ₁	ç	š	k	q	x	
Абруптивы	p̣	ṭ	ç̣		ç̣ ₁		ç̣̣		ḳ	q̣		

¹ О рядах и сериях см.: А. Мартине, Принцип экономии в фонетических изменениях, М., 1960, стр. 97 и сл. В таблице ряды обозначены номерами: 1 — лабиальный, 2 — дентальный, 3 — переднесибилянтный (свистящий), 4 — среднесибилянтный (свистящешипящий), 5 — заднесибилянтный (шипящий), 6 — веларный, 7 — поствеларный, 8 — ларингальный. Буквы а и b обозначают соответственно подклассы смычных и щелевых согласных. Существование фонем /ʒ/ и /γ'/ нельзя считать установленным. Ср. таблицы согласных фонем северо-восточных нахкаских языков у Н. С. Трубецкого: N. T r u b e t z k o u, Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen, «Caucasica», 8, 1931.

Распределение фонем в тексте регулируется определенными правилами³: 1) две гласные фонемы не могут находиться в непосредственном соседстве друг с другом, за исключением случаев, когда они относятся к разным морфемам; 2) любая согласная фонема может предшествовать любой гласной фонеме и следовать за ней; 3) не существует группа «лабиальная согласная фонема (или неслоговое [m])» + «неслоговой аллофон сонанта /w/»; 4) слоговой и неслоговой аллофоны одного и того же сонанта не могут находиться в непосредственном соседстве друг с другом⁴; 5) все остальные комбинации согласных фонем с сонантами и сонантов с другими сонантами (в любом порядке) в принципе допустимы.

Гораздо сложнее сформулировать правила взаимного сочетания согласных фонем.

Все допустимые консонантные группы можно разделить на два основных класса: гармоничные группы и негармоничные группы⁵.

Гармоничными называются те консонантные группы, которые, за исключением некоторых строго определенных случаев, могут войти в любую комбинацию, допустимую для отдельной согласной фонемы. Все остальные консонантные группы являются негармоничными⁶.

Гармоничные группы гомогенны, т. е. все члены групп относятся к одной и той же серии. Негармоничные группы могут быть как гомогенными, так и негомогенными.

Гармоничные группы состоят из двух, реже — трех членов (например, группа /*s₁tx/). Негармоничные группы тоже состоят из двух или трех членов, хотя в принципе возможна также и четырехслогоная негармоничная группа.

³ Отдельные детали дистрибуции фонем, естественно, не могут быть здесь рассмотрены.

⁴ Некоторые исключения из этого правила могут быть сформулированы в виде дополнительных правил.

⁵ См.: Н. Марр, Грамматика древнелитературного грузинского языка, Л., 1925, стр. 023 и сл.; Г. С. А х л е д и а н и, Основы общей фонетики, Тбилиси, 1949 (на груз. яз.), стр. 108 и сл., стр. 301 и сл.; Н. V o g t, Structure phonématique du géorgien, NTS, XVIII, 1953, стр. 30 и сл.

⁶ Например, если допустима группа /*d/ → /*e/ (/*deda/«мать»), то допустима также группа /*dγ/ → /*e/ (/*dγe/ «день»); если мы находим группу /*t/ → /*l/ (/*matl/ «червь»), то можно ожидать, что существует также и группа /*tq/ → /*l/ (/*matql/ «шерсть»); /*dγ/ и /*tq/ — гармоничные группы. Такие группы, как /*kb/ или /*tb/, будучи негармоничными, могут встретиться в соседстве с любой гласной фонемой, но не могут войти в комбинацию, например, с фонемой /*l/. Ср.: Н. V o g t, указ. соч., стр. 55.

Всякая негармоничная группа, состоящая из более чем двух членов, содержит в качестве одного из компонентов гармоничную группу (например, /**dtx*/).

1.2. Морфология общекартвельского языка-основы описываемого периода оперирует тремя основными видами морфем: префиксами, корнями и суффиксами. Каждый из указанных видов морфем имеет соответствующую морфонологическую структуру. Основными каноническими формами являются следующие⁷: префиксы — *CV*, корневые морфемы — *CVC*, суффиксы — *VC*⁸. Согласная фонема может быть заменена гармоничной группой, группой *C + /**w*/*, или комбинацией гармоничной группы с /**w*/.

Основа может состоять из одной корневой морфемы, но может содержать также и ряд префиксальных и в особенности суффиксальных морфем.

Комбинирование корневой морфемы с суффиксальными морфемами подчиняется правилам чередования гласных. Так, основы, содержащие одну корневую морфему в сочетании с одной суффиксальной морфемой, могут предстать в двух состояниях: I — корневая морфема на нормальной ступени огласовки (т. е. с одним из кратких гласных) в сочетании с суффиксальной морфемой на нулевой ступени огласовки: *CVC-C*; II — корневая морфема на нулевой ступени огласовки в сочетании с суффиксальной морфемой на нормальной ступени огласовки: *CC-VC*.

Путем присоединения суффиксов из этих двух исходных состояний сложной основы можно получить ряд производных форм. В составе производной формы нормальную ступень огласовки сохраняет только одна морфема, остальные морфемы представлены на нулевой или редуцированной ступени огласовки, а в некоторых случаях — на ступени долготы. Например, присоединение суффикса с нормальной огласовкой к I состоянию основы дает модель *CC-C-V(C)*, присоединение такого же суффикса ко II состоянию основы (если исходная основа содержит суффикс с нормальной огласовкой /**e*/ — *CC-eC*) дает модель *CC-iC-V(C)*. В последнем случае имеем чередование гласной фонемы /**e*/ с сонантом /**j*/, который между двумя неслоговыми элементами реализуется в виде слогового аллофона [**i*]. Ступень [**i*] в отличие от нулевой называется ступенью редукции.

Аблаутное чередование гласных сопровождается фонетически обусловленной альтернативой неслоговых аллофонов сонантических фонем с соответствующими слоговыми аллофонами: на нормальной ступени огласовки в соседстве с гласной фонемой сонант выступает в качестве неслогового элемента, в то время как на нулевой ступени в консонантном окружении реализуется в виде соответствующего слогового варианта: *CVS-C- + -V(C) → CṠ-C-V(C)*⁹.

К указанным типам чередования гласных надо добавить еще качественный аблаут — чередование /**e*/: /**a*/¹⁰.

⁷ О канонических формах морфем см.: Ch. F. Hockett, *A course in modern linguistics*, New York, 1960, стр. 284 и сл.

⁸ Символ *C* означает любую согласную фонему, *V* — любую краткую гласную фонему. Место *C* может занять неслоговой аллофон сонанта (*S*).

⁹ С аблаутом связано также и существование негармоничных консонантных групп в общекартвельском: негармоничная группа встречается на нулевой ступени огласовки морфемы, в то время как гармоничная группа (а также группа *C + /**w*/*) допустима на всех ступенях аблаута. Так, например, негармоничная группа /**tɾ*/ появляется только на нулевой ступени огласовки морфемы {**tɾ*} «грется».

¹⁰ Например, **qed-/*qad-* «ходить, носить» (**qed-* — в непереходном значении, **qad-* — в переходном). Наблюдаются также случаи неаблаутной альтернативы /**e*/: /**a*/: **ɣeɣed-/*ɣaɣad-* «гусь», **ber-/*bar-* (с суффиксами **-k* и **-q* на нулевой ступени) «нога» и др.]

Аблаут играет важную роль в морфологии, в первую очередь в глагольной системе общекартвельского языка-основы. В частности, разграничение типов спряжения глагола основывается главным образом на различии моделей чередования гласных. Сказанное можно проиллюстрировать на нескольких примерах.

Корневая морфема {*der} в комбинации с основообразующим суффиксом {*ek} дает два исходных состояния сложной основы: I. **der-k-*. II. **dr-ek-*. Основа в первом состоянии используется в качестве темы аориста динамического непереходного глагола (ср. др.-груз. *v-derk* «я согнулся»). Основа во втором состоянии используется в качестве темы настоящего времени соответствующего переходного глагола (ср. груз. *v-drek* «гну, сгибаю» отсюда причастие *drek-il-i*, мегр. *dirak-il-i*, чан. *drak-el-i* «согнутый»). С помощью специальных суффиксов от основы в первом состоянии образуется тема настоящего времени динамического непереходного глагола, причем корневая морфема переходит на нулевую ступень огласовки: **dr-k-eb-(i)-*, **dr-k-aw-* (ср. др.-груз. *v-drk-eb-i* «сгибаюсь», мегр. *dirk-u-(n)*, чан. *druk-u-n* «сгибается»). С помощью суффикса *-e от основы во втором состоянии образуется тема аориста соответствующего переходного глагола; суффикс основы получает редуцированную огласовку: **dr-ik-e-* (груз. *v-drik-e* «я согнул», мегр. *dirik-u*, чан. *(me-)ndrik-u* «он согнул»).

Степень долготы служит дополнительным признаком аориста определенного класса переходных глаголов: **w-ber* «дую» — **w-bēr-e* «я (раз)дул» [ср. груз. *(ga)-v-ber-e* «я (раз)дул», сван. *čwad-bēl-e* «он раздул»]¹¹.

Сложные именные основы обычно также строятся согласно вышеизложенным правилам аблаута¹²:

Состояние I		Состояние II	
* <i>zɪɑɣ-l-</i>	«собака»	* <i>km-ar-</i>	«муж»
* <i>matq-l-</i>	«шерсть»	* <i>qw-el-</i>	«сыр»
* <i>kwen-r-</i>	«куница»	* <i>tp-ed-</i>	«теплый»
* <i>bar-k-</i>	«нога»	* <i>qm-el</i>	«сухой»

Однако чередование гласных в именной флексии и деривации играет меньшую роль, чем в формообразовании глагола.

1.3. Общекартвельский язык-основа обладает развитой деклинационной системой; различаются по крайней мере четыре падежа: именительный, эргативно-обстоятельственный, дательный, родительный¹³.

Глагол изменяется по лицам. Личными показателями, как правило, выступают префиксы, к тому же имеются личные префиксы не только субъекта (1-е лицо **w-*, 2-е лицо **h-*)¹⁴, но и объекта действия (1-е лицо **m-*,

¹¹ Ср. чередование /*e/ : /*j/ ([*i]) в другом классе переходных глаголов с одноморфемной основой: груз. *v-pen* «вешаю» — *v-pin-e* «я развесил», сван. *ked* «истребляет» — *an-kid* (< **an-kid-e*) «истребил».

¹² Исключение составляют некоторые редуцированные основы явно символического характера: ср. **γeryed-/γarγad-* «гусь» и др.

¹³ Ср.: Г. А. К л и м о в, Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте, М., 1962.

¹⁴ Вопрос о выражении 3-го лица субъекта нельзя считать окончательно решенным. С одной стороны, можно реконструировать суффиксальную морфему 3-го лица субъекта с алломорфами: *-s для форм так называемого «сослагательного наклонения», *-a- — для форм прошедших времен, φ (нулевой алломорф) — для форм настоящего времени; с другой стороны, сванский язык сохраняет отчетливые следы префиксации: *la-g* «стоит», *la-l-əm* «он съел» и т. д. Ср.: В. Т. Т о п у р и а, Сванский язык, Тбилиси, 1931 (на груз. яз.), стр. 8—9; А р н. Ч и к о б а в а, Древнейший показатель субъекта третьего лица в картвельских языках (на груз. яз., резюме на русск. и франц. яз.), «Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра», V—VI, Тбилиси, 1940; Г. А. К л и м о в, Этимологический словарь картвельских языков, стр. 41—42, 161; ср. также: G. D e e t e r s, Das kharthwelische Verbum, Leipzig, 1930, стр. 45—49.

2-е лицо **g-*, 3-е лицо **h-*). Глагольная словоформа одновременно может включать не более двух личных аффиксов. Видо-временные и модальные формы глагола группируются вокруг двух основных тем: темы настоящего времени и темы аориста. С полиперсонализмом глагола тесно связаны «версионные показатели» — вокалические и сонантические элементы, которые, вставляясь между личными префиксами и основой глагола, указывают на различные пространственные и посессивные отношения между субъектом и объектом, а также служат для выражения некоторых других категорий: ср. груз. *z-i-s*, сван. *sgur*¹⁵ «сидит» — груз. *a-z-i-s* < **h-a-z-i-s*, сван. *x-a-sgur* < **h-a-sgur* «сидит сверху»; груз. *v-a-šen-eb* «строю», *v-i-šen-eb* «строю для себя», (*v*)-*u-šen-eb* [(*v*)-*u*- < **h-w-u*-] «строю для него»; сван. *xw-a-* — *mār-e* «готовлю», *xw-i-mār-e* «готовлю для себя», *x-o-mār-e* (*x-o*- < **h-w-u*-) «готовлю для него» и т. п.

Множественное число в глаголе выражается агглютинативно — с помощью специальных суффиксов¹⁶. В первом лице различаются формы инклюзива и эксклюзива¹⁷.

Префиксация широко используется при образовании отглагольных имен и в чисто именной деривации (причастия, отглагольные субстантивы, *nomina agentis* и т. д.).

Синтагматические отношения между префиксальными и корневыми морфемами не поддаются описанию в терминах теории аблаута. Чередование гласных в данном случае носит нерегулярный характер.

В области синтаксиса следует отметить наличие эргативной конструкции. Применение этой конструкции ограничено аористной группой времен переходного глагола. В презентной группе времен переходный глагол образует номинативную конструкцию, причем дательный падеж выполняет также роль аккузатива¹⁸.

1.4. Даже при таком беглом обзоре бросаются в глаза разительные совпадения между общекартвельской структурной моделью и моделью индоевропейского языка-основы позднего периода.

В обоих языках налицо деление фонем на три основных класса — гласных, сонантов и согласных, к тому же инвентарь первых двух классов в сущности идентичен.

Корневые и суффиксальные морфемы в общекартвельском и индоевропейском языках строятся в основном на одинаковых принципах (корневая морфема *CVC*, суффиксальная морфема *VC*), а правила сочетания кор-

¹⁵ Корневые морфемы сопоставляемых глаголов генетически не сравнимы между собой.

¹⁶ См. об этом: А р н. Ч и к о б а в а, К принципу обозначения множественного числа в грузинском глаголе (на груз. яз., резюме на русск. яз.), «Иберийско-кавказское языковедение», I, Тбилиси, 1946, стр. 91 и сл.

¹⁷ Категория инклюзива-эксклюзива выражается как лексически — с помощью местоименных морфем [**ēwe-* «мы (incl.)» — **naj* «мы (excl.)»], так и грамматически — специальными глагольными префиксами (причем префиксы эксклюзива совпадают с префиксами 1-го лица, используемыми также и в ед. числе; ср., например, **gw-* префикс инклюзива в объектной парадигме и **m-* префикс эксклюзива в объектной парадигме и префикс 1-го лица объекта в ед. числе). См.: Т. В. Г а м к р е л и д з е, Сибилантные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков (на груз. яз., предисл. на груз., русск. и англ. яз.), Тбилиси, 1959, стр. 45—50; А. О н и а н и, Относительно категории инклюзива-эксклюзива в картвельских языках (на груз. яз.), «Мацне» («Вестник [Отд. общ. наук АН ГрузССР]»), 1, Тбилиси, 1965; ср.: А. С h a n i d z é, Versions du verbe géorgien, «Bull. de l'Université de Tiflis», VI, 1926, стр. 335; G. D e e t e r s, указ. соч., стр. 27; В. Т. Т о п у р и а, Сванский язык, стр. 25—26; К. Д о н д у а, Категория инклюзива-эксклюзива в сванском и ее следы в древнегрузинском, сб. «Памяти акад. Н. Я. Марра (1864—1934)», М.—Л., 1938; ср. также: А р н. Ч и к о б а в а, К принципу обозначения множественного числа в грузинском глаголе, стр. 96 и сл.

¹⁸ Ср.: А р н. Ч и к о б а в а, Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. I, Тбилиси, 1948 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

невой морфемы с суффиксальными, установленные Э. Бенвенистом для индоевропейского¹⁹, почти полностью приложимы и к общекартвельскому. Все виды общекартвельского аблаута (кроме чередования *e : i*) находят ближайшие параллели в индоевропейской системе чередований гласных²⁰. Однако аблаут в общекартвельском несет относительно меньшую функциональную нагрузку, чем в индоевропейском.

С другой стороны, обнаруживаются многочисленные и глубокие структурно-типологические сходжения между общекартвельским и северокавказскими языками²¹. Отметим главнейшие из них.

Богатый и сложный общекартвельский консонантизм носит явно «кавказский» характер²², причем по составу фонем общекартвельская консонантная система тяготеет скорее к нахскому²³, а отчасти — к абхазско-адыгскому, чем к дагестанскому типу. Гармоничные группы согласных, столь характерные для общекартвельского, тоже находят параллели именно в нахских²⁴ и абхазско-адыгских языках²⁵. Есть основание предполагать, что на ранних этапах своего развития общекартвельский язык обладал еще более сложной консонантной системой абхазско-адыгского типа²⁶.

Общекартвельское склонение, характеризуемое наличием эргативного падежа и отсутствием аккузатива, также относится к иберийско-кавказскому лингвистическому типу. Для более раннего периода можно постулировать простейшую двухпадежную деклинационную модель адыгского типа, включающую прямой и косвенный падежи.

Широкое применение префиксации является одной из наиболее ярких черт общекартвельского языка-основы, сближающих этот язык с северокавказскими языками, в первую очередь с абхазско-адыгскими. В этом отношении особенно примечательны глагольный полиперсонализм и наличие «версионных показателей»²⁷.

Картину картвельско-северокавказских языковых параллелей дополняет наличие эргативной конструкции в общекартвельском, как и во всех северокавказских языках. Но и здесь проявляется двойственный «кавказско-индоевропейский» характер картвельского лингвистического типа: как уже было отмечено, эргативная конструкция применяется только в аористной группе времен переходного глагола. В презентной группе времен переходный глагол образует номинативную конструкцию, как в индоевропейских и многих других языках.

¹⁹ См.: Э. Бенвенист, Индоевропейское именное словообразование, М., 1955, стр. 78 и сл., особенно стр. 178—204.

²⁰ См. об этом, например: А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 173 и сл.

²¹ Ср.: Г. А. Климов, К типологической характеристике картвельских языков (в сопоставлении с другими иберийско-кавказскими языками), М., 1960 («XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР»).

²² Об «иберийско-кавказском» лингвистическом типе см.: N. M. Holmer, Ibero-Caucasian as a linguistic type, «Studia linguistica», I, 1, Lund, 1947.

²³ См. об этом: A. n. Tschikobawa, Die iberokaukasische Gebirgssprachen und der heutige Stand ihrer Erforschung in Georgien, «Acta orient. Hung.», IX, 2, 1959, стр. 130.

²⁴ См.: A. Sommerfelt, Études comparatives sur le caucasique du Nord-Est, NTS, XIV, 1947, стр. 150 и сл.

²⁵ См.: А. Н. Куйперс, Proto-Circassian phonology, «Studia Caucasica», 1, The Hague, 1963, стр. 81 и сл.; Н. Vogt, Dictionnaire de la langue oubykh, Oslo, 1963, стр. 29—30.

²⁶ Ср.: Н. Vogt, Structure phonémique du géorgien, стр. 53 и сл., стр. 65—69.

²⁷ См. об этом: К. В. Ломтатидзе, О категории «версии» в абхазском глаголе (на груз. яз.), «Труды Тбилиск. гос. ун-та», XXX б — XXXI б, 1947; Г. В. Ровава, К вопросу об истории полиперсонализма в иберийско-кавказских языках (на груз. яз., резюме на русск. яз.), «Иберийско-кавказское языковедение», XIII, Тбилиси, 1962.

Таким образом, лингвистический тип общекартвельского языка-основы позднего периода можно определить как переходный от кавказского (преимущественно западнокавказского) к индоевропейскому²⁸.

Чем объяснить такой двойственный «кавказско-индоевропейский» характер картвельского лингвистического типа?

В настоящее время не представляется возможным прийти к вполне убедительному решению этой сложной проблемы. Ограничимся лишь выдвижением рабочей гипотезы, проверка и дальнейшее обоснование которой требуют широкого привлечения не только лингвистических фактов, но и данных истории, археологии и других смежных дисциплин.

Структурно-типологические черты, сближающие картвельские языки с северокавказскими, несомненно, восходят к глубокой древности, в то время как индоевропейские черты общекартвельского лингвистического типа относятся к более позднему хронологическому пласту²⁹. Исходя из этого можно допустить, что существование кавказского структурно-типологического слоя в общекартвельском языке-основе есть проявление предполагаемого исконного генетического родства картвельских языков с северокавказскими языками. На этот древнейший кавказский структурно-типологический слой постепенно накладывались черты, сближающие общекартвельский лингвистический тип с индоевропейским. Процесс «индоевропеизации» картвельского лингвистического типа, возможно, протекал в условиях тесного и длительного контакта между племенами, говорившими на картвельских и древних индоевропейских диалектах еще до разделения общекартвельского языка-основы на самостоятельные языки. В свете теорий, согласно которым один из наиболее вероятных путей проникновения индоевропейских племен в Переднюю Азию пролегал через Кавказ³⁰, выдвинутая нами гипотеза кажется не лишённой оснований³¹.

²⁸ Ср.: G. Deeters, *Gab es Nominalklassen in allen kaukasischen Sprachen?* «Corolla linguistica. Festschrift F. Sommer zum 80. Geburtstag am 4. Mai 1955», Wiesbaden, 1955, стр. 26.

²⁹ Возникновение аблаута, по-видимому, явилось результатом фонологизации фонетически обусловленных альтернатив гласных. В свою очередь выделение сонантов в качестве особого, промежуточного между гласными и согласными класса фонем было связано с возникновением чередования гласных: слоговые аллофоны сонантов могли появиться только на нулевой ступени огласовки морфем.

³⁰ См., например: F. Sommer, *Hethiter und Hethitisch*, Stuttgart, 1947, стр. 17 и сл.; В. В. Иванов, В. Н. Топоров, *Санскрит*, М., 1960, стр. 14—15; T. V. Gamkrelidze, «Anatolian languages» and the problem of Indo-European migration to Asia Minor, М., 1964, стр. 6—8 [VII International congress of anthropological and ethnological sciences (Moscow, August 1964)].

³¹ На тесный контакт носителей общекартвельского языка-основы с древними индоевропейскими племенами указывают также многочисленные лексические сходства между общекартвельским и индоевропейским; см.: Г. А. Келишвили, *Этимологический словарь картвельских языков*, стр. 40; Г. А. Меликишвили, *К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока*, Тбилиси, 1965 (на груз. яз.), стр. 206—246.

Г. А. Меликишвили выдвинул гипотезу об индоевропейском происхождении носителей так называемой «Куро-аракской» культуры, широко распространенной на Кавказе и в границах с Кавказом районах Передней Азии в III тысячелетии до нашей эры. По мнению Г. А. Меликишвили, предполагаемый индоевропейский субстрат картвельских языков можно отождествить с языком носителей «Куро-аракской» культуры (Г. А. Меликишвили, *указ. соч.*, стр. 103—246). Можно, как нам кажется, предложить и несколько иной вариант этой гипотезы, а именно, видеть в носителях «Куро-аракской» культуры обширный союз племен, который включал индоевропейские и картвельские (возможно, также и некоторые другие) племена. Опираясь на эту гипотезу, постулируемый нами индоевропейско-картвельский «языковой союз» можно было бы интерпретировать как лингвистический коррелят указанного союза племен.

О генетическом родстве картвельских с индоевропейскими, семито-хамитскими, уральскими и другими языками Северной Евразии см.: А. Б. Долгопольский, *Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии*, М., 1964 (ср. также: ВЯ, 1964, 2).

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Л. В. БОНДАРКО, Л. Р. ЗИНДЕР

О НЕКОТОРЫХ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКАХ РУССКИХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Теория дифференциальных признаков подвергалась в советской лингвистике критике с разных точек зрения. С. И. Бернштейн строил свою критику в аспекте определения фонемы как пучка дифференциальных признаков¹. П. С. Кузнецов, рассматривая бинарную классификацию Р. Якобсона и др.², убедительно доказал, что только после того, как определен состав фонем данного языка на основании противопоставления их в значимых единицах его, можно установить, какие признаки являются дифференциальными³.

В настоящей работе авторы стремятся показать, что акустическая характеристика звуков не дает основания для дихотомической классификации дифференциальных признаков, как она представлена в упомянутых работах Р. Якобсона и др. Авторы основываются при этом на экспериментально-фонетических данных, характеризующих такие противопоставления в системе согласных русского языка, как: 1) твердый — мягкий; 2) глухой — звонкий; 3) переднеязычный — непреднеязычный; 4) взрывной — невзрывной (взрывной — аффриката).

1. Противопоставление «твердый — мягкий» описывается в терминах бинарных оппозиций как противопоставление «дизный — простой». «Этот признак проявляется в незначительном повышении второй форманты, а также в какой-то мере и более высоких формант»⁴. Или: «... дизные фонемы противопоставляются соответствующим простым фонемам сдвигом вверх или усилением некоторых верхних частотных составляющих»⁵.

Спектральный анализ русских твердых и мягких согласных показывает, что, во-первых, различия между ними не во всех типах согласных одинаковы и, во-вторых, эти различия никогда не бывают столь простыми. Спектрограммы двух щелевых звуков, отличающихся друг от друга только твердостью — мягкостью, обнаруживают разницу в двух областях спектра: для твердых согласных характерно усиление полосы частот 1000—2000 гц и значительное ослабление полосы частот 2000—3000 гц; мягкие согласные, наоборот, характеризуются значительным усилением полосы 2000—3000 гц и ослаблением полосы 1000—2000 гц (см. рис. 1).

¹ С. Бернштейн. Против идеализма в фонетике, ИАН ОЛЯ, 1952, 6. Ср. также: Л. Р. Зиндер, *Общая фонетика*, Л., 1960.

² Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Халле, Введение в анализ речи, «Новое в лингвистике», II, М., 1962; Р. Якобсон, М. Халле, *Фонология и ее отношение к фонетике*, там же.

³ П. С. Кузнецов, *Об основных положениях фонологии*, ВЯ, 1959, 2.

⁴ Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Халле, *указ. соч.*, стр. 197.

⁵ Р. Якобсон, М. Халле, *указ. соч.*, стр. 258.

Для восприятия твердости или мягкости согласного одного усиления соответствующей полосы недостаточно, это было обнаружено в опытах по опознаванию согласных с искусственно преобразованным спектром. Оказалось, что из спектра *s* (твердого) можно получить спектр *s'* с хорошей опознаваемостью мягкости только при соблюдении двух условий: полоса 2000—3000 гц должна быть максимально усилена, а полоса 1000—2000 гц максимально ослаблена. И наоборот, из *s'* можно получить *s* только при соответствующем усилении полосы 1000—2000 гц и ослаблении полосы 2000—3000 гц⁶. Таким образом, экспериментальные данные свидетельствуют о том, что противопоставление твердых и мягких согласных должно рассматриваться как противопоставление не по одному признаку (двезный — простой), а по двум признакам (двезный — бемольный). Однако с точки зрения фонологической системы русского языка это противопоставление является привативным с немаркированным членом — твердым согласным — и маркированным членом — мягким⁷.

Другая группа согласных вообще не имеет собственных акустических признаков мягкости. Это относится к носовым *m'* и *n'*, а также к смычным *p'*, *b'*; на спектрограммах этих согласных различие между твердыми и мягкими заключается только в характере переходной фазы следующего за ними гласного: после мягких согласных вторая форманта следующего за ними гласного в его начальной фазе приближается к частоте 2000—3000 гц, составляющей как частоту второй форманты гласного *i*, так и частоту области усиления в спектре мягких согласных (см. рис. 2). В рассматриваемых случаях происходит своеобразный перенос места фонетической реализации признака мягкости с согласного на соседний гласный, мягкость согласного проявляется в *i*-образном начале следующего гласного.

Третью группу образуют переднеязычные и заднеязычные смычные (*t'*, *d'*, *k'*, *g'*). В ней палатализация сопровождается весьма заметной аффрицированностью, появлением щелевой фазы. Эта последняя и содержит признаки их мягкости (см. рис. 3). Что же касается начальных фаз этих согласных, то они не отличаются от соответствующих твердых.

Как видно из сказанного, фонетические характеристики твердых и мягких согласных представляют сложную картину, не соотносящуюся однозначно с противопоставлением «двезный — простой»⁸.

⁶ Л. Р. Зиндер, Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Акустическая характеристика различия твердых и мягких согласных в русском языке, «Уч. зап. [ЛГУ]», 325, Серия филол. наук, 69, 1964.

⁷ Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, О маркированности признака мягкости русских согласных, «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung» (в печати).

⁸ Картина существенно осложняется и тем, что возникают противоречия между артикуляционными и акустическими характеристиками при артикуляции *m'*, *n'*, *p'*, *b'* происходит дополнительное движение средней части спинки языка к твердому небу (что и вызывает появление *i*-образного перехода в следующем гласном), однако на протяжении смычки согласного никаких акустических признаков его мягкости наблюдать нельзя.

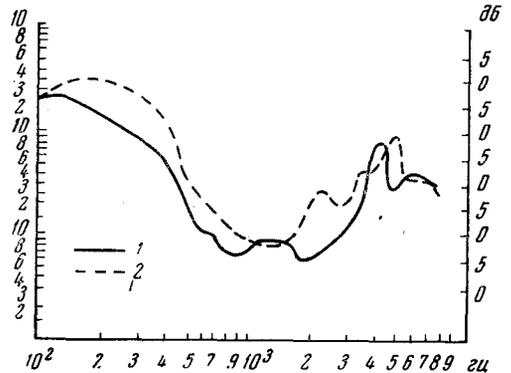

Рис. 1. Огибающие спектров: 1) *z* из *za*, 2) *z'* из *z'a*

2. Противопоставление «звонкий — глухой» описывается Р. Якобсоном и его соавторами так: «Звонкие... фонемы, ... противопоставленные глухим, ... характеризуются наложением гармонического источника звука на источник шума, производящий глухие фонемы... В спектре звонких согласных имеются форманты, которые обусловлены наличием источника гармонических колебаний»⁹.

Противопоставление глухих и звонких согласных является как будто бы наиболее простым с фонетической точки зрения. Однако ряд фактов свидетельствует о том, что нельзя рассматривать звонкие согласные как соответствующие глухие с добавлением голоса. Первые попытки создать синтетические звонкие согласные из синтетических же глухих с наложением частоты основного тона потерпели неудачу¹⁰. Спектральный анализ материала в свою очередь показал, что только для взрывных картина является достаточно простой и соответствует приведенному выше определению; для щелевых же согласных дело обстоит иначе. Наличие голоса приводит к довольно существенным отличиям звонких щелевых от соответствующих глухих. Прежде всего возникает заметная неоднородность звучания в результате появления сильно вокализованных участков в начале согласного и в конце, непосредственно перед гласным (см. рис. 4). Вокализованные участки звонкого согласного характеризуются четко выраженной формантной структурой — при этом наблюдается не только *FII*, но и *FIII* (см. рис. 4).

Далее, очень существенным является и то, что уровень шума в звонких согласных значительно слабее, чем в глухих. В результате появления вокализованных участков и ослабления шума звонкий шумный согласный может приобрести характер сонорного, как это и происходит, например, с губно-зубным *v* перед гласным или в окружении гласных, т. е. в условиях, наиболее благоприятных для сонантизации (см. рис. 5).

Из сказанного с очевидностью вытекает, что фонетические различия между звонкими и глухими согласными не могут быть сведены к одному признаку — наличию или отсутствию основного тона голоса.

3. Противопоставление переднеязычных согласных непреднеязычным, в частности губным, описывается в бинарной классификации Р. Якобсона и его соавторов как противопоставление низких высоким: «Акустическая характеристика: концентрация энергии в нижних resp. верхних частях спектра. Артикуляционная характеристика: периферийные resp. центральные; периферийные фонемы — велярные и губные... центральные фонемы — палатальные и дентальные»¹¹.

Рассмотрение русских губных согласных как низких в противоположность переднеязычным как высоким не может быть распространено на все случаи. Дело в том, что место концентрации энергии в спектре согласного существенным образом меняется в зависимости от качества соседнего гласного. В соседстве с огубленными гласными *o*, *u* происходит значительное понижение области усиления характерной частоты, так что *s* в сочетании *usu*, например, может быть более низким, чем *f* в сочетании *afa* (см. рис. 6). Тем не менее, как известно, согласные *s* и *f* не смешиваются. Можно было бы предположить, что различие осуществляется благодаря соседним гласным. Однако это опровергается результатами опытов по прослушиванию согласных, выделенных из контекста. Оказалось, что аудиторы обозначают как *s* согласный из слогов *sa*, *so*, *su* и т. д., хотя следующего гласного они не слышат. Так как такие опыты доказывают, что перемеще-

⁹ Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Халле, указ. соч., стр. 188.

¹⁰ Л. Р. Зиндер, Основные задачи развития физиологической фонетики, «Труды кафедры общего языковедения Тбилисск. ун-та. 3. Фонетический сборник. I», 1959.

¹¹ Р. Якобсон, М. Халле, указ. соч., стр. 257.

ние области концентрации энергии спектра в более низкую область не влияет на опознаваемость согласного, нужно предположить, что *f* и *s* отличаются друг от друга какими-то другими признаками. Интересно отметить, что и для английской речи не подтверждается характеристика противопоставлений *f*, *v* — *θ*, *ð* как низких и высоких, хотя именно так они описываются в бинарной классификации¹².

Анализ большого материала спектограмм русской речи показал, что наиболее общим признаком, различающим рассматриваемые согласные, является интенсивность шума. В спектре *s* шум всегда более интенсивен, чем в спектре *f*. Экспериментальной проверкой этого наблюдения служил следующий опыт. На магнитную ленту были записаны в случайном порядке изолированно произнесенные *s* и *f*; затем они были переписаны на чистую ленту с различными уровнями громкости и предъявлены группе auditors. Оказалось, что в 80—90% случаев искусственно усиленное *f* воспринимается как *s*, а искусственно ослабленное *s* — как *f*.

Для звонкой пары *z* — *v* противопоставление по силе шума также регулярно фиксируется на спектограммах: при одинаковом уровне интенсивности гласных, когда шум согласного *f* отчетливо наблюдается, шум согласного *v* вообще не регистрируется на спектограмме. В этом сказывается сонантная природа русского *v*, которая может быть объяснена фонетическим качеством «слобшумности» более убедительно, чем признаком низкого шума.

Для противопоставления взрывных (глухих и звонких) также более существенным, по-видимому, является уровень шума, чем его частота. С точки зрения спектральных характеристик это различие оказывается наиболее последовательным. Об этом же косвенно свидетельствует и факт ошибочного опознавания согласных: если *b*, *b'*, *m*, *m'* гораздо чаще при ошибочном восприятии идентифицируются с гласными или вообще с сонорными, чем *d*, *d'*, *n*, *n'* (44% — 33%), то это также говорит о том, что в группе переднеязычных шумовые составляющие сильнее, чем в группе губных согласных.

Таким образом, противопоставление низких губных согласных высоким переднеязычным согласным на фонетическом уровне может быть интерпретировано как противопоставление слабошумных сильношумным. Заметим, что это в большей степени согласуется с фонологической природой русского *v*, которое в некоторых позициях выступает как сонант.

4. Описание глухих взрывных согласных в отличие от аффрикат в терминах бинарной классификации основывается на различиях в характеристике шумовой фазы этих групп согласных. Это противопоставление описывается как противопоставление нерезкого резкому, т. е. *t* выступает как звук с неправильной формой волны, тогда как *s*, нерезкий, на спектрограмме обнаруживает определенную регулярность в шумовых составляющих.

Такое утверждение, как показывает спектральный анализ материала, справедливо только для противопоставления *t* — *s* в позиции перед гласным или следующим согласным. В абсолютном конце слова это противопоставление оказывается недействительным, так как в данной позиции глухие взрывные согласные приобретают признаки нерезких, т. е. обнаруживают в спектре регулярные области усиления (см. рис. 7).

Эта особенность приводит к существенной разнице в восприятии начальных и конечных глухих взрывных. Если опознаваемость начальных согласных при удалении следующего гласного практически равна нулю,

¹² С. N. Bush, *Phonetic variation and acoustic distinctive features*, 's-Gravenhage, 1964.

то конечные согласные прекрасно опознаются и будучи изолированы от того контекста, в котором они были произнесены.

Сказанное противоречит и той классификации согласных, которую предложили Черри, Халле и Якобсон¹³; для них нерезкий *t* противопоставлен резкому *č*, а для *s* этот признак вообще оказывается несущественным.

Рассмотрение некоторых акустических характеристик, различающих ряд групп противопоставленных в русском языке согласных, позволяет сделать следующие выводы: привативные в фонологическом смысле оппозиции в плане акустическом (фонетическом) не являются таковыми: противопоставляемые пары различаются не одним, а несколькими признаками. При этом в разных позициях признаки одной и той же фонемы могут варьировать¹⁴.

Таким образом, следует признать, что попытка представить дихотомическую классификацию фонем как основанную на акустико-артикулярных признаках упрощает действительное положение вещей, поскольку предполагает несуществующую инвариантность фонетических признаков.

Многие авторы пользуются терминологией бинарных противопоставлений, по существу не представляя ясно, что она также является условной и в этом отношении не имеет преимуществ перед традиционной фонетической терминологией.

¹³ К. Черри, М. Халле, Р. Якобсон, К вопросу о логическом описании языков в их фонологическом аспекте, «Новое в лингвистике», II.

¹⁴ Это было отчетливо сформулировано в работе В. С. Соколовой «Фонетика таджикского языка», М.—Л., 1949.

К. Е. МАЙТИНСКАЯ

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ МЕСТОИМЕННЫХ СЛОВ
В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СИСТЕМ

Местоименные слова составляют особую, весьма сложную и многогранную часть лексики. Не имея собственного содержания, не называя лиц, предметов, явлений, признаков, количества, местоимения лишь указывают на них, отсылают к уже упомянутому, подготавливают к последующему. Конкретное значение местоимений определяется всецело ситуацией или контекстом.

В функционировании языков и формировании их строя местоименные слова занимают особое место. Обладая способностью абстрагировать понятия, выраженные именами и наречиями, местоименные слова по частоте употребления не уступают служебным. Высокая степень абстрактности местоименных слов является условием для перехода в служебные слова (артиклы, союзы, частицы, послелоги) и в грамматические суффиксы (лично-притяжательные окончания, суффиксальные и префиксальные артикли, падежные окончания, суффиксы мн. числа, личные окончания глаголов)¹.

Обособленность местоимений в лексике языков — основная причина нескончаемых споров о месте слов этой категории среди частей речи. В отличие от «обычных» частей речи, в сфере которых переходные случаи могут быть рассмотрены как исключение, у местоимений «исключения» (в склонении, словообразовании) обычно столь многочисленны, что они входят в основную характеристику этой части лексики. Поэтому едва ли правомерно подходить к местоимениям с обычными критериями для выделения частей речи и относить (только на основании типов словоизменения) некоторые разряды указательных слов к существительным².

Грамматичность местоименных слов заключается в обособленности лексического значения, в обособленности их употребления и (во многих языках) в обособленности их форм, поэтому большинство исследователей с полным основанием выделяет местоимения в особую часть речи³. Однако не всегда этот подход доводится до логического конца: до признания того, что более целесообразно разделить местоименные слова по признаку лексического значения (например, противопоставлять слова типа русск. *этот, я, здесь, сюда, отсюда, теперь* — словам типа *тот, он, туда, оттуда,*

¹ Как отметил В. Таули, у местоимений особенно ярко выражена тенденция к агглютинации. Общепраспространенность перехода местоимений в грамматические форманты В. Таули иллюстрировал многочисленными примерами из самых различных языков (V. T a l i, The structural tendencies of languages, I — General tendencies, Helsinki, 1958, стр. 91—96, 97—102).

² Подобный подход к местоимениям выявляется в книге: П. Я. С к о р и к, Грамматика чукотского языка, ч. 1, М.—Л., 1961, стр. 136.

³ Обоснование этой точки зрения см., например: Г. О. С у р т н е, Parts of speech and accidence, Boston, 1935, стр. 7; М. И. С т е б л и н - К а м е н с к и й, История скандинавских языков, М.—Л., 1953, стр. 208, 213; В. З. П а н ф и л о в, Грамматика нивхского языка, I, М.—Л., 1962, стр. 226, 227, и др.

тогда), чем по признаку склоняемости — несклоняемости (т. е. противопоставлять местоимения местоименным наречиям).

Распределение местоименных слов по первому типу дало возможность Э. Бенвенисту выявить глубокие отличия сферы 1-го и 2-го лица от сферы «3-го лица». Как показал Э. Бенвенист, язык в виде местоименных слов сферы я (*я, этот, здесь, сюда* и т. д.; то же самое относится в меньшей мере к сфере *ты*) создал комплект «пустых», всегда свободных знаков, не относящихся к действительности, знаков, которые наполняются содержанием только в употреблении говорящего и служат орудием переключения языка в речь⁴. В отличие же от них сфера «3-го лица» (слова типа *он, тот, там* и т. д.) имеет «объективный» характер и является средством замены того или иного слова либо отнесения к тому или иному элементу высказывания. В отличие от сферы 1-го и 2-го лица, сфера «3-го лица» никогда не соотносена с моментом речи⁵.

Наряду с проблемами значения, функционирования местоименных слов и роли этих слов в формировании строя языков весьма актуальна и спорна также проблема происхождения местоименных корней, рассматриваемая в нижеследующей работе.

В данной статье делается попытка пролить свет на языкотворческий процесс, происходящий в эпоху, предшествующую времени существования самых древних исследованных языков-основ; тем самым мы вторгаемся в область языкознания, которая многими лингвистами считается запретной, поскольку приблизиться к ней можно только при помощи гипотез и умозаключений. Вероятность же гипотез зависит от фактического материала, на котором построены аргументы, поддерживающие гипотезу.

Ниже будут использованы аргументы, построенные: а) на данных сопоставления современных высокоразвитых литературных языков с современными бесписьменными языками или младописьменными языками народов (племен), живущих (или недавно живших) в примитивных условиях; б) на данных из истории хорошо изученных языков или языковых групп; в) на отдельных фактах пополнения местоименной лексики (без использования наличного «местоименного материала»), наблюдаемых в разных языках.

Термин «местоименное слово» (иногда упрощенно и «местоимение») употребляется здесь для обозначения слов, характеризующихся общим для местоимений указательным значением, но не обязательно имеющих формальные грамматические признаки (формативы склонения, словообразования). Подобное расширенное понимание местоименных (или иначе «указательных») слов в данном случае целесообразно: речь идет о возникновении местоименных слов, и мы исходим из того (признанного многими языковедами) положения, что указательные слова первоначально совмещали функции указательных частиц (наречий) и местоимений, а собственно местоимениями они стали только после приобретения свойств имени, например способности склоняться.

Следы близости указательных частиц (наречий) и местоимений сохранились во многих языках. Подчеркивая, что первоначально не местоимения превращались в наречия, а, наоборот, наречия (не имеющие еще никаких формантов) превращались в местоимения, Г. Хирт приводит гот. *sa*, др.-инд. *sa*, которые, по его мнению, исконно обозначали «здесь,

⁴ E. Benveniste, *La nature des pronoms*, сб. «For Roman Jakobson», The Hague, 1953, стр. 36.

⁵ Там же, стр. 37; о противопоставлении 1-го и 2-го лица 3-му см. также: P. Forchheimer, *The category of person in language*, Berlin, 1953, стр. 6.

там», а не «этот, тот»⁶. Д. Фокош подобную же мысль аргументирует материалами уральских языков, например данными из обско-угорских и самодийских языков, ср. манс. *ta* «тот; значит; так; тогда», *t'i* «этот; значит; вот», селькуп. *to* «этот (там); там» и т. д.⁷ Можно привести еще следующие примеры: в ваховском диалекте хантыйского языка местоимения *t'i* «этот» и *t'u* «тот» употребляются и как частицы *t'u lǎŋlǎŋsǎ* «вот ждал его», *t'u mǎneǎl* «вот едет»⁸, венг. *ma* «сегодня» сопоставляется с фин. *min* «другой».

В качестве основного исследуемого материала ниже используются собственно-указательные местоименные слова, как наиболее удобные для изучения процессов первотворчества. Местоименные слова остальных групп, в том числе личные в данном отношении менее показательны, поскольку сами нередко восходят к указательным местоименным словам.

Проблема происхождения местоименных слов до сих пор в основном изучалась по материалам таких языков, которые в сравнительно-историческом плане более или менее хорошо исследованы. Поскольку корни большинства современных индоевропейских, финно-угорских, тюркских и других местоимений уже в соответствующих языках-основах характеризовались указательными значениями, некоторые ученые пришли к заключению, что подобные слова и по происхождению были исконно указательными, тем более, что подобная мысль хорошо согласовывается с теорией о происхождении звукового языка от языка жестов, одним из сторонников которой был В. Вундт⁹. Г. Пауль, разделявший его точку зрения, писал: «Если отдельный индивид сумел привлечь внимание других с помощью какого-либо инстинктивного движения — пусть оно проявится в выражении глаз, в мимике, в жестикуляции руками или же в движении органов речи (разрядка наша. — К. М.), то это постепенно приведет его к уже намеренным попыткам привлечь к себе внимание с помощью данного движения»¹⁰.

Естественно, что на основании подобной теории легко построить гипотезу об исконности местоименных слов, тем более, что некоторые местоимения, например, личные, указательные, употребляемые в дейктической функции, и в наше время часто сопровождаются жестами, следовательно, некоторая связь жестов и местоимений несомненна.

Считая основные местоименные корни продуктами первотворчества, В. Вундт особенно большое значение придавал в этом отношении роли символики звуков, называемой им «звуковой метафорой»¹¹. Так, отмечая, что местоимение, означающее «я», во многих языках начинается с *t* или *b*, он объясняет это следующим образом: примитивный человек свое «Я» представляет помещенным в собственном теле, поэтому звуками *t* и *b*, произнесенными сомкнутыми губами, человек символизирует свое «Я».

⁶ Н. Н и р т, Indogermanische Grammatik, Tl. III. — Das Nomen, Heidelberg, 1927, стр. 9, 10, 13, 15; К. В г у н а н, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, II, Berlin — Leipzig, 1933, стр. 400. Об идентичности индоевропейских местоименных корней *e/i-, *ko-/ke- и соответствующих корней указательных наречий (частиц) см.: Ж. Р о к о г н у, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I, Bern, 1959, стр. 284, 609.

⁷ Ф о к о с Д., A névragozás történetéből, «Nyelvtudományi Közlemények», LVIII, 1965, стр. 66.

⁸ Н. И. Т е р е ш к и н, Очерки диалектов хантыйского языка, ч. I — Ваховский диалект, М.—Л., 1961, стр. 69; много примеров близости указательных частиц и местоимений сообщено Я. Балажем (см.: В а л á z s J., Az *im* és az *ám* eredete, «Magyar Nyelv», LIX, 2, 1963, стр. 147—149).

⁹ В. В у н д т, Völkerpsychologie, 1. Bd. — Die Sprache, 1. Tl. 4. unveränderte Aufl., Stuttgart — Leipzig, 1924, стр. 258.

¹⁰ Г. П а у л ь, Принципы истории языка, М., 1960, стр. 225.

¹¹ В. В у н д т, указ.: соч., стр. 357.

В этом же плане В. Вундт объясняет и другое явление. По его наблюдениям, у указательных местоимений во многих языках выявляется следующая общая черта: указание на близкое расстояние выражается при помощи «более слабых» гласных, чем указание вдаль; при этом «слабыми» он считает переднерядные *e*, *i*, «сильными» — заднерядные *a*, *o*, *u* ¹². В. Вундт утверждает также, будто на звуковой метафоре основано противопоставление (в корнях указательных местоимений) согласных определенной артикуляции ¹³.

Хотя примеры, приведенные В. Вундтом из самых различных языков, как будто и подтверждают его мысль, на наш взгляд, они малоубедительны. Во-первых, подобную звуковую символику местоимений можно было бы проэцировать лишь в глубокую древность, поскольку местоименные новообразования по данному типу не засвидетельствованы. Но в таком случае остается неизвестным, через какие звуковые изменения прошли корни сохранившихся до нашего времени местоимений до формирования хотя бы древнейших известных науке языков-основ; тем более мы не знаем, какие звуковые изменения происходили в корнях множества местоимений из языков, история которых вообще не изучена, но материалами которых В. Вундт также пользуется. Во-вторых, психологически маловероятны и сами типы звуковых метафор, приведенные В. Вундтом. Трудно поверить, например, что в символизации расстояния столь значительную роль играло противопоставление передне- и заднерядных гласных, ведь дифференциация в их артикуляции не наглядна и без лингвистической подготовки даже трудно поддается определению. Для символизации степени расстояния большее значение, чем противопоставление переднерядных и заднерядных гласных, могло бы иметь противопоставление гласных нижнего и верхнего подъемов, поскольку их артикуляция сопровождается заметным и ощутимым расширением или сокращением отверстия между губами, и противопоставление кратких и долгих гласных, что на деле наблюдается в языках (ср. русск. *вот здесь* и *во-он там*) ¹⁴. В-третьих, В. Вундт не принимает во внимание, что во многих языках указательные местоимения различаются не (или: не только) по принципу указания на степень расстояния, но также по признаку видимости — невидимости, известности — неизвестности и т. д., а эти признаки трудно поддаются символизации. В-четвертых, небезупречны и сами данные, на которые опираются выводы В. Вундта. Как отметил А. Н. Савченко, корни личных местоимений *m*- (1-е лицо) и *t*- (2-е лицо) не обнаруживаются в языках юго-восточной Азии, в африканских и австралийских языках, а в некоторых языках Дагестана *m*- указывает как раз на 2-е, *t*- — на 1-е лицо ¹⁵.

Таким образом, звуковая символика, имеющая столь важное значение для первообразования некоторых групп слов, например звукоподражательных, едва ли играла сколько-нибудь значительную роль в первообразовании местоимений.

В работе известного представителя теории исконности местоименных корней К. Бюлера красной нитью проходит мысль о том, что указательные слова (*Zeigwörter*) как языковые сигналы и назывательные слова (*Nennwörter*) как слова, выражающие понятия, относятся к разным семантическим полям, происходят от разных корней; по мнению К. Бюлера,

¹² Там же, стр. 356; подобное же мнение высказывается в кн.: J. W a s k e r n a g e l, A. D e b g u n n e r, *Altindische Grammatik*, III, Göttingen, 1930, стр. 509.

¹³ W. W u n d t, указ. соч., стр. 354, 355.

¹⁴ Символизация степени расстояния посредством дифференциации протяженности гласных довольно последовательно используется в чукотском языке; см.: П. Я. С к о р и к, указ. соч., стр. 138.

¹⁵ А. Н. С а в ч е н к о, *Славянские и балтийские местоимения в отношении к местоимениям других индоевропейских языков*, ФН, 1962, 3, стр. 75, 76.

переход из одного поля в другое, т. е. переход назывательных слов в указательные и наоборот, совершается лишь в порядке исключения, в случаях, когда назывательные слова, используясь в качестве ориентирующих (*topomnestische Wörter*), приобретают указательные функции. Так, по его мнению, теоретически не исключается возможность применения слов типа нем. *Fuß* «нога» в значении *hier* «здесь» или типа нем. *Ohr* «ухо» в значении *du* «ты»; по его словам, подобная возможность подтверждается также отдельными фактами, например происхождением японских личных местоимений¹⁶. Однако такие указательные слова К. Бюлером определяются лишь как заменители местоимений, как своего рода суррогаты, иногда вытесняющие подлинных «хозяев» указательного поля, исконно существовавших в языке и происшедших от указательных, а не от назывательных корней.

Следует отметить, что К. Бюлер опирался всецело на материалы индоевропейских языков, взятые им в основном из классической работы К. Бругмана об указательных местоимениях. Древнейшие корни индоевропейских местоимений, выявленные сравнительно-историческим методом, выражали, действительно, лишь абстрактные местоименные значения и этимологически не могут быть возведены к словам, обозначающим полные понятия по типу глаголов и существительных. Такова природа местоименных корней также в уральских и тюркских языках. Тем не менее, случаи перехода полных слов в местоименные наблюдаются и в этих языках. Так, неопределенно-личные местоимения в германских языках происходят от существительного, обозначающего «человек, мужчина», ср. местоимения нем. *man*, голл. *men*, бурск. *mens*, швед., норв., дат. *man*, исл. *maðir* и существительные нем. *Mann*, исл. *maðir* «человек, мужчина»; подобным же образом объясняется французское местоимение *on* от существительного *homme* «человек».

Довольно большое количество переходов полных слов в местоименные неопределенного, отрицательного, обобщенного, определительного, взаимного разрядов наблюдается в индоевропейских, уральских, тюркских языках. Приведем некоторые из них: в английских сложных местоимениях типа *nobody* «никто», *nothing* «ничто» и т. д. содержатся компоненты *body* «лицо, человек» и *thing* «вещь»; русск. *любой* связано с глаголом *любить*, русск. *другой* — с *друг* в значении «соратник» (ср. *дружина*), др.-инд. *nēma* «некоторый» связано с *nemādhi* — в значении «разъединение»¹⁷; фин. *eräs* «некто; нечто; некоторый» происходит от *erä* «часть; доля»; манс. *lüt* «что-то» — от *lüt* «вещь»¹⁸, удм. *van'* «всё; весь» — от *van'* «существующий; имеющийся»¹⁹, морд. *l'ija* «другой» сопоставляется с фин. *liika*, *liian* «лишний»²⁰ и т. д.; чагат., якут. *bary* «всё», узб. *barč'a* «все; всё» происходит от *bār* «имеющийся».

В ряде языков возвратные местоимения (а также усилительно-возвратные типа русск. *сам*) происходят от слов, обозначающих «душа; тело; голова» и т. д.; например, индо-иранское возвратное местоимение *tanū* обозначает «тело», древнеиндийское возвратное местоимение *ātmān* — «душа»²¹, фин. *itse*, мордов. *es'/äs'*, марийск. *ške* «сам», коми *ač's'im*, удм. *ač's'im* «я сам» происходят от слов со значением «душа» (ср. мордов.

¹⁶ См.: К. Bühler, Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache, Jena, 1934, стр. 145—148.

¹⁷ J. Wackernagel, A. Debrunner, указ. соч., стр. 577.

¹⁸ Ö. B. E. ke, Nomen und Verbum, «Acta linguistica Hung.», X, 3—4, 1960, стр. 371.

¹⁹ Т. Lehtisalo, Samojedische Etymologien, «Nyelvtudományi Közlemények», 1—3, 1936, стр. 230.

²⁰ Н. Paasonen, Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss, Helsingfors, 1909, стр. 89.

²¹ J. Wackernagel, A. Debrunner, указ. соч., стр. 488.

es' орта «эпилепсия», буквально «душевная болезнь»), венгерское возвратное (а также личное) местоимение *taga* «сам; Вы» происходит от слова со значением «туша; сердцевина», мордовское возвратное местоимение *pr'a* — от слова *pr'a* «голова»²², в алтайских языках так называемые усиленно-личные местоимения (со значением типа русск. *я сам, ты сам* и т. д.) происходят также от слов, обозначающих «тело», ср. туркм. *әз, ойрат. бой, шорск. нос/ноз*²³.

В ненецком языке (самодийской группы) личные местоимения 2-го лица: *пыдар* «ты», *пыдара* «вы» происходят от *пыд* «туша»; в тибетском языке в качестве личных местоимений 3-го лица употребляются слова «самец» и *то* «самка»²⁴. Общеизвестны факты перехода полнозначных слов в личные местоимения вежливого обращения, например, бурск. *U* «Вы» сокращено от. *Uwe Edelheid* «Ваше благородие», исп. *Usted* «Вы» (одно лицо) — от *vuestra merced* «Ваша милость», классическое инд. *bhāvant* — от *bhāgavant-* «божественный»²⁵, венг. *kend* «Вы» (устарелое обращение к крестьянину) — от *kegyelmed* «твоя милость» и т. д.

Приведена лишь незначительная часть известных науке данных перехода полнозначных слов в местоименные, причем в основном из индоевропейских, уральских и тюркских языков. Увеличить количество примеров было бы нетрудно; однако если стремиться убедить читателей в том, что местоименные слова не были исконно указательными по происхождению, то приведенные данные и им подобные не убедительны: во-первых, такие факты в истории индоевропейских, уральских, тюркских языков разрознены и не образуют системы; во-вторых, большинство перечисленных местоимений, происшедших от полнозначных слов, относится не к основным разрядам, а к неопределенным, возвратным и другим местоимениям; в-третьих, приведенными местоимениями во многих случаях были заменены ранее употреблявшиеся местоимения (так, др.-инд. *ātman* «сам; свой» было заменено общеиндоевропейское возвратное местоимение с основой **swa-*, ненец. *пыдар* «ты» было заменено местоимение с корнем *t-*, сохранившееся во всех других самодийских языках, и т. д.).

Все возрастающие успехи в изучении ранее не исследованных языков, прежде всего языков Азии, Африки, Австралии и Америки, дают возможность привлекать новые материалы и решать проблему происхождения местоименных корней на основании новых конкретных данных.

Исключительно интересные общие выводы напрашиваются при изучении материалов одного из языков центральной Австралии, языка племени аранта²⁶. Лексика языка аранта состоит из очень небольшого количества элементов, которые обозначают действия и состояния и которые условно можно было бы назвать корнями. Вступая друг с другом в различные комбинации, указанные корни обозначают и другие понятия. Следовательно, в языке аранта нет ни глаголов, ни существительных, ни прилагательных. Корни, обозначающие в основном движение или состояние, служат также для выражения абстрактных значений, например, значений, свойственных местоимениям и числительным; контекст и сопровож-

²² К. Е. Майтинская, Местоимения в мордовских и марийских языках, М., 1964, стр. 55.

²³ А. П. Поцелуевский, Происхождение личных и указательных местоимений, Ашхабад, 1947, стр. 17—18 (при этом А. П. Поцелуевский ссылается на работы Е. Э. Бертельса, А. Н. Кононова, Н. П. Дыренковой, Е. И. Убрятовой и др.).

²⁴ Ю. Н. Рерих, Тибетский язык, М., 1961, стр. 70.

²⁵ J. Wackerpael, A. Debrunner, указ. соч., стр. 486, 487.

²⁶ Материалы исследований этого языка обобщены в кн.: A. Sommerfelt, La langue et la société. Caractères sociaux d'une langue de type archaïque, Oslo, 1938; данные по этому языку заимствуются из указанной книги.

дающие жесты помогают избежать недоразумений во взаимопонимании²⁷. Одни и те же корни могут выступать в значениях местоимений разных рядов.

Приведем корни, получившие роль указательных местоименных слов в языке аранта. В геминате *papa* элемент *pa*, употребляемый в смысле «этот; здесь», обозначает также «сидеть; существовать»; корень *ta*, используемый в смысле «там», имеет также значение «взорваться; лопнуть; стать видимым»; корень *ma*, употребляемый также как указательное местоимение, обозначает «давать много»²⁸. Слова, функционирующие в качестве «личных местоимений», обычно сложны; так, в состав слова *altja*, выступающего в роли личного местоимения 1-го лица, входит элемент *tja* со значением «принадлежащий к чему-либо»; в состав *ilina*, употребляемого в значении «мы двое», входит корень *la* со значением «идти; нога» + корень *na* «сидеть; существовать»; в состав слова *arankara*, употребляемого в значении «вы», входит корень *(a)ra* «находиться впереди» + корень *nka* «удалиться» + еще раз корень *ra* «находиться впереди»; в состав слова *mbala*, употребляемого в значении «вы двое», входит *mba*, вероятно, «гореть», «находиться в середине» + корень *la* «идти; нога» (он же функционирует как указательное местоимение); *unta* обозначает и «ты» и «лежать»²⁹. В функции вопросительного наречия со значением «где» выступает корень *(i)nta*, он же обозначает и «лежать»; слова *nguna/ngula* «кто» состоят из корня *ngu/nku* «быть скрытым, невидимым» + вышеприведенные корни *na* «сидеть; существовать» или *la* «идти; нога»; слово *iwuna* «что» состоит из корня *(i)wu* «бросить» + корень *na* «сидеть»³⁰. В функции притяжательных местоимений в языке аранта выступают обычно также сложные образования: так, в смысле субстантивного местоимения «мой» функционирует *nikara*, в функции субстантивного местоимения «твой» — *itkwangara*; в эти образования входит корень *ra* «находиться впереди; видеть; становиться»; *ni* функционирует в значении «я» и, по-видимому, идентично корню со значением «живот; желудок»; образование *ingwana*, выступающее в значении «твой», сводится к слову *ingwaina* «покрывать; кость» (семантически связь обоснована, так как кости покрыты мясом); в состав образований *ekura*, *ekuraga* «его», кроме корня *ra*, входит также корень *ku* «положить; спрятать»³¹.

Факты, приведенные А. Соммерфельтом, не могут быть объяснены звуковыми совпадениями, поскольку речь идет о целой системе регулярных однотипных совпадений местоименных слов с корнями полных значных слов определенной семантики, точнее: слов, обозначающих действия (движения) и состояния или предметы, для которых характерны соответствующие действия и состояния (ср. *идти* и *нога*, *покрывать* и *кость*). Нельзя не признать убедительной точку зрения А. Соммерфельта, считающего, что указанные корни, используемые как местоименные, первоначально обозначали предметы и существа, представляемые как сидящие, лежащие, наклоненные, расположенные впереди (позади), находящиеся в движении и т. д.³². Бедность консонантизма и особенно вокализма языка аранта (в нем всего три гласных фонемы), ничтожное количество слов-корней, из которых построены все слова (но которые все же выражают определенные значения), все это является причиной развития (в тех же корнях) абстракт-

²⁷ A. Sommerfelt, указ. соч., стр. 72, 109, 125.

²⁸ Там же, стр. 69, 70, 75, 89, 114, 119.

²⁹ Там же, стр. 69—72, 118—122.

³⁰ Там же, стр. 114, 121, 122.

³¹ Там же, стр. 86, 116—118, 120, 121.

³² Там же, стр. 114, 115; подобный же пример Соммерфельт приводит также из американского языка кламас (klamath в штате Орегон США), в котором указательное местоимение *ge*, *ke* восходит к глаголу *gi* «быть; существовать» (см. там же, стр. 70).

ных значений, свойственных, например, местоимениям и числительным. Следует отметить, что А. Соммерфельт в своем исследовании приводит строго фонетический, а также фонематический анализ корней, рассматривая их в фактическом, а не предполагаемом или восстановленном звуковом составе.

Весьма любопытные факты можно наблюдать в алеутском и эскимосском языках, в каждом из которых употребляется свыше двадцати указательных местоимений (в узком понимании слова). При их помощи, естественно, могут быть выражены весьма дифференцированные оттенки указаний. Так, в алеутском языке разные местоимения используются не только для указания на несколько степеней отдаленности по расстоянию, но также и для характеристики предметов и людей в зависимости от того, находятся ли они впереди, наверху или внизу, находятся ли внутри или вне дома и т. д.³³ В эскимосском языке указательные местоимения употребляются также в зависимости от конкретизированной характеристики предмета или лица: одним указывается на движущийся предмет, другим — на предмет, находящийся внизу, у воды, на воде, третьим — на предмет, далеко находящийся от берега; есть местоимения, указывающие на расположение за чем-либо, например за рекой, оврагом, проливом; употребляются местоимение, указывающее на предмет, находящийся у выхода, у порога, местоимение, относящееся к предмету, расположенному наверху, на горе и т. д.³⁴ Следует отметить, что некоторые эскимосские местоименные корни сохранили свое самостоятельное значение и в современном языке, на основании чего Г. А. Меновщиков и пришел к вполне обоснованному заключению, что указательные местоимения в этом языке вообще не являются первичными образованиями, а восходят в своем генезисе к словам наречно-именного значения³⁵.

Многообразие эскимосских местоимений и особенно их значений может быть объяснено только тем, что сами местоимения восходят к словам довольно конкретного значения, прежде всего к словам, выражающим пространственную ориентацию типа «нижнее место», «верхнее место», «наружное место», «внутреннее место» или «внизу», «наверху», «снаружи», «внутри», далее к словам, обозначающим такие понятия, как «море», «берег», «дом», «гора» и т. д. Следовательно, алеутские и эскимосские местоимения возникли, в конечном счете, таким же образом, как и местоимения в языке аранта, т. е. от полнозначных слов. Остается решить еще вопрос о том, не являются ли указательные местоимения типа алеутских или эскимосских продуктами позднего развития, т. е. не вытеснили ли они какие-нибудь прежние местоимения более абстрактного значения типа индоевропейских или финно-угорских. По мнению Г. А. Меновщикова, приведенные им эскимосские местоимения существовали уже тогда, когда разбросанные по разным континентам эскимосские диалектные группы объединялись в один этнический массив с одной территорией и общим языком-основой, следовательно, возраст этих слов — не менее семисот лет, а если учесть, что многие из них материально общи с алеутскими местоимениями, то можно сделать вывод, что они относятся даже к языку-основе всей эскимосско-алеутской группы языков³⁶.

Материалы таких языков, как аранта, алеутский, эскимосский, показывают закономерное, системное, а не разрозненное или единичное проис-

³³ См. об этом: А. А. Л е о н т ь е в, Возникновение и первоначальное развитие языка, М., 1963, стр. 103.

³⁴ Г. А. М е н о в щ и к о в, Указательные местоимения в эскимосском языке, ВЯ, 1955, 1, стр. 28, 29.

³⁵ Там же, стр. 29, 30.

³⁶ Там же, стр. 27, 41.

хождение местоимений от полнозначных слов. Не исключено, естественно, что в некоторых из подобных языков процесс перехода полнозначных слов в местоимения совершался сравнительно поздно, а ранее в тех же языках употреблялись другие местоимения типа индоевропейских, уральских, тюркских; тем не менее и эти более ранние местоимения возникали, в общем от полнозначных слов. Более того, на фоне материалов таких языков, как аранта, эскимосский, алеутский и т. д., в новом свете может быть представлено происхождение и индоевропейских, уральских, тюркских местоимений. Вполне допустимо и логически вероятно, что древние индоевропейские, уральские и тюркские местоименные слова возникали от полнозначных слов, но это происходило значительно раньше образования индоевропейского, уральского и тюркского языков-основ.

Имеются некоторые косвенные данные, подтверждающие это предположение. Так, в большинстве современных индоевропейских, финно-угорских и тюркских языков употребляется не более двух-трех или четырех основных указательных местоимений; но в финно-угорском, а также индоевропейском языке-основе выявлено значительное количество указательных местоименных корней: в финно-угорском языке-основе их было восемь: *t-* с заднерядной огласовкой, *t-* с переднерядной огласовкой, *n-*овый, *s-*овый, *e-*овый, *o-*овый, *i*o-/*i*u- и *m-*овый корни; в индоевропейском языке-основе употреблялось семь различных указательных корней³⁷. В тюркских языках основная система указательных местоимений построена на противопоставлении близких предметов отдаленным, но видимым, и, наконец, предметам еще более отдаленным и невидимым. Однако наряду с тремя указательными местоимениями *bu*, *şu*, *ol*, представляющими эти типы указания, выявляются также и другие корни, во-первых, основа косвенных падежей *mi-*, во-вторых, *i/a*, *ti*, *bä*, являющиеся остатками от других более древних систем местоимений³⁸.

По нашему мнению, многочисленность указательных местоименных корней в соответствующих языках-основах свидетельствует о том, что эти корни первоначально использовались для выражения разных оттенков указания, и, только достигнув (в результате длительного развития уже в эпоху существования языков-основ) высокой степени абстракции, они стали употребляться в синонимических функциях, группируясь по нескольким основным типам указания. По мнению К. Бругмана³⁹, в индоевропейских языках можно выявить три основных типа указаний: общий (*Dér-Deixis*), указание на сферу говорящего (*Ich-Deixis*) и указание на сферу вне говорящего (*Jener-Deixis*), четвертый тип: указание на сферу собеседника — ответвление от общего указания; по нашим наблюдениям, указательные местоимения финно-угорского языка-основы группировались по тем же трем основным типам указания. Уже К. Бругман отметил, что абстрактные типы указания, связанные с представлениями о трехступенной отдаленности предметов, развились из более конкретных типов указаний. Так, местоимением типа *Jener-Deixis* первоначально указывалось на предметы, расположенные по ту сторону чего-либо⁴⁰.

В качестве косвенных доказательств можно использовать также богатейшие сведения, приведенные А. Фрейем в его работе, посвященной анализу дейктических систем, выявляющихся в языках самых разных групп,

³⁷ См.: А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 332—334.

³⁸ См.: W. K o t w i c z, Les pronoms dans les langues altaïques, «Mémoires de la Commission orientaliste», 24, Kraków, 1936, стр. 46.

³⁹ К. В р у г м а н н, Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen, «Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», XXII, VI, Leipzig, 1904, стр. 9—12.

⁴⁰ Там же, стр. 12.

в том числе в африканских, азиатских, индонезийских и др. А. Фрей показывает, что в большинстве современных языков мира, пользующихся противопоставлением указательных местоименных слов по степени отдаленности, выявляется двух- или трехчленная дейктическая система⁴¹. Следует отметить, что двойственность, а также и тройственность дейктической системы в концепции А. Фрея отнюдь не однозначна с наличием в данном языке только двух или трех указательных местоименных единиц, поскольку один член, два члена или каждый из членов может быть расщеплен на две или даже на три единицы указательных слов. Например, в языке бисая (Филиппинские острова) расщеплен каждый из членов, и таким образом получают следующие указательные единицы: 1а — указывающая на близость к говорящему, 1б — указывающая на отдаленность от говорящего, 2а — указывающая на близость к собеседнику, 2б — указывающая на отдаленность от собеседника, 3а — указывающая на предмет, одинаково близко находящийся как к говорящему, так и к собеседнику, 3б — указывающая, что предмет находится одинаково далеко от говорящего и от собеседника. Еще более сложны дейктические системы в языках, в которых местоименные слова распределяются не только по степени расстояния, но также и по другим признакам (например, по оппозиции видимого — невидимого, известного — неизвестного, одушевленного — неодушевленного, стоящего — сидящего — находящегося в движении и т. д.)⁴².

Сопоставляя факты, собранные из многих языков, А. Фрей приходит к выводу, что сложные системы характерны, как правило, для примитивных языков или для ранних ступеней развития ныне высокоразвитых языков. Следовательно, дейктические системы, предполагающие подробную дифференциацию указания, характерны для конкретного мышления, в то время как простые системы типа двучленных характерны для абстрактного мышления⁴³. Двучленные дейктические системы большинства современных индоевропейских языков А. Фрей рассматривает как сформировавшиеся в результате длительного процесса упрощения и абстрагирования на основе более сложных и конкретных систем⁴⁴.

Очень важен вывод А. Фрея о том, что для ранних ступеней развития языков характерны сложные системы указания, для поздних же ступеней — простые системы. Сложные системы, естественно, в общем требуют больше указательных местоименных слов, чем простые системы, и, следовательно, предполагают дифференцированные и конкретизированные значения, что роднит их с полнозначными словами. Существуют, однако, языки, в которых наблюдается как раз обратная закономерность. Так, по подсчетам В. С. Воробьева-Десятовского в Ведах засвидетельствовано девять указательных местоимений, но позднее их количество в индийских языках значительно сократилось, кроме одного языка, в котором их число снова возросло⁴⁵. По сравнению с турецким литературным языком в некоторых турецких диалектах употребляется большое количество указательных местоимений, причем большинство из них являются новообразованиями⁴⁶. Однако фактически и приведенные данные не противоречат вышесказанному: примитивные условия жизни племен, зани-

⁴¹ H. F r e i. Systèmes de déictiques, AL, IV, 3, Copenhagen, 1944, стр. 113, 114.

⁴² Там же, стр. 115, 116.

⁴³ Там же, стр. 127, 128.

⁴⁴ Там же, стр. 122—126.

⁴⁵ В. С. Воробьев-Десятовский, О некоторых закономерностях развития указательных местоимений в индоарийских языках, «Уч. зап. Ин-та востоковедения [АН СССР]», XIII — Индийская филология, М., 1958, стр. 137—139, 142.

⁴⁶ Устное сообщение Э. В. Северяна.

мающихся охотой, бортничеством, рыбной ловлей, скотоводством, требуют точных дифференцированных способов указания на пространственные и другие признаки предметов, интересующих носителей соответствующего языка (диалекта), поэтому в диалектах может употребляться большее количество указательных слов, чем в литературных языках. Сказанное, естественно, вовсе не означает, что в соответствующих диалектах обязательно сохраняется большое количество древних корней. Диалекты, как и языки могут утратить часть этих корней, и при необходимости восполнить местоименный запас, причем в последнем случае не обязательно повторять процесс первообразования, т. е. абстрагировать местоименные слова от неместоименных слов. Хотя подобные случаи, как было показано выше, встречаются, более обычным способом создания новых местоимений является комбинирование уже имеющихся местоимений, а затем — их комбинирование с другими словами (прежде всего с частицами) или их редупликация.

И, наконец, в этой связи можно упомянуть об известном психологическом факте — при развитии детской речи местоимения начинают употребляться позднее, чем другие части речи⁴⁷; это объясняется тем, что детям недоступна трудная абстракция «чередующихся» значений, присущая словам типа *этот, тот, я, ты*, которые, в зависимости от ситуации, выражают разные ориентации в устах говорящих.

*

На основании вышеприведенного материала можно сделать следующее заключение. Местоимения в языках разных систем не являются исконно указательными словами. По происхождению они не имеют непосредственного отношения к жестам и не могут быть объяснены звуковой символиккой. Местоименные слова в конечном счете происходят от полнозначных слов, выражающих пространственную ориентацию (например: *внизу, наверху, снаружи, внутри, по ту сторону* и т. д., или *низ, верх, наружное место, внутреннее место, место по ту сторону, гора, впадина, берег* и т. д.), впоследствии характеризуют предметы по определенным признакам (например, как видимые, невидимые, стоящие, движущиеся, лежащие и т. д.). Об этом свидетельствуют не разрозненные случаи происхождения местоимений от полнозначных слов, наблюдаемые во многих языках, а данные тех именно языков, в которых этимологическая общность полнозначных слов и местоимений образует систему (например, в языке аранта, в эскимосском, алеутском языках). Косвенным доказательством служит также многочисленность указательных местоименных корней в некоторых языках-основах (индоевропейском, финно-угорском, тюркском), которая может быть объяснена только прежними разнообразными (следовательно, и более дифференцированными) значениями древних местоимений, что является следствием их происхождения от полнозначных слов. Наблюдаемые уже в исторические периоды развития языков (например, индоевропейских, уральских, тюркских) случаи преобразования полнозначных слов в местоименные косвенно также свидетельствуют о том, что такие преобразования могли совершаться и в глубокой древности, в том числе и в период, когда в языке соответствующего коллектива людей еще не было никаких местоименных слов. Носители первобытных языков обходились без абстрактных указательных слов, употребляя вместо них названия конкретных предметов или их расположение. Обходятся без местоименных слов также и дети раннего возраста.

⁴⁷ См.: Л. Х а к у л и н е н, Развитие и структура финского языка, ч. I, М., 1953, стр. 68.

М. А. ГАБИНСКИЙ

К ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ИНФИНИТИВА

(На материале романских языков)

В настоящей статье ставится цель проследить доступные наблюдению способы появления инфинитива из других образований, равно как и превращения его в качественно новые факты. Сферой для наблюдений избрана языковая семья (романская), где такие превращения сравнительно многочисленны. Одновременно демонстрируется, что закономерности, установленные на романском материале, охватывают значительное число фактов других языков. В связи с этим предполагается, что дальнейшее применение предложенного метода сможет помочь построению общезыковой типологии способов возникновения и превращения инфинитива.

Поставленной цели нельзя добиться, не исходя из четких критериев инфинитивности, единых для всех привлекаемых языков. Такого единства, однако, не существует в литературе ни по общему языкознанию, ни по различным отдельно взятым семьям языков, в том числе романским (см. примеры ниже). Для какого-нибудь одного языка иногда нетрудно найти определение инфинитива, на первый взгляд кажущееся состоятельным. Оно, однако, нередко противоречит даваемому там же определению глагола, среди форм которого приводится инфинитив. Ср. хотя бы последние научные грамматики русского языка. Так, в одной из них глагол определяется как часть речи с обобщенным значением процесса, выражаемым категориями вида, залога, лица, наклонения, времени и т. д.¹ Там же инфинитив представлен как форма глагола, безотносительная к лицу или предмету (время и число почему-то не упоминаются). Далее следуют замечания (разной степени убедительности) об отличиях инфинитива от имени действия, но каковы критерии глагольности инфинитива, остается неизвестным. То же противоречие между характеристикой глагола и инфинитива как его формы налицо в другой новейшей русской грамматике². Последней доступной научной грамматикой романского языка оказалась академическая румынская, где дается характеристика инфинитива, легко применимая и к имени действия, что в следующих же строках иллюстрируется смешением одного с другим на конкретных примерах. Даваемое же выше определение глагола вообще («изменяемая часть речи, которая спрягается и выражает действия и состояния») не исходит из более общих грамматических понятий и апеллирует к лексическому значению³. Число подобных примеров можно без труда увеличить. Сравнительно легко было бы определить глагол, напри-

¹ См.: «Современный русский язык», II — Морфология, Синтаксис, М., 1964, стр. 129—130.

² См.: Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Чапуркович, Современный русский язык, 2-е изд., М., 1964, стр. 220—221.

³ См.: «Gramatica limbii române», I. Bucureşti, 1963, стр. 224 и 202. Отметим, что недавно по рассмотрении ряда фактов выражены серьезные сомнения в возможности найти общезыковое определение инфинитива: см.: W. P. Schmidt, [ред. на кн.:] P. Sgall, Die Infinitive im Rgveda, IF, 68, 2, 1963, стр. 202—203.

мер, как выразитель определенного комплекса грамматических категорий, а инфинитив как его назывную форму, различающую лишь какую-то их часть. Однако ввиду невозможности установить общезыковой комплекс таких категорий (ряды языков неизвестны, например, формы лица, числа и времени глагола) указанным способом нельзя определить инфинитив на основе общелингвистических критериев. Этот способ легко применим к одному языку, но тем самым здесь отменяется общелингвистическая обоснованность. В частности, такой подход не поможет даже при сопоставлении родственных языков, типа предложенного выше (не говоря уже о более широком плане). Как станет ясно дальше, даже два инфинитива одного языка могут различаться категориально. Ввиду всего сказанного требуемое определение глагола и инфинитива должно быть дано без привлечения конкретных грамматических категорий. Фактором, которого нельзя не привлечь в ходе определения, является тип связи с другими словами, прежде всего с выразителем объекта действия. Поэтому предлагаемое определение ограничивается пока языками номинативного строя, вопрос о применимости того же (разумеется, в более обобщенной форме) к эргативным и другим языкам остается пока за недостатком информации открытым.

Предлагаемое далее точное значение термина «инфинитив» не является ввиду соблюдения условия минимальной ломки терминологии произвольным. Ниже делается лишь попытка найти способ доказательства наличия (resp. отсутствия) того, что давно считается для разных языков инфинитивом интуитивно или по традиции. Однако объем традиционного понятия при этом сохраняется лишь частично — в той мере, в какой оно свободно от издавна свойственных ему противоречий, хорошо заметных и до операции определения (см. ниже о фактах, которые согласно вводимому определению к инфинитиву не принадлежат).

Даваемое ниже определение инфинитива как формы глагола исходит из следующих трех допущений: 1) поскольку в данном языке глагол выделим в особую часть речи ⁴, то к нему обязательно принадлежит хотя бы часть грамматических форм ⁵, служащих исключительно средствами предикации ⁶; 2) поскольку в данном языке разные формы глагола различаются по составу выражаемых ими грамматических категорий, то исключительно предикационные глагольные формы ⁷ выражают максимум этих категорий; 3) все формы глагола управляют одним и тем же способом.

Во множестве языков все чисто предикационные формы являются только глагольными. Однако в некоторых языках предикцирующими могут быть имена (ср. различение ими лица и числа деятеля в тюркских

⁴ Потому из рассмотрения выпадают инкорпорирующие языки, как вообще не допускающие выделения частей речи, а также языки, где глагол не выделим из более общей части речи («предикатива» или под.).

⁵ Т. е. образований, не членимых выше уровня морфем (хотя морфемы могут быть и подвижными, см.: V. G u ț u - R o m a l o, «Forme verbale compuse», «Studii și cercetări lingvistice», XIII, 2, 1962). Предикаторы, состоящие из разных самостоятельно бытующих в языке слов, данным определением не охватываются. Так, оно не распространяется на английские слова типа *afloat* «на воде», немецкие и русские краткие прилагательные и под., так как эти средства не осуществляют предикации без связи (в последнем случае она представлена нулем в презенсе, но выражена в других временах).

⁶ Разумеется, предикация может осуществляться и средствами, обычно служащими не для нее (ср. традиционный исторический инфинитив разных языков или сефардский повелительный герундий) и наоборот: некоторые чаще предикцирующие формы могут сами иногда быть предпцируемы (ср. балканский конъюнктив).

⁷ Не настаивая заведомо на единственности данного способа определения, отметим, что определить глагол вообще иначе, как отправляясь от его чисто предикационных форм, пока не представилось возможным.

языках)⁸. В таких языках из числа всех чисто предикационных форм необходимо вычесть прежде всего те, которые различают комплекс категорий существительного⁹, далее — то, что может быть атрибутом (т.е. прилагательное), числительное и, если придется, местоимение и т. д. Оставшиеся предикационные формы будут только глагольными.

Наблюдением за предикационными формами глагола устанавливаем свойственные им: 1) комплекс грамматических категорий¹⁰ и 2) способ связи с другими словами в контексте, в том числе (это особо важно для языков номинативного строя) способ управления выразителем объекта понятийного действия¹¹. Сочетание этого способа связи с другими словами и всего указанного комплекса грамматических категорий или какого-то их числа (в том числе нуля) и есть признак глагола. Иначе говоря, глагол есть совокупность грамматических форм, управляющих тем же способом, что неизменные предикационные, и не различающих никаких категорий, не свойственных неизменным предикационным формам. Например, помимо указанных форм, выражающих максимум глагольных категорий, легко выделить другие, различающие их меньшее число или вовсе их не различающие¹². Предвидя возражения, отметим, что дать в свете известного другое определение глагола не представляется возможным. Так, явно не выдерживают критики определения (типа школьных), основанные на семантическом признаке («Глагол есть часть речи, обозначающая действие или состояние» и т. п.). В таких случаях приходится, с одной стороны, не относить к частям речи формы вроде *зеленеет* во фразе *Вдали зеленеет лес* и, с другой стороны, относить к глаголу множество имен действия, категориально однородных любому существительному. Не более успешной окажется попытка определить глагол как часть речи, различающую ряд грамматических категорий. Уже отмечалось, что какой-либо категории, общей глаголу всех языков и, тем более, только ему, не найдено. Но и в пределах одного языка само выделение финитных форм (в традиционном смысле) в противоположность нефинитным, означает отсутствие категорий, общих для всех форм глагола¹³. Нередко их градиация по категориальному составу этим не ограничивается. Например, в дакорумынском отмечены: индикатив (различающий максимум категорий), конъюнктив презенса (то же, но без абсолютного времени), традиционный инфинитив (то же без лица и числа),

⁸ Известно, что, например, в самодийских языках имя-предикат различает лицо, время и иногда вид, в адыгейском — то же и наклонение и т. п.

⁹ Ср.: М. А. Г а в и н с к и й, *Особая неличная форма адбанского глагола*, ВЯ, 1962, 3, стр. 115—116.

¹⁰ Имеется в виду вся совокупность рассматриваемых форм, так как у какой-то их части отдельные категории могут отсутствовать; ср. славянское прошедшее типа русского или презенса ряда семитских языков, различающие род и число, но не лицо, свойственное другим временам и т. п. Кроме того, считается, что формы, вроде исп. *el recibí* «квитанция», являются существительными, возникшими из предикационных форм, но не самими этими формами. Здесь показателны заимствования типа интернационализмов-рефлексов лат. *deficit*; ср. дакорум. *guleai* (< русск. *гуляй*), при учете того, что предикационные формы этими языками не заимствуются.

¹¹ Возможно, к языкам эргативного и другого строя это положение применимо при соответствующих модификациях.

¹² Примером первого и второго множеств могут служить формы, которые обычно обозначаются как инфинитив в готских грамматиках или как сунин в латинских. «Супино» древних славянских языков здесь оферировать нельзя, так как он ввиду своего субстантивного управления не удовлетворяет первому требованию, предъявляемому выше к предикационным формам и, следовательно, к глаголу вообще.

¹³ Противоречие может отменяться лишь самим фактом отсутствия в языке нефинитных форм глагола. Нечто подобное можно усмотреть в болгарском, если пренебречь реликтами инфинитива и относить деепричастия на *-айки*, *-ейки* к диалектизмам, которым норма предпочитала личные обороты (на *кате*).

герундий (то же без относительного времени) и, наконец, «супин» (часть случаев супина ниже трактуется как вторичный инфинитив), не различающий вне спорадических пока фактов никаких грамматических категорий.

Грамматические категории делятся, как известно, на синтаксичные (т. е. те, выбор категориальных форм которых зависит от связей слова в предложении) и несинтаксичные (где нет такой зависимости). Например, у русского глагола род, число и лицо синтаксичны в этом смысле в отличие от других категорий. Исходя из сказанного, все формы глагола мы будем делить на синтаксичные (т. е. выражающие синтаксичные категории) и несинтаксичные (противоположный случай). В некоторых языках один из двух классов будет пустым: например, род, число и лицо не различаются в активном спряжении в норвежском, датском и разговорном шведском языках. Отсутствие же несинтаксичных форм иллюстрируется ситуациями типа классической новоболгарской.

Все формы глагола мы будем делить также на финитные и нефинитные. Финитные формы различают максимум категорий, известных глаголу: сюда попадут предикационные глагольные формы и возможные другие, тождественные им по составу грамматических категорий. Нефинитные формы — это те, которые различают меньшее число указанных категорий. Часто деление глагольных форм языка по данному признаку ограничено сказанным. Иногда же нефинитные формы приходится делить на две группы, различающие минимум глагольных категорий и их среднее число (обозначим их условно соответственно как антифинитные и семифинитные формы).

Часто деление по синтаксичности/несинтаксичности совпадает с делением по финитности/нефинитности. Но, например, в лузо-романском синтаксичные лицо и число могут выражаться в разных залогах вне форм, передающих абсолютное время. Потому тут налицо синтаксичные, но не финитные формы. Финитные же формы могут быть и несинтаксичными: ср. норвежский и датский¹⁴.

Несинтаксичные формы глагола в свою очередь делятся на: 1) неспособные к независимому употреблению (т. е. к исполнению роли подлежащего, именной части сказуемого и назывной формы) и 2) способные к нему. К первым относятся традиционные деенричастия, латинский супин, албанский терминатив (тип *së bëri*). Ко вторым относится инфинитив. Итак, инфинитивом является всякая несинтаксичная глагольная форма, способная к независимому употреблению¹⁵. Например, в русском языке таких форм 4, в латыни — 3, в древнегреческом — 11 и т. п. Предложенный алгоритм применим к значительному числу языков, составляющих один из немногочисленных языковых типов. Возможно, для других типов придется дать другой алгоритм, а впоследствии «привести их к общему знаменателю» (сказанное, понятно, никак не означает, что в любом языке можно найти инфинитив; ср. хотя бы некоторые балканские). Подчеркнем также, что иначе как предложенным способом не представляется возможным строго определить то, что составляет большую часть объе-

¹⁴ Что касается термина «личные формы», то его желательно применять лишь там, где различается лицо, но не при всякой финитности: например, в литературном шведском в активе различается число, но не лицо, в русском прошедшем — род и число, но не лицо и т. п.

¹⁵ Учитывая, что во многих языках несинтаксичность глагольных форм совпадает с их нефинитностью и неличностью и что независимое употребление включает назывную функцию, дающую отвлеченное представление о грамматическом действии (т. е. проявлении признака), можно принять традиционное определение, но лишь как конкретную реализацию (для соответствующих языков) определения более общего.

ма традиционного (интуитивного) понятия инфинитива. А все это понятие ввиду свойственных ему противоречий (см. ниже примеры) определить теоретически невозможно.

Пояснительные замечания сводятся к следующему. Большинство употреблений инфинитива во многих языках приходится на зависимые положения. Далее, как уже сказано, в языке может быть более одной инфинитивной формации. При этом члены обеих формаций могут категориально дублировать друг друга (ср. алб. гег. *Me mësuë asht vështirë* = = *Për të mësuë asht vështirë* «Учить(ся) трудно» и то же в другом залоге и относительном времени) и различаться в этом отношении (ср. то же в молд. *A ynëzua e greu*, где возможны разные залогов, и *De ynëzua e greu*, обычное пока только в активе). Разумеется, наличие разных формаций инфинитива (или упрощенно разных инфинитивов) в языке устанавливается на основании объективных признаков, а не традиционных условий (ср. причисление к инфинитиву пяти разных образований финского языка, где нередко сама глагольность нуждается в доказательстве, а независимое употребление иногда заведомо отсутствует). Подчеркнем также, что изменения по несинтаксичным категориям не влияют на качество инфинитива, как бы интенсивны они ни были (ср. древнегреческий).

Особенно распространено смешение инфинитива с именем (действия), примеры чего можно привести из исследований по многим языкам. Согласно этим мнениям, обычным и в наши дни, между типами *работать* и *работа* нет качественной разницы. В действительности здесь, при всей общности происхождения и некоторых синхронных свойств, четко прослеживается разница по наличию/отсутствию комплекса морфокатегорий, неизвестного предикационным формам, а именно рода, числа и падежа (речь идет о русском примере). По некоторым свойствам инфинитив и имя действия какого-то языка могут быть сравнительно близки друг к другу, но и это не влияет на их качество. Так, указанной выше разницы не отменяет различие именами залога (ср. польские имена на *-nie*, реже — чешские на *-ní*), вида (в разных славянских языках), относительного времени (редкие случаи в албанском), равно как и способность имен к глагольному управлению (албанский, македонский, болгарский) или абсолютное употребление (ср. алб. *rinjohja motër e vëlla* «опознание брата с сестрой»). Не более показательна здесь способность инфинитива принимать уменьшительные формы. Безразлично и то, как образован инфинитив — суффиксально (распространенный случай), префиксально (как в албанском) или особой вокализацией (ср. беспредложный инфинитив некоторых семитских языков, иногда называемый также «корнем»).

Примеров смешения инфинитива с другими образованиями даже в самой современной литературе очень много. При этом речь идет, понятно, не о соблюдении данного выше определения, а вообще об отсутствии четких критериев инфинитивности, особенно в деле различения синхронии и диахронии¹⁶. Дань традиционному отождествлению инфинитива и имени действия отдают даже ценные исследования, объективно демонстрирующие качественную самостоятельность этих образований¹⁷. Из области романистики уместно привести несколько примеров, относящихся лишь к последнему времени. Так, З. Гампейс, критически оценивая вы-

¹⁶ Ср.: А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, II, Харьков, 1874, стр. 275 и сл., где критикуется отнесение инфинитива к имени, особо распространенное в связи с недавним тогда открытием отыменного происхождения разных индоевропейских инфинитивов.

¹⁷ См.: P. Aalto, Studien zur Geschichte des Infinitivs im Griechischen, «Annales Academiae Scientiarum Fennicae», ser. B., 80, 2, Helsinki, 1953, стр. 26—27, 74, 106.

воды ряда исследователей (Х. Стен, Г. Майер, Т. Э. Маурер) по вопросу о лузо-романском «личном инфинитиве»¹⁸, усомнился в его инфинитивности ввиду признаков персонализации¹⁹. Позже автор, однако, присоединился к мнению об инфинитивности «личного инфинитива»²⁰, исходя прежде всего из его синонимии обычному инфинитиву, но не усмотрев коренного различия между лицом и числом, выражаемыми «спрягаемым инфинитивом», и категориями, обычно различаемыми инфинитивами. Известно, далее, что румынская грамматическая традиция, основываясь на «латинистах» XVIII в., продолжает помещать имена действия на *-re* в системе глагола под видом «долгого инфинитива», как правило, сопровождая это положение «уточняющими» (фактически же исключающими) комментариями о том, что тип *facere* «делание» характеризуется уже субстантивными признаками²¹. Тем же положением оперирует недавняя статья М. Караджиу-Мариоцану, где главное место занимает проблема супина²². Не найдя какой-либо специфики румынского «супина» по сравнению с отглагольным существительным, М. Караджиу-Мариоцану предлагает отказаться от термина «супин» как обозначающего неизвестное румынскому языку явление. В действительности неунаследование супина из латыни, даже если бы оно было доказано, вряд ли могло бы говорить об отсутствии супина (в данном случае аналитического) в дакорумынском — иначе из поля зрения исследователей выпала бы специфика конструкций типа «предлог + причастное имя действия», способных в отличие от предложных сочетаний всех других существительных к глагольному управлению. Причисление возникшего на базе супина вторичного инфинитива²³ к существительному выглядит несостоятельным уже при первом ознакомлении. Ср.: *De ынчеркат ну-й рэу* (А. Лупан, Ласэ вынтул сэ мэ батэ) «Попробовать не мешает», *Че е де фэкут? Кум де фэкут?* (Н. Марков, Опере) «Что делать? Как делать?» и т. п. Вторичный инфинитив уже спорадически различает залогов²⁴.

Таким образом, придерживаясь данного выше определения инфинитива, покажем на романском материале, каковы основные типы приобретения образованиями указанного комплекса признаков или, наоборот, утраты этих признаков.

¹⁸ Ввиду наличия «личного инфинитива» в галисийском (например, *para sentarens'os guarpos* «чтобы сядили парни» — *A. de l a s C a s a s*, *Antología de la lírica gallega*), представляется неоправданным сводить специфику положения только к португальскому. Общелингвистическое значение факта подчеркивается наличием его в разных неродственных языках (см.: *K. T o g e b y*, *L'enigmatique infinitif personnel en portugais*, «*Studia neophilologica*», XXVII, 2, 1955, стр. 215). Анализ с позиций «психосистематики» см.: *L. M o l h o*, *Le problème de l'infinitif en portugais*, «*Bullétin hispanique*», LXI, 1959, стр. 26—73.

¹⁹ См.: *Z. H a m p e j s*, *Acerca de la infinitividad del infinitivo portugués conjugado*, «*Annali*» (Istituto Universitario Orientale), 1, Napoli, 1959, стр. 53—57.

²⁰ См.: *Z. H a m p e j s*, *Alguns problemas do infinito conjugado no português*, «*Actas do IX Congresso internacional de lingüística românica*», Lisboa, 1961. Особо эксплицитно противоречия в трактовке этого факта выражены в последнем известном теоретическом курсе португальского языка; см.: *Е. М. В о л ь ф*, *Б. А. Н и к о н о в*, *Португальский язык*, М., 1965, стр. 90—96, где «личный инфинитив» объявляется одной из величых (sic) форм глагола и рассматривается в их числе.

²¹ Из специальных статей см., например: *А. С а n а г а c h e*, *Folosirea infinitivului lung*, «*Limba română*», 3, 1962, стр. 316.

²² См.: *М. С а r а g i u - M a r i o c e a n u*, «*Moduri nepersonale*», «*Studii și cercetări lingvistice*», XIII, 1, 1962, стр. 42.

²³ См.: *М. Г а б и н с к и й*, *Че есте «супинул» граматичий традиционале*, «*Лимба ши литература молдовеняскэ*», 1963, 3 и указанную там литературу. О типологически однородных явлениях см., например: *е г о ж е*, *Особая величная форма албанского глагола*, ВЯ, 1962, 3.

²⁴ См.: *М. Г а б и н с к и й*, *Elemente de diateză la infinitivul secundar*, «*Лимба ши литература молдовеняскэ*», 1962, 4.

Первая общероманская инфинитивация прослеживается сопоставлением отаккузативных умбрских форм типа *erom* «быть», оскских типа *ezum* «быть» и латинского *facturum* «делаться» из вероятного **factu esom*²⁵. В латыни, однако, это образование уступило место бывшей падежной форме другого класса имен действия, оканчивающейся на **-se*, позже на *-re*, которая получила как инфинитив широкое распространение, начав выражать залоги и относительные времена. Этот инфинитив был унаследован и распространен романскими языками, правда, лишь в своей исходной форме (различение залога и относительного времени было осуществлено заново — при помощи рефлексов *se* и *habere/fieri*). Собственно романская вторичная инфинитивация отмечена пока только в дакорумынском. Выяснению причин этого явления способствует учет эндогенности независимого появления инфинитива во множестве языков и экзогенности его утраты на Балканах²⁶. Как известно, в дописьменное время, под местным влиянием унаследованная праформа инфинитива типа (а) *face(re)* «делать» оказалась в значительной мере вытесненной. Часть случаев ее употребления исчезла, большинство же их было стилистически денейтрализовано. Параллельно стилистически нейтрализовался конъюнктив, в свое время вытеснивший инфинитив. Конъюнктив со временем утратил былые свойства, ему как инновации преимуществ. В результате в условиях, аналогичных праиндоевропейским, на Балканах начали уже вторично действовать те общезыковые тенденции, в силу которых во множестве языков полигенетически появился инфинитив²⁷. Реализатором этих общезыковых тенденций в дакорумынском оказался тип «*de* + причастие», утративший синтаксичность предложного сочетания имени и, следовательно, сам характер такового, а вместе с тем и субстантивность. Утрата ее при сохранении имевшегося у супина на *de* глагольного управления дает неличную глагольную форму, принадлежность которой к инфинитиву вытекает из возможности независимого употребления. Общеграмматичность нового инфинитива и семантическая ограниченность образования причастных имен действия уже наметила в языке разрыв, подобный существующему между образуемостью инфинитива и полной утратой прединфинитивного имени (латинский) или сохранением нескольких слов типа русского *течь*.

Д е и н ф и н и т и в а ц и я, широко известная разным романским (и другим) языкам, проходит в двух противоположных направлениях: 1) к субстантивности и 2) к финитности.

С у б с т а н т и в а ц и я инфинитива в романских (как и других) языках широко описана. Важно различать языковую и речевую субстантивации²⁸. В результате первой возникает регулярно возобновляемое слово. Это характерно для старого дакорумынского (ср. также аромунский), где слова типа *кынтаре* «пение» и пр., войдя в комплекс морфокатегорий существительного, приобрели его качество. При низкой

²⁵ См.: L. L a u g a n d, Grammaire historique latine, 12-e ed., Paris, 1955, стр. 467; И. М. Т р о н с к и й, Историческая грамматика латинского языка, М., 1960, стр. 243, 286—287.

²⁶ См. об этом: М. Г а в и н с к и й, Ку привире ла полиженеза супримарий инфинитивулуй ын Балкань, «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1964, 2.

²⁷ Происхождение индоевропейских инфинитивов из падежных форм имен действия общеизвестно; см., например: К. В r u g m a n n, В. D e l b r ü c k, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, II, Strassburg, 1892, стр. 419—461, 1410—1420. Для тюркских языков см., например: Н. К. Д м и т р и е в, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 170—171. Недавно то же установлено для уральских языков (см.: Б. А. С е р е б р е н н и к о в, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М., 1964, стр. 177—178).

²⁸ В основу различия фактов языка и речи положены критерии А. И. Смирницкого, см. его «Объективность существования языка» (М., 1954, стр. 18).

продуктивности прочих классов имен действия в дакорумынском (ср. бессуффиксные и причастные имена, слова на *-турэ, -ялэ, -ич, -иш, -чуне, -мынт, -аж*) этот способ их образования и другой, восходящий к нему, дали (и дают теперь) тысячи имен действия, число которых резко преобладает над количеством созданных иначе. Образование имен на *-ре* от множества неологизмов (например, *елиминаре* «устранение») уже не может, вопреки традиции, относиться к субстантивации инфинитива, а лишь восходит к ней исторически, так как такие слова никогда не имели формы старого *a facherе* «делать». В современном дакорумынском субстантивации инфинитива нет, так как постпозитивная артикуляция краткого инфинитива морфологически невозможна. Речевая субстантивация инфинитива широко представлена в южнороманских языках²⁹, где в результате соединения инфинитива с артиклем или согласуемым местоимением (иногда вместе с прилагательным) он получает на данный случай род, число и определенность / неопределенность, превращаясь в ситуативное имя действия. Например, исп. *el salir huyendo de aquella dajfa* (J. Valera, *Pepita Jiménez*) «бегство от этой особы». Ввиду широкой продуктивности в упомянутых языках отглагольных имен (ср. имена итал. на *-zione, -ssione, -sione* и под., *-mento*; исп. на *-ción, -sión, -miento* и т. д.) словообразование имен действия там происходит без лексикализации субстантивированных инфинитивов. Частота употребления последних поэтому настолько низка, что не дает возобновления этих форм как готовых единиц лексики — регулярно возобновляется лишь сам прием конверсии. Он остается, как правило, стилистическим средством, иногда восполняя отсутствие имени от какого-нибудь глагола или выражая особо важную в каком-то случае глагольную категорию данного языка (ср. итал. *l'aver fatto* «сделать» и др.)³⁰.

Зная о том, что легкость перехода от одного качества в другое не означает единства качества, следует и здесь решительно возразить против распространенного отнесения к существительному инфинитива как такового, что часто делается на основании его легкой субстантивируемости (при частом сохранении синтаксической роли). Подобный подход неизбежно ведет к вопросу о субстантивации существительного³¹. Вне тех многочисленных положений, где инфинитив и его субстантиват не взаимозаменяемы, разница между ними очевидна. Наиболее явно то, что неартикулированный инфинитив находится вне категории определенности / неопределенности (и при учете случаев ее нейтрализации), неотъемлемой для существительного в романских (и других) языках, и, следовательно, вне комплекса морфокатегорий имени.

Причины явления следует усматривать в общезыковой тенденции к лексической неограниченности класса существительных и к передаче ими максимума понятий. Однако осуществление этой тенденции сопряжено с рядом ограничений морфологического характера. Судя по привлеченным языкам, инфинитив субстантивируется там, где 1) он образован суффик-

²⁹ Так здесь ради краткости именуется по географическому признаку основные романские языки за исключением дако-романских и новофранцузского (т. е. именно те, где в настоящее время имеет место речевая субстантивация инфинитива — итальянский, испанский, сефардский, галисийский, португальский и др.).

³⁰ Для сущности рассматриваемого не важен тот факт, что в романских языках есть по несколько бывших инфинитивов, специфика которых состоит в отрыве от семантики соответствующего глагола и (на западе Романии) в лексикализации.

³¹ Ср.: К. Т о г е б у, *L'infinitif dans les langues balkaniques*, «Romance philology», XV, 3, 1962, стр. 225 (критику этого см.: М. Г а б и н с к и й, *Ку привире ла полиженеза...*, стр. 55). В подобных случаях неизбежен и вопрос: если субстантивированный инфинитив есть существительное, то чем является инфинитив несубстантивированный (в том числе в языках, где его субстантивация невозможна)?

сально, и 2) где есть артикль (ср. часть романских языков, немецкий, древнегреческий, но, например, не английский и не албанский, не современный дакорумынский, где формантом инфинитива стал ноль морфемы или префикс *a*).

Деинфинитивация в направлении финитных форм глагола дает в романских языках следующие три образования.

П р о г и б и т и в характерен для дакорумынского с его образованиями типа *Hu merже!* «Не ходи!». За исключением трех факультативных случаев типа *Hu zi!* «Не говори!» (и иногда их производных) императив при отрицании совершенно не употребляется. Сам же утвердительный первичный инфинитив без *a* ³² в императиве данному языку неизвестен, ввиду чего тип *Hu merже!* не может быть его отрицательным вариантом. На этом фоне соотносительность по линии утверждения / отрицания форм *Merже!* / *Hu merже!*, так же как и в *Мерг!* / *Hu мерг* «(Не) иду» / *Ам мерс!* / *Н'ам мерс* «(Не) ходил» и т. д., позволяет усматривать в них конвергенцию в одно грамматическое качество. В итальянском употреблении императива при отрицании, — например, *Canta!* / *Non cantare* «(Не) пой!» — сосуществует с фактами утвердительного инфинитива повеления. Поэтому здесь нет отмеченной оппозиции и налицо просто запретительный инфинитив, функции которого, правда, шире, чем у повелительного.

Специфику дакорумынского языка следует усматривать первоначально в общезыковой тенденции к повелительному употреблению инфинитива и при утверждении, и при отрицании (факт, сохраняемый итальянским), а впоследствии — в охвате одного из этих случаев балканской тенденцией к утрате инфинитива. Возможно, в арумунском (история которого известна плохо), где и при отрицании употребляется исконный императив, та же тенденция проявилась более последовательно (ср. давно произошедшую там утрату инфинитива вообще, чем было пресечено развитие инноваций на его почве).

С е м и ф и н и т и в ³³ особо характерен для лузо-романских языков. По традиции он называется «личным (флектируемым, спрягаемым) инфинитивом», например, португ. *a probabilidade de pertencere m a esse suposto bardo as três cantigas* «вероятная принадлежность трех песен этому предполагаемому поэту» ³⁴.

«Идеальный» инфинитив, не различающий никаких категорий, неизвестен большинству романских (и значительной части других) языков. Исключение составляет дакорумынское *de фэжум* (хотя и здесь уже изредка различаются залогии). Подобное наблюдалось в готском ³⁵, sporadически — в древнейшем греческом ³⁶ и др. Значит ли это, что инфинитив, различая какие-либо морфокатегории глагола, перестает быть самим собой и что в большинстве романских языков инфинитива нет? В действительности, различаемое романским инфинитивом относительное время (ср.

³² Инфинитив рекомендации на *a* (*A ведя...*, «Смотри...», *A се адреса...* «Обращаться...»), основанный на кальке с французского, употребляется с недавнего времени, исключительно в официальной или книжной речи.

³³ Так обозначается образование, категориально промежуточное между инфинитивом и финитными формами (ср. стр. 29).

³⁴ Об аналогичном в старом неаполитанском см.: Э. Б у р с ь е, Основы романского языкознания, М., 1952, стр. 432. Отметим sporadическую встречаемость того же в западнобалканском сефардском (характеризуемом рядом других общих изоглосс с лузо-романским), что долго оставалось незамеченным даже исследователями соответствующих говоров.

³⁵ См., например: М. М. Г у х м а н, Готский язык, М., 1958, стр. 131, 184; Б. М. З а д о р о ж н и й, Порівняльна фонетика і морфологія готської мови, Львів, 1960, стр. 224—228, 250.

³⁶ См.: Р. В u r g u i è r e, Histoire de l'infinitif en grec, Paris, 1960, стр. 28—29.

исп. *hacer / haber hecho* «делать / сделать»), или реже длительность (исп. *hacer / estar haciendo*; ср. славянский вид) не синтаксичны: их формы не определяются зависимостью слова в предложении, они указывают лишь на дифференцируемые в данном языке грамматическими средствами разновидности действия (или, иначе, разные действия, мыслимые как таковые)³⁷. В противоположность этому лицо и число у глагола определяются лицом и числом его выраженного или подразумеваемого подлежащего, будучи строго синтаксичными. Потому, учитывая 1) качественную разницу между несинтаксичными и синтаксичными морфокатегориями глагола и 2) специфику «личного инфинитива», различающего последние, нельзя не констатировать, что его традиционная квалификация пытается совместить два несовместимых момента: а) синтаксичность, т. е. зависимость формы слова от его связей в контексте и б) инфинитивность, т. е. независимость этих факторов. Следует поэтому в данном случае отказаться от термина «инфинитив». Все это, конечно, не означает отнесения рассматриваемого явления к финитным формам как различающим максимум глагольных морфокатегорий, в том числе абсолютного времени, ему неизвестное. Исходя из этого промежуточного грамматического качества, и следует признать наличие семифинитива. Причины произошедшего можно видеть в тенденции к созданию глагольной формы, менее абстрактной, чем инфинитив, но более абстрактной, чем финитные. Почему, однако, это довольно редкое явление возникло именно в данных языках [лузо-романских, старом неаполитанском, понтийском греческом (особенно в говоре Офиса) и др.], остается пока невыясненным, несмотря на долгую дискуссию. В связи со сказанным приобретает актуальность вопрос о семифинитивных формах вообще. К ним можно отнести, например, дакорумынский конъюнктив презенса, также категориально отличающийся от финитных форм лишь невыражением абсолютного времени.

Неактивный (только) семифинитив широко известен романским (также германским³⁸) языкам. Здесь инфинитив, становясь возвратным, меняется по лицам и числам, — в этом его отличие от славянского, латинского, албанского и др., где налицо подлинный возвратный инфинитив. Особо последовательны в развитии рассматриваемого явления некоторые испанские говоры и сефардский, где при помощи *-se* и *-sen* числа различаются в 3-м лице. (Сказанное применимо *mutatis mutandis* к герундию.) Причина явления ясна — отсутствие в романских языках обобщенных образований типа слав. *свой, себя, -ся, алб. i vetë, и* и под.

Двойная деинфинитивация проявляется: 1) в общей южнороманским языкам субстантивации «возвратного инфинитива», например, *era un succedersi di colpi secchi* (G. Rovetta, Casta diva) «это было чередование сухих ударов» и 2) в лузо-романской субстантивации разнозалогового семифинитива, например, *resultou o aparecerem as sepulturas* (C. de Passos, Porto) «в результате оказались гробницы». Эти преобразования дают особо богатый комплекс категорий³⁹ (все субстантивные + + все глагольные без абсолютного времени).

Приведа основные типы романской инфинитивации и деинфинитива-

³⁷ Больше число таких разновидностей действия выражается флективно «породами» семитского глагола: ср. симилекс, интензив, каузатив, двойной каузатив, итератив и т. д.

³⁸ Хотя и не всем: ср. идиш, где в универсализации *zux* (*zax*) прослеживается влияние славянских *-ся, się* и под.

³⁹ Ср. речевую субстантивацию новогреческого конъюнктива, например, *είς τὸ νὰ χιλνοῦν πράγματα* («в делах») («Pravilniceasca condică, 1780», ed critică, Bucu-rești, 1957, стр. 129).

ции⁴⁰, подчеркнем, что этих фактов не следует видеть в каких бы то ни было изменениях, материальных и функциональных (многочисленных на романской почве), если таковые не ведут к созданию или, наоборот, к трансформации комплекса признаков, указанного на стр. 29⁴¹.

Насколько известно, типология инфинитивации и деинфинитивации в языках другой принадлежности в значительной мере совпадает с предложенной (инфинитивация предложного сочетания имени действия, субстантивация инфинитива, его персонализация и др.)⁴². Однако ряд явлений того же порядка остается за пределами описанного. Таково, например, превращение в инфинитив падежных форм имени действия (как в разных древних индоевропейских и многих других языках) или, гораздо реже, форм конъюнктива, утрачивающих синтаксичность лица и числа: как в ряде цыганских диалектов, причем в части их уже достигнута материальная индивидуализация нового инфинитива (отпадение *-с*) и под⁴³. В связи с этим одним из реальных путей создания общезыковой типологии (в данном случае диахронической) здесь представляется постепенное расширение пределов описаний типа проведенного. Начинать желательно с языковых групп, практически доступных индивидуальному наблюдению. Пример — избранная здесь романская семья⁴⁴; то же можно делать по языковым союзам (что намечается осуществить в скором времени для балканских языков). На базе таких очерков при единстве критериев можно переходить к тому же, например, в индоевропейском плаче и г. д.⁴⁵.

⁴⁰ На примерах легко показать, что как инфинитивация, так и деинфинитивация не означают обязательного сохранения или, наоборот, утраты образования. Кроме того, превращение предшествующего факта в данный или данного в последующий не нужно смешивать с вытеснением синонимов. Так, инфинитивация не включает вытеснения инфинитивом герундива, сушима и отчаша герундия в народной латыни. В деинфинитивацию не входит вытеснение (полное или частичное) инфинитива конъюнктивом в балканских, в том числе балкано-романских, языках.

⁴¹ Список явлений нельзя считать окончательным хотя бы потому, что не все романские языки здесь привлечены (ср. провансальский, ретороманский, сардинский, истрорумынский и др., многочисленные диалекты). Вполне возможны поэтому дополнения в ходе дальнейшей дискуссии. Кроме того, здесь не рассматривались (обычно не вызывающие разногласий) случаи превращения инфинитива в основу финитной формы (ср. будущее и кондиционал разных романских языков или каталонский вторичный перфект).

⁴² В этом смысле избранный материал предоставляет довольно редкую возможность — ее не дают, например, славянские языки: ср. хотя бы русский инфинитив, возникший в праславянское или балто-славянское время (см.: Г. А. И л ь и н с к и й, История инфинитива в праславянском языке, «Доклады АН СССР», серия В, 1930, 6, стр. 101—104), после чего в русском не отмечалось явлений типа описанных выше (если не считать неудачных попыток буквального перевода греческого предложного субстантивированного инфинитива в древнерусских религиозных текстах).

⁴³ В романских языках не отмечен такой редкий случай, как образование инфинитива от некоторых глагольных междометий детской речи, путем присоединения к ним суффиксов экспрессивного происхождения: речь идет об укр. *-сі*, реже *-ці*, *-ні*, например, *бебеси*, *бубусі* «упасть, бухнуться». Сами эти суффиксы извлечены из обычных уменьшительных инфинитивов, которыми украинский изобилует (ср. *спатки*, *спаточьки*, *спаточки*, *спатучі*, *спатучечки*, *спатусі*, *спатусічки*, см. словарь Б. Д. Гринченко, с. ч.). Этот факт нельзя относить к грамматике, хотя он и представляет интерес для типологии инфинитивации.

⁴⁴ Ср. в синхронии отчасти аналогичное применение квантитативно-типологического метода Дж. Гринберга к романской семье языков в работе: Н. С o n t r e g a s, Una clasificación morfo-sintáctica de las lenguas románicas, «Romance philology», XVI, 3, 1963, стр. 261—268.

⁴⁵ Ряд терминологических замечаний, а также частных соображений по рассмотренным вопросам, см.: М. А. Г а в и н с к и й, Инфинитивация и деинфинитивация образований в романских языках (Языковой факт как реализация диафакта); его же, Португальский семифинитив, «Труды III конференции молодых ученых Молдавии», (Кишинев, 1963, стр. 122—125).

В. П. ГРИГОРЬЕВ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

Светлой памяти

*Леонида Арсеньевича Булаховского
(1888—1961)*

Интерлингвистика как определившаяся область языковедческих, а также социологических исследований в основном сформировалась в течение первых десятилетий XX в. Уже в начале тридцатых годов О. Есперсен, учитывая солидную интерлингвистическую традицию, связанную между прочим и с именем выдающегося русско-польского языковеда И. А. Бодуэна де Куртенэ, а также его школы, имел основания провозгласить, что «родилась новая наука интерлингвистика»¹. Однако до сих пор интерлингвистика в силу самых различных причин не вошла в круг планомерно разрабатываемой языковедческой проблематики², а нередко даже полностью отвергается в силу живучей младограмматической традиции. Задача настоящей статьи — напомнить несколько интерлингвистических аксиом и развеять некоторые антиинтерлингвистические предрассудки.

Проблемы интерлингвистики вовсе не сводятся, как часто думают, к утилитарным проектам решения вопросов практики международного (например, научного) общения. Наоборот, пока недостаточно созрели общественно-политические условия для осуществления отдельных интерлингвистических идей, их значение оказывается прежде всего теоретическим, а их разработка носит характер необходимого задела на будущее.

Предмет и задачи интерлингвистики исключительно широки. Сюда относится исследование процессов взаимодействия национальных языков в современную эпоху и дальнейшее развитие марксистско-ленинского учения о языке в коммунистическом обществе, ряд типологических проблем и, в частности, проблема языковых «интернационализмов», разработка принципов и методов создания «искусственных» языков разного типа, прогнозирование их структуры, определение их функциональных возможностей и отношения к «естественным» языкам, обобщение опыта функционирования различных вспомогательных международных языков — как «искусственных», так и «естественных». Короче говоря, интерлингвистика имеет дело с самыми различными языками в их вновь возникающих связях и взаимодействиях; этим и определяется ее исключительно важная роль в современную эпоху. Представляя собой отрасль синтезирующего языкознания (см. ниже), интерлингвистика сближается с кибернетикой, будучи обязана ей новыми аргументами и уточнением некоторых стихийно складывавшихся интерлингвистических и общезыковедческих понятий.

¹ О. Есперсен, *A new science: interlinguistics*, Cambridge, 1930, стр. 1; см. еще: В. П. Григорьев, И. А. Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика, сб. «И. А. Бодуэн де Куртенэ (К 30 летию со дня смерти)», М., 1960.

² Это было отмечено, в частности, в передовой статье «Языкознание и советское общество» (ВЯ, 1961, 5, стр. 5 и 7—8).

С каждым годом становится все меньше упорных приверженцев той точки зрения, согласно которой существенные признаки понятия «язык» определяются только так называемыми естественными языками. Исследования в области интерлингвистики осуществлялись до последнего времени обычно где-то на периферии основных направлений науки о языке. Но успехи прикладного, структурного и «математического» языкознания сделали почти тривиальным один из основных тезисов интерлингвистики: признание «искусственных» языков полноправным и очень важным объектом языковедческого изучения. Это и не удивительно: как показывают лингвистические дискуссии последних лет и десятилетий, достаточно признать знаковый характер языка в любой форме, чтобы полностью отвести излюбленные младограмматиками и их современными последователями аргументы против «искусственных» языков («гомункулусы», «языки, созданные в реторте», и т. п.).

Определяющей в каждой области науки является система понятий, необходимых для ее успешного развития. Разумеется, такие интерлингвистические понятия, как «искусственный язык», «вспомогательный международный язык», «единный язык будущего», «общий язык» и многие другие, должны употребляться однозначно. Между тем нередко авторы, обсуждающие интерлингвистические проблемы, пользуются основными понятиями интерлингвистики более чем свободно и непоследовательно. Объясняется это не только тем, что многие из пишущих по вопросам интерлингвистики недостаточно знакомы с современной наукой о языке, но в какой-то мере и широкими фразеологическими связями самого слова *язык* (*language, tongue, язык, jazyk* и т. д.), употребляющегося в повседневном, а нередко и в научном обиходе, в значениях, далеких от терминированного.

Еще более распространенными оказываются неточности, основанные на смешении применительно к языку двух значений слова *искусственный*³: 1) «сделанный руками человека; отсутствующий в готовом виде в природе» (ср. *искусственный спутник Земли*); и 2) «надуманный, ненастоящий; лишенный простоты, естественности; притворный, неискренний, фальшивый» (ср. *искусственная веселость*)⁴. Неразличение этих двух значений слова *искусственный* проникло даже в среду некоторых социологов и стало у них одним из неосознанно-излюбленных антиинтерлингвистических «аргументов». Последнее обстоятельство заставляет обратить особое внимание прежде всего на те вопросы интерлингвистики, которые вызывают интерес у современных социологов, и разъяснить возникающие здесь недоразумения.

Следует проводить четкое разграничение между «искусственными» языками типа эсперанто, т. е. языками хотя и вспомогательными, но функциями которых сопоставимы с функциями национальных языков, и различными кодами, абстрактными машинными «языками», в том числе языком-посредником машинного перевода (МП), метаязыками «второго порядка» и т. п., применение которых ограничено одной определенной областью и существование которых обычно даже не требует звуковой формы⁵. Нельзя не отметить, что в некоторых работах по теории коммуникации

³ Как в русском, так и во многих других языках.

⁴ Ср. также такие значения слова *естественный*, как «созданный природой без вмешательства человека; природный; прирожденный» и «простой, непринужденный».

⁵ Любопытно, что в ранних опытах МП в качестве своеобразного языка-посредника использовался эсперанто (см.: «Переводная машина П. П. Троянского», М., 1959), а в последние годы к эсперанто начинает присматриваться структурная типология (см.: И. И. Р е в з и н, О понятиях однородного языка и языка с полной трансформацией..., сб. «Структурно-типологические исследования», М., 1962, стр. 23, примеч.; Б. А. У с п е н с к и й, Принципы структурной типологии, [М.], 1962, стр. 26—27, 40, 60).

определение языка оказывается слишком узким, а понятие кода — соответственно слишком широким, включающим все «искусственные» языки⁶. Необходимо также строго различать те задачи, которые ставятся интерлингвистикой в области создания искусственных вспомогательных международных языков (языков «с полным набором функций»), и весьма ограниченные возможности таких явлений, как разнообразные «pidgin» или «basic». Роль последних в настоящее время сводится к роли простых методических пособий, своего рода «словарей и грамматик-минимумов», состав которых определяется начальными отрезками частотных словарей и так называемыми базовыми конструкциями.

В то же время несомненно, что комплекс интерлингвистических исследований должен включать в себя и достижения в области разработки абстрактных языков, создания языка-посредника МП, изучения языковых контактов и проблемы билингвизма. Общая теория интерлингвистики не может успешно развиваться, не используя новых методов точного лингвистического анализа. С другой стороны, новые проблемы прикладного языкознания оказываются тесно связанными не только с определением перспектив языкового развития (чем в первую очередь должна заниматься интерлингвистическая теория), но и с некоторыми конкретными ее достижениями в прошлом⁷.

И все же сейчас по ряду причин важнее всего подчеркнуть значение тех объектов интерлингвистического исследования, которые функционально сближаются с развитыми национальными языками, — значение опыта создания и изучения искусственных вспомогательных международных языков (ИВМЯ)⁸. Именно здесь — для многих неожиданно — сошлись пути исторического развития «синтезирующего языкознания»⁹, тесно связанного с интерлингвистикой, структурной лингвистикой и социологического изучения современных языковых процессов.

Одна из самых неотложных задач интерлингвистики и вместе с тем существенная задача структурной лингвистики — это исследование ИВМЯ структурными и математическими методами. В теоретическом отношении оно может дать больше, чем, скажем, теория языка-посредника МП, во-первых, потому, что серьезно организованное исследование «искусственных» языков потребовало бы постановки еще более широкого круга общетеоретических проблем, так как МП — это только особый случай интерлингвистической задачи, не говоря уже о том, что решение (хотя бы теоретическое) проблемы ИВМЯ явилось бы одновременно определяющим ориентиром и оптимальными условиями для дальнейшей разработки теории и практики МП¹⁰; во-вторых, потому, что такое исследование могло бы в значительной степени заполнить известный разрыв, возникший в последние годы между теорией структурной лингвистики и общим язы-

⁶ См., например: С. С h e r g y, On human communication. A review, a survey, and a criticism, [Cambridge (Mass.)], 1957, стр. 7, 91 и др. Странно, что К. Черри даже не упоминает о существовании апостериорных «искусственных» языков. Отличия языка от кода четко сформулированы в книге: Н. F r e u d e n t h a l, Lincos., I, Amsterdam, 1960, стр. 2—3.

⁷ Ср.: Ж. М у н е н, Машины-переводчики, «В защиту мира», 85, июнь 1958, стр. 60—61. Особое место в ряду искусственных языков занимает Loglan, который привлёк внимание не одних только интерлингвистов. См.: «The international language review», VI, 20, 1960 и «Scientific American», ССII, 6, 1960, стр. 53—63.

⁸ См.: О. С. А х м а н о в а и Е. А. Б о к а р е в, Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема, ВЯ, 1956, 6.

⁹ Термин Э. Вюстера. Синтезирующее языкознание «не только констатирует, но сознательно воздействует на развитие языка» (E. W ü s t e r, La terminoj «esperantologio» kaj «interlingvistiko», «Esperantologio», I, 4, Copenhagen, 1955, стр. 209).

¹⁰ Понятно, что практическое осуществление идеи ИВМЯ определяется прежде всего ввелингвистическими факторами

кознанием в традиционном виде, разрыв, подчас слишком преувеличиваемый и доводимый до абсурда в признании «двух лингвистик».

По данным В. Фукса, разработавшего математическую теорию словообразования, эсперанто в отношении среднего числа слогов в слове легко и свободно вписывается в круг таких исследованных В. Фуксом языков, как русский, английский, немецкий, греческий, латинский, арабский, японский, турецкий, занимая среди них третье место (в порядке возрастания среднего числа слогов на слово) после английского и немецкого¹¹. Правда, Н. Винер, ссылаясь на результаты, полученные Б. Мандельбротом, считает, что распределение длины слов «в оптимальном, согласно известным постулатам, языке... весьма отличается от распределения длины слов в искусственных языках» и в то же время оно в высшей степени близко распределению в большинстве естественных языков, «выдержавших абразию использования в течение веков»¹². Однако остается фактом, что перевод любого текста «естественного» языка, скажем на эсперанто, не длиннее оригинала, а это снимает резкое противопоставление таким «искусственным» языкам «естественных», подвергшихся, по выражению Винера, «естественному отбору». Такого рода отбор неизбежно, хотя и не всегда осознанно учитывался при создании многих «искусственных» языков апостериорного типа.

Статистические исследования структуры «искусственных» языков (главным образом эсперанто) имеют уже длительную историю. Выполненные на разном, иногда очень несовершенном уровне, они посвящены в основном установлению частотности тех или иных языковых элементов, но затрагивают и более общие проблемы, как, например, проблему зависимости выразительных возможностей языка от объема словаря и даже проблемы сопоставительного изучения «естественных» и «искусственных» языков. Особое место в ряду исследований, касающихся структуры «искусственных языков», занимают работы Ж. Кутюра, Р. де Соссюра, Н. В. Юшманова, Э. Сепира и Н. С. Трубецкого¹³. Хотя в них еще не могли быть учтены новейшие достижения в области методов структурного и математического анализа языка, однако они наглядно показывают плодотворность и необходимость теснейшей связи интерлингвистики со структурной лингвистикой. Не случайно развитие этих дисциплин в ряде случаев определялось одними и теми же выдающимися лингвистами XX в.

Иерархия «искусственных» языков охватывает как языки типа эсперанто, которые условно можно было бы назвать ИВМЯ с полным объемом функций, так и функционально ограниченные «искусственные» языки, причем ограничения проводятся обычно в двух отчасти перекрещивающихся направлениях: 1) языки, предназначенные исключительно или преимущественно для письменного, а не устного общения (так называ-

¹¹ См.: В. Фукс, Математическая теория словообразования, сб. «Теория передачи сообщений», М., 1957. Словообразование понимается В. Фуксом своеобразно, применительно к задачам теории информации и теории передачи сообщений.

¹² См.: Н. Винер, Кибернетика и общество, М., 1958, стр. 100.

¹³ См., например: L. Couturat, *Étude sur la dérivation en Esperanto*, Paris, 1907; R. de Saussure, *La construction logique des mots en Esperanto*, Genève, 1910; ег о ж е, *Principes logiques de la formation des mots*, Genève, 1911; ег о ж е, *La vortstrukturo en Esperanto*, Bern, 1916; N. Yushmanov, *100 fundamental defekti di Esperanto*, «Mondo», 5—6, Stockholm, 1924; ег о ж е, *Tragedio di Esperanto*, «Mondo», 2, 1926, стр. 49—58; E. Sapir, *Memorandum on the problem of an international auxiliary language*, «Romanic review», XVI, 3, 1925, стр. 244—256; N. Trubetzkoy, *Wie soll das Lautsystem einer künstlichen Hilfssprache beschaffen sein?*, TCLP, VIII, 1939. Из новых работ см.: K. Sellin, *Formal structure of an international language*, Copenhagen, 1962.

емые философские языки, а также пазиграфии); 2) языки только для науки, научных конгрессов и т. п. (например, интерлингва А. Гюда)¹⁴.

В отличие от эсперантологии интерлингвистика опирается на опыт создания и функционирования не какого-нибудь одного из существующих проектов ИВМЯ, а учитывает и обобщает данные самых различных интерлингвистических начинаний, выдвигая задачу разработать общую теорию создания и функционирования искусственной семиотической системы, функции которой принципиально не отличались бы от функций «естественных» языков.

Насколько целесообразно в настоящее время развивать у ИВМЯ все функции — вопрос особый. Если, например, на эсперанто пока еще нет оригинальных художественных произведений, сопоставимых с лучшими произведениями национальных литератур, то причина этого — прежде всего внешнего, а не внутреннего характера. Структура ИВМЯ, сохраняющего в разумных пределах избыточность и гибкость на различных уровнях, несомненно, может быть задана с учетом поэтической функции. Выразительные средства языка, включая фразеологию, вовсе не противопоказаны ИВМЯ, как это видно хотя бы из истории эсперанто. В этой связи особую важность приобретают структурно-типологические исследования стилистики, которые представили бы в формализованном виде самые разнообразные выразительные средства, общие и специфические для различных национальных языков.

Вопрос о том, должен ли ИВМЯ рассматриваться только как средство общения одной какой-нибудь общественной группы (class tool) или как всеобщий язык, выдвигается иногда в качестве фундаментальной проблемы интерлингвистики¹⁵. Однако нетрудно убедиться, что в наше время это прежде всего методическая задача. Подобно тому как соответственно усовершенствованный Basic English сохраняет свое значение лишь в качестве методического средства и этапа при изучении английского языка, подобно тому как разработка своеобразного «Basic Russian» могла бы существенно облегчить усвоение основ русского языка миллионами нерусских, изучающих его сейчас во всем мире, точно так же для ИВМЯ должен быть выработан свой basic, позволяющий овладеть основами ИВМЯ¹⁶. Например, эсперанто по существу давно уже представлен как в полном виде, так и в виде basic. Ср. «16 правил» эсперантской грамматики и «Полную грамматику эсперанто», бесчисленные «ключи», т. е. словарики-минимум, и «Полный словарь эсперанто» и т. д. Понятно, что потребность в ИВМЯ не может быть у всех людей одинаковой. Многообразие функций, которые выполняет или может выполнить ИВМЯ, — от элементарно-разговорной до художественно-творческой — неизбежно связано с тем, что носители ИВМЯ владеют и будут владеть им в различной степени, так сказать, по потребности.

Обычным «аргументом» против ИВМЯ является утверждение, что они якобы лишены истории в собственном смысле слова. Этот довод вдвойне

¹⁴ Нет никаких оснований относить эсперанто и другие подобные системы к «pseudo-languages» оставляя термин «interlanguages» лишь за языками «натуралистического» типа, как это делает Ж. Мунен (см.: G. M o u n e n, Pseudo-languages, interlangues et métalangues, «Babel», IV, 2, Bonn, 1958, стр. 92 и 95). Ср. также статью «Интерлингвистика» в «Лингвистическом словаре Пражской школы» Й. В а х к а (М., 1964, стр. 78) и доклад П. Г и р о «Механизация количественного анализа в языковедении» на конференции по поэтике (Польша, сентябрь 1961 г.). О проблеме международного языка в науке см. журнал «Мир науки», 1960, IV, 2 (10), стр. 25—27; 1961, V, 2, стр. 24—26. В 1962 г. в Копенгагене состоялась Первая международная конференция по этой проблеме.

¹⁵ См.: М. Р e i, One language for the world, New York, 1958, стр. 91.

¹⁶ Близкую к этой идею Э. Сепир высказывал еще в двадцатые годы (см.: E. S a p i r, указ. соч., стр. 250 и сл.).

ошибочен. Прежде всего он неверен фактически. Известно, например, что лексика эсперанто постоянно расширяется, подвергаются изменениям и значения некоторых слов. Можно отметить и отдельные грамматические изменения, уже происшедшие или назревшие, а также изменения в словообразовании и в стилистике. Даже фонологическая система эсперанто, сама по себе не обнаруживающая тенденций к каким-либо существенным изменениям, тем не менее уже испытала некоторые модификации (ср., например, замену $\hat{h} > k$ во многих нарицательных именах). К тому же следует учитывать, что чем совершеннее и нормированнее язык, тем меньше в нем происходит спонтанных изменений.

Если «история — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»¹⁷, то с этой точки зрения ИВМЯ, во-первых, оказывается во всем существенном таким же продуктом истории, как и «естественные» языки¹⁸, и, во-вторых, все различие между ними сводится к тому, что на уровне ИВМЯ фактор стихийной эволюции сдает свои позиции, а на передний план выступает телеологический аспект лингвистической науки и целенаправленное развитие языка, который из субъекта развития полностью превращается в объект сознательного воздействия человека.

В свое время, в ходе лингвистической дискуссии 1950 г. была затронута близкая к этой проблема. Так, А. С. Чикобава, изложив в своей статье, открывшей дискуссии, взгляды И. В. Сталина по вопросу о едином языке будущего, утверждал, что «точка зрения акад. Н. Я. Марра, предлагающего искусственными мерами ускорить процесс создания единого общего языка, не может быть признана марксистско-ленинской»¹⁹. Защищая в общей форме интерлингвистическую концепцию Марра, Л. А. Булаховский резонно заметил в своей дискуссионной статье: «„Искусственные меры“ — не обязательно „насилие“, как представляется критику. Без сомнения, А. С. Чикобава известно не менее других, что нет не искусственных литературных языков, что организация их и осуществление в жизни народов предполагают очень сильные моменты сознательного вмешательства и что школа (можно ли ее отнести к средствам насилия?) — прямое условие их внедрения в массы. Можно с большой вероятностью предположить и то, что в высококультурной бесклассовой среде, которую будет представлять коммунистическое общество, сознательная сторона культурно-общественных процессов будет намного выше того, что мы наблюдаем сейчас»²⁰.

Полемика Л. А. Булаховского с А. С. Чикобава касалась единого языка будущего, а не ИВМЯ. Но по существу речь шла именно о понимании процессов исторического развития языка, о проблеме «сознательного и стихийного», «искусственного и естественного» в языковом развитии, об основах «языковой политики»²¹.

Следует признать, что взаимосвязанное обсуждение трех фундаментальных проблем — проблемы «искусственного» и «естественного» в раз-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2, стр. 102.

¹⁸ Еще раз подчеркиваю, что имеются в виду «искусственные» языки — аналоги «естественных».

¹⁹ А р н. Ч и к о б а в а, О некоторых вопросах советского языкознания, «Правда», 9 V 1950.

²⁰ Л. Булаховский, На путях материалистического языковедения, «Правда» 13 VI 1950.

²¹ Ср. также высказывания В. И. Абаева о языке будущего и об «интернациональной ориентации нашей языковой политики» в его работах 30-х годов (сб. «Язык и мышление», II, М., 1934, стр. 53; VI—VII, М.—Л., 1936, стр. 17) и некоторые относящиеся сюда идеи Е. Д. Поливанова и Л. П. Якубинского (см. об этом: «Вопросы культуры речи», 1963, 4, стр. 13—14 и 19—21).

витии языка, проблемы языкового знака и проблемы историзма — позволило бы, наконец, советскому языковедению принять на вооружение те интерлингвистические аксиомы (в уточненном, развитом и дополненном виде), которые были выработаны еще в первом десятилетии XX в. Без такого обсуждения нельзя преодолеть психологически понятное, но уже ничем не могущее быть оправданным неприятие интерлингвистики, в причудливых сочетаниях и переплетениях присущее многим нашим «лингвистам-теоретикам»²².

Не имея здесь возможности касаться более подробно антитезы «естественные языки — искусственные языки», сошлюсь только на статью Б. М. Кедрова, посвященную диалектике развития понятий «естественное» и «искусственное»²³. Методика исследования им этого вопроса на материале «точных наук» представляется очень поучительной и для лингвистов.

*

Вопрос о международном языке в его прошлом, настоящем и будущем теснейшим образом связан не только с постановкой и решением национального вопроса, но и с важнейшими общеполитическими проблемами. Все проекты ИВМЯ создавались именно как международные языки, и речь, очевидно, может идти лишь о степени международного признания того или иного ИВМЯ. Не следует понимать под «международным языком» только единый и единственный язык всего человечества, на роль которого, например, эсперанто, разумеется, и не претендует, выступая в функции вспомогательного языка²⁴.

Неправомерно и принципиальное противопоставление национальных языков как «живых» искусственным вспомогательным международным языкам как «неживым». Хотя огромное большинство проектов ИВМЯ не получило никакого распространения, но некоторые из них — и прежде всего именно эсперанто — используются довольно широко и в функции средства международного общения нередко заменяют те или иные национальные языки. ИВМЯ вполне может сосуществовать, больше того — активно взаимодействовать с национальными языками.

По авторитетному и легко проверяемому свидетельству И. А. Бодуэна де Куртене, «все элементы эсперанто заимствованы из реальной языковой действительности и использованы разумно и осмотрительно»²⁵. Эволюция эсперанто осуществляется как раз путем обогащения его все новыми и новыми элементами «живой речи народов». Критика эсперанто — одна из важных задач интерлингвистики, но при этом непременно

²² См.: В. А. Звегинцев, Проблема знаковости языка, М., 1956, стр. 26; его же, Глоссематика и лингвистика, сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 238; Б. В. Г о р н у н г, Место лингвистики в системе наук и использование в ней методов других наук, ВЯ, 1960, 1, стр. 31; статья «Искусственные языки» в БСЭ², 18, стр. 504—505; А. С. Ч и к о б а в а, Проблема языка как предмета языковедения, М., 1959, стр. 61 (см. также стр. 95, 167—168, 173); В. А. А в р о р и н, Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР, ВЯ, 1960, 4, стр. 16—17.

²³ Б. М. К е д р о в, «Естественное» и «искусственное» в познании и в деятельности человека, ВФ, 1958, 11.

²⁴ Оставляю пока в стороне вопрос о «международности» самой структуры ИВМЯ (см. ниже). В эсперанто уже есть («интернациональные») корни «восточных» языков, больше того — агглютинативный в основном грамматический строй эсперанто сближает его со многими «восточными» языками. Насытить основной корнеслов ИВМЯ корнями самых гетерогенных языков было бы нетрудно — вопрос в том, насколько это целесообразно. См.: М. M o n n e r o t - D u m a i n e, Précis d'interlinguistique générale et spéciale, Paris, 1960, стр. 30.

²⁵ J. V a u d o i n d e C o u r t e n a y, Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen, Leipzig, 1907, стр. 45.

должны учитываться реальные факты возникновения и функционирования искусственного языка, данные, которые предоставляет исследователю эсперанто — уникальный лингвистический эксперимент.

Неопровержимые данные науки о языке и опыт коллективных лингвистических экспериментов позволяют сделать вывод о принципиальной возможности создания искусственного языка, который уже сейчас может быть вспомогательным, но полноценным средством международного общения. Этот вывод находится в полном соответствии с известным марксистским тезисом о том, что «в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода (т. е. язык.— В. Г.)»²⁶.

Что касается «единого мирового языка будущего», то очевидно, что здесь возможны только два пути: 1) путь стихийного взаимодействия национальных языков, постепенного поглощения одних языков другими и стихийного взаимного обогащения, что имеет свои пределы, если учесть значительную непроницаемость фонетических и грамматических (а отчасти и лексических) систем развитых современных национальных языков для заимствования, а также их «избыточность» и «нелогичность», и 2) путь сознательного творчества, т. е. создание искусственного языка апостериорного типа.

Обычно нашим социологам представляется естественным первый из этих путей²⁷. Но игнорировать второй путь, пренебрегать им едва ли не опрометчиво²⁸. К тому же нельзя не видеть, что проекты ИВМЯ, которые получили распространение в XX в., «брали в основу» какой-либо один национальный язык или группу национальных языков, а не строились априорно.

Таким образом, интерлингвистика утверждает, что возможной, очевидно, более целесообразной и во всяком случае практически осуществимой формой всеобщего вспомогательного международного языка является «искусственный» язык. Это положение пока еще никем не опровергнуто, несмотря на традиционное неприятие интерлингвистических фактов и психологическую неприязнь к ним у многих исследователей. Невозможно обожествлять стихию и противопоставлять народные массы науке, когда речь идет об актах сознательного целенаправленного творчества.

Языкознание XIX в. было в основном обращено в прошлое, лингвистика первой половины XX в. сделала предметом своего анализа и языки в их современном состоянии, в последние десятилетия наука о языке все более устремляется в будущее, приобретая способность прогнозирования, теоретически и практически доказав возможность языкового синтеза. Для лингвиста невозможен отказ от решения лингвистических проблем кибернетики, символической логики, разработки моделей языка в структурной лингвистике и развития славных отечественных интерлингвистических традиций. «Совершенствование» существующих языков имеет свои пределы²⁹, а интерлингвистика по сути дела и ставит перед собой соответствующую задачу.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, Соч., 3, стр. 427.

²⁷ См.: Б. Гафуров, *Успехи национальной политики КПСС и некоторые вопросы интернационального воспитания*, «Коммунист», 1958, 11, стр. 16—17; М. Камиари, *Строительство коммунизма и развитие национальных языков*, «Политическое самообразование», 1960, 4, стр. 66—67.

²⁸ Напомню слова М. Горького: «Я глубоко убежден, что организованная воля масс вполне способна претворять „искусственное“ в естественное» («Вестник работников искусств», 1921, 7—9, стр. 38).

²⁹ Так, например, устранение категории грамматических классов в некоторых языках было бы их известным «усовершенствованием», таким же «усовершенствованием» было бы развитие в русском языке особых форм причастия будущего времени. Однако, как известно, языки «не хотят» усовершенствоваться в этом направлении.

Появление будущего единого языка нельзя рассматривать как сравнительно простой и стихийно совершающийся акт, не требующий огромной подготовительной работы со стороны лингвистов. Дело в том, что необходимо было бы устранить всякую случайность и необоснованность в выборе, а для этого необходимы еще очень значительные исследования большого круга интерлингвистических проблем и, в частности, вопроса о сравнительной целесообразности того или иного варианта решения³⁰.

Если языковеды направят впредь свои усилия только на «усовершенствование» существующих языков, а творческие межъязыковые процессы останутся достоянием стихии, то в результате «естественного» слияния может «родиться» разве что какой-нибудь «усовершенствованный» pidgin (вроде SASperanto), не отвечающий высоким требованиям коммунистического общества³¹. Пока нет никаких фактов, которые позволили бы утверждать, что, например, русскую грамматику можно сознательно «усовершенствовать» по образцу китайской (или наоборот) таким образом, чтобы она осталась «естественной» и русской. Точно так же нет фактов для предположения о том, что, скажем, русская и арабская морфология, взаимодействуя, стихийно сольются в конце концов в какую-то единую и более совершенную систему. Разумно ли требовать, чтобы язык — основа будущего единого мирового языка включил в себя богатства всех других национальных языков и культур? Если всякий язык (все равно, «естественный» или «искусственный») представляет собой средство общения, особую систему знаков, то и будущей единой мировой язык не сможет в силу самой своей языковой природы осуществить такие требования. Этот язык может и должен быть только средством передачи содержания (богатства) национальных культур, а не самим этим содержанием. Очевидно, что и понятие языковых «богатств» в этом случае включает не все специфические структурные особенности, а лишь аналогии выразительных возможностей, которыми располагают развитые национальные языки.

Исключительно перспективным представляется изучение фразеологической типологии. Эта область по существу еще совсем не разработана в языковедении, и понятно, что в проектах ИВМЯ проблема фразеологии до сих пор решалась чисто интуитивно и в значительной степени стихийно. Между тем ИВМЯ с полным набором функций, очевидно, мог бы в принципе и должен включать в себя основную фразеологию самых различных национальных языков.

Еще более важной задачей является единообразное описание поэтической функции различных современных национальных языков, создание структурно-лингвистической поэтики. Только тогда можно будет достаточно строго соотнести экспрессивные возможности ИВМЯ и «естественных» языков.

³⁰ В статье «Строительство коммунизма и дальнейшее сближение наций в СССР» (ВФ, 1961, 9) М. Д. Каммари уже допускал, что «будущий единый мировой язык будет создан путем научного синтеза...» (стр. 41), однако термин «искусственный язык» все еще вызывал у него почему-то ассоциации с непеременимыми действиями «одинок» и с понятием жаргона. В более поздней заметке «К вопросу о будущем всемирном языке» («Коммунист Эстонии», 1964, 7, стр. 66—71) М. Д. Каммари все-таки пришел к выводу о том, что «опыт создания т. н. искусственных языков» «надо изучать». Хотелось приветствовать этот актуальный призыв. См. также: В. П. Григорьев, Об интернациональной языковой форме, «Проблемы современной филологии», М., 1965, стр. 94—97. Ср.: Ю. Дешериев, М. Каммари, М. Меликян, Развитие и взаимное обогащение языков народов СССР, «Коммунист», 1965, 13, стр. 56—58.

³¹ Это ни в какой мере не означает, что пиджины и так называемые креолизированные языки не могут быть важным средством общения и даже лечь в основу языка формирующейся нации (Меланезия, Гаити). Такие языки являются полноценным объектом лингвистического исследования (см.: Ch. F. Hockett, A course in modern linguistics, New York, 1958, стр. 420—423).

Совершенно недостаточно используется опыт интерлингвистики при изучении так называемых «интернационализмов». Отдельные исследователи, обнаруживая у «интернациональной» лексики региональную ограниченность, а также — подчас значительные — расхождения в семантике, в фонетическом и графическом облике, абсолютизируют эти ограничения и расхождения и странным образом закрывают глаза на то общее, что объединяет различные языки мира ³².

Что касается языковых универсалий, то далеко не все они детерминируют то или иное интерлингвистическое решение. Это относится, например, к некоторым статистическим универсалиям. Очевидно, что выявление черт, свойственных всем «естественным» языкам, даст языкознанию материал, значение которого трудно переоценить ³³. Однако переход от типологии к интерлингвистике не может быть механическим. Особенно существенными при этом окажутся универсалии лингво-социологического типа. Искусственные языки сами должны стать предметом типологии в соответствии с интерлингвистическим принципом наибольшего благоприятствования всем языкам без исключения.

Если в результате достижений кибернетики в какой-то мере ослабнет потребность в живом международном языке, то в будущем обретут новую силу прекрасные, хотя, пожалуй, излишне трагические строки Расула Гамзатова:

И если завтра мой язык исчезнет,
То я хочу сегодня умереть.

Но так или иначе и в области лингвистики мы не должны «ждать милостей от природы». Проблемы всеобщего средства международного общения, потребность в котором диктуется с особой силой уже в нашу эпоху, не решают ни теория зональных языков, родоначальником которой был еще Ян Амос Коменский ³⁴, ни теория «выбора» М. Пея, ни современный синхронный или машинный перевод, ни проблематичные пока портативные кибернетические переводчики. Эту проблему, очевидно, сможет решить только искусственный вспомогательный международный язык — своеобразный «лингвистический спутник», разработкой и усовершенствованием проектов которого давно уже стихийно занимались отдельные энтузиасты. Задача целенаправленного запуска такого «спутника» — теперь уже в недалеком будущем и совершенно сознательно — будет поставлена перед наукой о языке. Чем скорее и более полно советское языкознание разработает общую теорию интерлингвистики, тем активнее и существеннее будет его роль в решении этой подлинно интернациональной и интернационалистической задачи.

³² Ср.: М. М. М а к о в с к и й, К проблеме так называемой «интернациональной» лексики, ВЯ, 1960, 1. В то же время основной причиной неудачи интерлингвы ИАЛА, по-видимому, явилась ложная фундаментальная посылка, согласно которой интернациональные слова — это «этимологические инварианты», а также сугубо натуралистический принцип их превращения в словарь интерлингвы. Этот путь, открытый еще Ю. Лоттом (1880 г.), в конце концов привел к *эспернато* (!) и к «атлантическому языку» (см.: Е. А г е н т i e r i, L'integrazione linguistica euratlantica, Roma, 1963).

³³ См.: В я ч. Б с. И в а н о в, Некоторые проблемы современной лингвистики, «Народы Азии и Африки», 1963, 4, стр. 167; Б. А. У с п е н с к и й, [рек. на кн.:] Universals of language, ВЯ, 1963, 5. Ср. также несколько успешные заключения П. Н. Д е п и с о в а в кн. «Принципы моделирования языка» ([М.], 1965, стр. 9—10).

³⁴ Исключительный интерес для истории языкознания представляет обнаруженная перед второй мировой войной «Панглоттия» Яна Амоса Коменского (см.: К. Š k o d a, La pensoj de Comenius pri universala lingvo, «Scienca revuo», 11, 1 (41), Purmerend, 1959, стр. 28—40; V. T. M i š k o v s k á, La Panglottie de J. A. Komenský, «Philologica Pragensia», 111, 1959, 4, стр. 97—105).

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

У. Ф. ЛЕМАН

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЯЗЫКОЗНАНИЯ *

Успехи языкознания можно отнести к наиболее выдающимся научным достижениям XIX в. На смену шатким утверждениям, характерным для лингвистов начала XIX в., пришло глубокое понимание отношений родства между почти всеми языками Европы и многими языками Азии. В конце века были основательно исследованы индоевропейские диалекты и окончательно доказана их принадлежность к одной языковой семье. Кроме того, методология, разработанная для классификации языков индоевропейской группы, была использована для классификации языков других групп, в том числе для классификации языков, представленных весьма скудным материалом, типа языков банту (Майнхоф) и алгонкинских языков (Блумфилд). Лингвистическая методология оказалась настолько надежной, что на основе выводов языковедов были сделаны заключения и в других областях науки, например гипотезы о прагерманской религии или индоевропейской культуре в целом. Если, однако, проследить общее развитие языкознания, нельзя не прийти к выводу, что эта наука, достигнув определенной ступени к началу нашего века, почти прекратила поступательное движение, особенно в некоторых странах. Нельзя отрицать, что в течение нашего века в индоевропейском языкознании произошел ряд выдающихся событий — открытие хеттского и тохарского языков и их включение в индоевропейскую семью языков, расшифровка линейного письма В и возникшая в связи с этим возможность чтения более древних греческих текстов, чем те, которые были до сих пор известны. Несмотря на все это, большинство публикаций в ведущих лингвистических журналах мало интересно — это главным образом замечания по частным проблемам или толкование отдельных форм. Пожалуй, наиболее значительная работа «Исключение из первого передвижения согласных» Вернера была напечатана в журнале «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung» около столетия назад. Таким образом, лингвистика, которая в прошлом столетии достигла вершины своего развития, в наше время потеряла свою притягательную силу. Лингвистика, как с сожалением констатировал один вдумчивый языковед, проф. Пилх, почти сошла с академической сцены.

В связи с этим изменились и интересы языкознания. В то время как в XIX в. исследователи занимались изучением выдающихся творений прошлого — Ригведы, поэзии Гомера, Эдды — в наше время лингвист нередко занимается изучением высказываний, характерных для рыбака или любого человека вообще. В противоположность типичному для XIX в. интересу к широкой языковой проблематике, в наше время лингвист

* Статья напечатана в «Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte», Jg. 39, 1, 1965 под заголовком «Die Kontinuität der Sprachwissenschaft».

часто ограничивается анализом речевых актов, занимающих лишь несколько часов и протекающих синхронно с процедурой их исследования. Удивительно, однако, что при анализе небольшого отрезка повседневной речи современные лингвисты обычно используют совершенно иную терминологию по сравнению с той, которая употребляется в известных стандартных пособиях, например в «Принципах истории языка» Пауля. В этих работах мы наверняка встретимся с фонемами и морфемами, а также с прочими «эмами», столкнемся с глоссематическими или трансформационными описаниями, а возможно, с той или иной разновидностью структурализма. Лингвист нашего времени, по всей вероятности, поставит в затруднительное положение своих коллег в связи с тем, что он ограничивается анализом узкого круга языковых явлений. За небольшими исключениями современные лингвисты подчеркивают, что проблема значения не входит в сферу их изучения. Тем самым один из наиболее высоких уровней языка пренебрегается исследователями. В связи с изменившимися интересами лингвистики специалисты смежных областей могут вполне задать вопрос, что собственно произошло в языкознании, особенно если учесть то обстоятельство, что, употребляя новую терминологию и новые методы, лингвисты начинают привлекать для языковедческих исследований совершенно чуждые лингвистике научные дисциплины. Для того чтобы лучше понять современное состояние лингвистической науки, необходимо выяснить, имеются ли четкие различия между современным языкознанием и лингвистикой XIX в. Хотя разделение науки по национальному признаку вводит нас в заблуждение, многие исследователи считают возможным говорить о немецком или об американском языкознании, видимо, потому, что такое разделение представляется им удобным. Возникает вопрос о конкретных различиях между немецким и иностранным языкознанием, особенно между немецкой и американской лингвистикой (последняя обнаруживает определенную жизнеспособность). Вопрос может быть поставлен следующим образом: «наступил ли застой в немецком языкознании?» или «отклонилось ли американское языкознание от своих основных задач, предав забвению свою роль в области гуманитарных наук?». Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо кратко остановиться на соотношении различных лингвистических групп, особенно в начале нашего века; это в свою очередь даст возможность определить особые достижения лингвистики в XIX в.

Пятьдесят лет назад Германия была основным центром языкознания. Блумфилд, а до него Соссюр приезжали учиться в Лейпциг. Блумфилд (хотя и не вполне серьезно) считается последним младограмматиком. Вскоре после его возвращения на родину в 1914 г. Блумфилд опубликовал брошюру, посвященную изучению языка, в которой никоим образом не призывал к радикальным изменениям лингвистических взглядов. Наоборот, книжку Блумфилда можно считать американским введением в «Принципы истории языка» Пауля. Таким образом, по крайней мере внешне, американское языкознание продолжало лейпцигскую традицию, что видно также из статей того времени, опубликованных в специальных журналах.

Через двадцать лет Блумфилд опубликовал вторую книгу, названную им «Язык» («Language»). В этой новой книге автор полностью порывает со старой традицией и дает образец совершенно нового понимания языка. Вместо того чтобы считать язык продуктом культуры человечества, его рассматривают теперь как орудие коммуникации. Углубленного понимания этого орудия нельзя достичь путем изучения ранней истории слов и других языковых элементов. Основная задача лингвиста состояла теперь в том, чтобы изучить язык сам по себе, изучить основ-

ной механизм языка с тем, чтобы описать его вне отношения к прочей человеческой деятельности, вне отношения к внешнему миру — к значению. Для объяснения роли языка во взаимном общении людей особую важность приобрела концепция, согласно которой язык — это определенный акт. Богатая и разносторонняя история языка перестала интересовать исследователей. Историческое языкознание отошло на второй план и заняло подчиненное место по сравнению с описательной лингвистикой. Изучение наиболее совершенных творений человеческого языка не занимает больше первого места в работе лингвистов. Считается, что язык докеров в той же мере заслуживает исследования, как и язык Шекспира. Отошла на второй план даже центральная задача языкознания — изучение значения. Лингвист должен прежде всего заниматься формами и звуками языка. В связи с этим языкознание нередко упрекали в том, что оно стало полностью механистическим.

Чтобы понять подобное развитие языкознания, полезно вспомнить о решающем повороте в другой области науки, а именно об изучении биологии, предпринятом в XVII в. такими учеными, как Кеплер, который основывался в своей теории на трудах Галилея и Декарта (Ср. А. С. Crombie, *Early concepts of the senses and the mind*, «Scientific American», May, 1964, vol. 210, 5, стр. 108—116). Согласно концепции Кеплера, «космология уподобляет небесную машину не какому-либо виду божественного существа, а часовому механизму». Кеплеровский анализ человека и его деятельности полностью соответствует этому тезису. Проблему зрения он ограничивал «установлением, каким образом функционирует глаз, как и всякий другой оптический инструмент». Концепция Кеплера требует соблюдения больших ограничений при рассмотрении того или иного вопроса: при исследовании действий не только зрения, но и речи безусловно возникает целый ряд вопросов — физический акт, психологический, духовный аспекты. Однако, согласно Кеплеру, все эти проблемы следует решать независимо друг от друга и лишь затем заняться функционированием и механизмом языка.

При изучении физических актов большую пользу можно извлечь из анализа их механизма. В XVII в. была введена «механистическая гипотеза», призванная помочь разобраться в функционировании частей тела. Та же гипотеза в XX в. стала использоваться для выяснения внутреннего механизма такого функционирования. Весьма важно, что подобная же методика, используемая лингвистами в XX в., развилась непосредственно из лингвистической практики XIX в.

Развитие языкознания, по-видимому, можно лучше всего проиллюстрировать на примере последовательного проникновения в суть германского передвижения согласных. Большое достижение Гримма по сравнению с Раском, которое оправдывает название «закон Гримма» (а не «закон Раска»), заключается в том, что он рассматривал это передвижение как единое целое. Хотя Гримм специально и не разъяснял это, он рассматривал язык как структуру, в которой *tout se tient*, части которой соотносятся друг с другом. Переходы /t/ в /þ/, /dh/ в /ð/, /d/ в /t/ не являются независимыми друг от друга. Для того чтобы представить себе соотношения отдельных элементов при передвижении согласных, можно опять обратиться к примеру часов, но на этот раз привлечь для сравнения не часовую механику, а циферблат. Подобно тому, как стрелка часов движется с 12 к 4 и далее опять к 12, глухие смычные непродыхательные Гримма передвигаются в продыхательные, продыхательные в звонкие смычные непродыхательные, а последние опять в глухие смычные непродыхательные. Из гриммовского механистического представления передвижения согласных были выведены основные положения языкознания:

язык не является нагромождением неравноценных элементов, а представляет собой систему. Те, кто в наши дни называют себя структуралистами, не должны забывать об их великом предшественнике — Я. Гримме.

Однако удачная формулировка Гримма имела и свои недостатки. Прежде всего выделенные им классы были слишком общи. Придыхательный мог быть как глухим фрикативным, так и глухим придыхательным смычным. Подобно этому звонкий смычный непрдыхательный мог быть звонким фрикативным или звонким придыхательным. Гримм открыл систематическое передвижение, но он пренебрег физическими частностями. Последователи Гримма обнаружили еще одно упущение Гримма — его закон не покрывает многих конкретных случаев: /t/ в *ist* не претерпело передвижения, оно не закономерно в нем. *Tochter*, если считать санскрит и греческий наиболее консервативными индоевропейскими языками, а также в нем. *Vater*.

Известны решения этих проблем — исключений из закона Гримма: 1) тщательные исследователи типа фон Раумера обратили внимание на необходимость учитывать физическое окружение отдельных элементов (например, *t* в *ist*). Очевидно, можно было бы утверждать, что эти ученые исследовали долгие фонетические компоненты языка так же, как в наши дни это делает Харрис; 2) несколько позднее, через 25 лет после опубликования результатов фон Раумера, Грассман объяснил родственное отношение между нем. *Tochter* и санскр. *duhitā*, а также другими подобными же примерами. При этом он принимал во внимание слово в целом, а не только соседние пограничные элементы; 3) наконец, Вернер разрешил проблему в отношении слов типа нем. *Vater*, гот. *fadar*, санскр. *pi-īā*, объяснив соотношения между единицами, которые мы часто называем сегментами и супraseгментами (также просодическими), т. е., с одной стороны, между гласными и согласными и, с другой, — между динамическим ударением, музыкальным ударением и паузами. Согласно Вернеру, сегментные и просодические элементы можно считать сравнимыми единицами в пределах всей совокупности фонологических элементов языка. Результаты этих исследований нашли выражение в дальнейшем развитии языкознания. Прежде всего лингвисты начали подчеркивать физическую основу языка. Пауль, например, объясняет звуковой переход чисто физическими причинами. Ср., например, в его «Принципах» стр. 69 [русск. перевод, М., 1960, стр. 88]: «...там, где раньше всегда выступал один какой-либо звук, там и на более поздней ступени развития должен выступать один только звук, а если звук расщепился, то должны быть указаны причины расщепления, притом причины чисто звукового характера, как, например, воздействие окружающих звуков, ударение, позиция слога и т. п., поясняющие, почему в одном случае образовался такой-то звук, а в другом — другой». В связи с тем, что вековое изучение исторического языкознания приводило к выводу, что для понимания звукового перехода необходимо знать соответствующие физические и механические процессы, нельзя удивляться тому, что и в языкознании более позднего времени, в том числе и в дескриптивном, господствуют те же принципы. Занятия механическими элементами языка, характерные для дескриптивного языкознания, таким образом, непосредственно вытекают из наиболее важных достижений науки в XIX в. — частично из предложенных Гриммом, фон Раумером, Грассманом и Вернером решений германского передвижения согласных.

Однако механистическая концепция не смогла разрешить все проблемы передвижения. Вообще поборники механистической гипотезы и сами не считают, что с помощью этой гипотезы можно разрешить все вопросы. Основное, что сделали последователи механицизма, — это выделение труд-

ностей и их исследование в определенном порядке. В XVII в., например, применение «механистической гипотезы» дало возможность понять деятельность глаза и уха. Тем самым были созданы предпосылки решения дальнейшей более сложной проблемы: «каким образом сообщения, передаваемые через органы чувств, превращаются в представления» («Scientific American», 210, стр. 108). Подобных же результатов можно ожидать и в языкознании. После того как стало понятным, как функционируют внешние элементы языка, можно заняться более сложными проблемами внутреннего механизма — кодированием языка в мозге, соотношением понятий и языковой символики, а также проблемой значения. Именно потому, что языковеды тридцатых и сороковых годов занимались только наиболее элементарными языковыми проблемами, именно потому, что они ограничивались фонологией и морфологией, была подготовлена почва для понимания более сложных проблем лингвистики, подобно тому, как Кеплер подготовил почву для понимания процесса зрения за много веков до того, как этого удалось достигнуть.

Для того чтобы лучше осознать, почему в нашем столетии ученые почти исключительно занимаются наиболее элементарными языковыми уровнями (и вообще имеют тенденцию к механистическим штудиям), необходимо кратко вспомнить некоторые основные исследования и успехи языкознания в XIX в., включая и проблемы, не получившие окончательного решения. В качестве примера с этой целью можно избрать работу, автор которой не относился к числу ведущих лингвистов. Мы имеем в виду работу Финка «Haupttypen des Sprachbaus». Мы останавливаемся именно на работе Финка отчасти потому, что типология основывается на успехах языкознания в целом, а отчасти потому, что рассмотрение второстепенной работы даст возможность лучше осветить сильные и слабые стороны ведущих теоретиков, чем изучение их собственных трудов.

В качестве основной лингвистической единицы Финк выделяет слово, а не предложение. Языки он классифицировал в соответствии со структурой слова. В случае, если в каком-либо языке элементы слова четко выделяются и следуют друг за другом (например, в турецком *sev-mek* «любить», *sev-iyor* «он любит» и т. д.), Финк называл этот язык агглютинирующим. Если границы между элементами слова неясны (ср. в латинском *amo, amat*), Финк считал его флективным. В случае, если флективные формы являются комплексными (как в эскимосском), язык назывался полисинтетическим в противоположность языкам, не имеющим флексий (ср., например, китайский). Автор особенно подчеркивал роль морфологии, как это делалось и в большинстве лингвистических работ XIX в., на которых основывалась типология Финка.

Подобные же построения можно обнаружить даже при беглом просмотре почти любой известной грамматики того времени, например «Древневерхненемецкой грамматики» Брауне, которую, пожалуй, можно назвать образцом тщательно выполненных грамматик для многих языков. Кроме фонологии, которая очень помогает пониманию соотношений между формами, книга Брауне ограничивается рассмотрением морфологии. Синтаксис в книге отсутствует. В случае же, когда, как в «Немецкой грамматике» Пауля, мы обнаруживаем раздел, посвященный синтаксису, последний обосновывается чисто морфологически. Основная цель такого синтаксиса — объяснение употребления отдельных форм датива, причастия, предлогов и т. п. Однако язык не состоит из нанизанных друг на друга изолированных форм. Язык нельзя представить как последовательность отдельных слов. Подобная концепция, к несчастью, досталась нам в наследство от работ XIX в. и разделяется не только большинством неспециалистов, но даже способными исследователями в смежных языкознанию областях.

При использовании языка основной единицей является предложение (эта единица обычно выделяется набором определенных ударений, тональных кривых или пауз), чем полностью пренебрегали языковеды XIX в., даже после Вернера. Интересно проследить влияние типичных для XIX в. занятий морфологией в работах Блумфилда. Блумфилд дает две общие классификации форм — связанные и свободные формы. Связной формой является, например, единица типа окончания генитива в слове *Tags*, которая не может употребляться самостоятельно. В противоположность этому свободной формой является слово типа *Tag*, которое можно произнести само по себе. Подобные взгляды нам представляются ошибочными. Мы считаем, что всякое минимальное высказывание — это предложение. Правда, можно услышать высказывание типа *Tag*, но в этом случае оно особым образом оформлено интонационно, как и *Tag*, встречаемое, например, в высказывании большей протяженности: *Ich wünsche Ihnen einen guten Tag*.

Если допустить, что наименьшей свободной формой в языке является предложение, то следует признать, что предложение является основной лингвистической единицей, подлежащей исследованию. Новое языковедение занялось исследованием характерных супrasegmentальных признаков предложения, указанных выше — ударения, тональных кривых или пауз; с этой целью применяются различные приемы, например предложения рассматриваются как сегментные фонемы. Другим важным направлением исследования является анализ предложения.

Таким образом, если признать, что предложение является основной единицей анализа, можно наметить два возможных пути его рассмотрения. Мы можем, с одной стороны, рассматривать предложение как единое целое и разлагать его на конститутивные элементы, делить его на все меньшие и меньшие сегменты. Такой прием предпочтителен при машинном переводе или с несколько другими теоретическими предпосылками в трансформационной грамматике. С другой стороны, однако, уже при первой попытке преодолеть слабые стороны языковедения XIX в. предпочтительно проведение анализа в обратном направлении — от фонологических единиц к морфологическим и далее к единице высказывания.

Что следует принять за единицу при изучении звуков какого-либо языка? Как указывали выдающиеся фонетисты начала нашего века — Суит в Англии, Есперсен в Дании, Зиверс в Германии — звуки различны в различных окружениях. В самом деле один и тот же звук, произнесенный в разное время, никогда не идентичен. Звук *t* в слове *Tal* отличается от того же звука в слове *Stahl* и в другом отношении от того же звука в словах *zieht*, *zielt*, *ziert* и т. д. Как следует подходить к этим различиям? Одной возможностью можно было бы считать разработку все более точных транскрипционных систем, содержащих различные символы для различных оттенков звуков *t*, *r*, *l* и т. д. Хотя подобная дифференциация безусловно свидетельствовала бы о мастерстве фонетиста, она вряд ли соответствовала бы лингвистической реальности. Дело в том, что говорящие не замечают какой-либо разницы между этими различными звуками. Несмотря на незначительные различия между собой все *t*-подобные звуки воспринимаются как *t*. Решение этой проблемы стало возможным, когда ученые стали принимать во внимание окружение соответствующих звуков. Придыхательный звук *t* в слове *Tal* принадлежит к тому же классу, что и неаспирированный *t* в *Stahl*, так как различные фонетические варианты никогда не используются для различения слов. Выделение языковых классов основывается на их соотношениях друг с другом, а также на их физической природе. В результате проведения подобной концепции сильно возрос интерес к изучению фонологических единиц в языках и особенно к изуче-

нию механизма языка. С конца двадцатых годов нашего столетия лингвисты начинают заниматься фонологическим анализом всевозможных языков, часто полностью пренебрегая при этом изучением других языковых уровней.

Каждый лингвист, в зависимости от его мировоззрения, по-своему оценивает события в языковедческой науке за последние три десятилетия. Р. Якобсон, например, последователи которого пытались разработать так называемую модель «цели и средства» языка («means-end model of language»), считает, что этот период характеризуется стремлением «заменить громоздкое, материальное, сопоставительное описание звуков языка анализом соотношений» («Trends in European and American linguistics», 1930—1960).

Что касается меня как последователя бурного лингвистического движения того времени, то языкознание прошедших тридцати лет не представляется мне столь резко отличным от предшествующих учений, как это считает выдающийся ученый Р. Якобсон. Мы уже говорили, что языковеды XIX в. также стремились найти «цель и средства» языка, но делали это не на материале фонологии, а в морфологической плоскости. В XIX в. (и даже раньше) формы типа *Tages* и *Tags* классифицировались как формы генитива: несмотря на то, что эти формы имеют различный материальный облик, они являются свободными вариантами одного и того же падежа. Подобно этому и форма *Jungens*, несмотря на окончание *-ns*, была отнесена к тому же морфологическому классу. Таким образом, выделение морфологических классов основывалось именно на учете «цели и средств», но этот принцип не был применен в фонологии. Различие становится ясным, если сопоставить современные руководства с соответствующими пособиями XIX в.: обнаруживается большое различие в фонологии, но сравнительно малое в морфологии, особенно если не принимать во внимание способ изложения материала (санскритские, греческие или латинские парадигмы даже лучше обозримы в виде таблиц, чем в тексте, подобно тому, как логарифмические таблицы цифр более предпочтительны, чем их изложение в тексте). Однако если в пособиях XIX в. звуки языка часто просто «нанизывались» друг на друга как буквы алфавита, в наше время это считается совершенно неудовлетворительным, в связи с чем постулируется фонологический анализ, в результате которого устанавливаются соотношения между различными фонемами и группами фонем. Были разработаны точные методы анализа фонологической структуры, методы настолько точные, что ученые даже пытались представить фонологическую систему на основе внутренних соотношений, не принимая во внимание при классификации отдельных звуков их материальные признаки. Занятие звуковой структурой в наше время приняло такой размах, что при типологических исследованиях анализ фонологических единиц занимает такое же центральное место, как морфологические единицы в работе Финка.

Более интенсивные занятия фонологией в современных руководствах, например, в «Языке» Блумфилда по сравнению с «Принципами» Пауля, непосредственно вытекают из того, что соответствующий материал в наше время оказался более основательно изученным, чем в предшествующий период, хотя в XIX в. языкознание развивалось сначала при пренебрежении звуками (в работах Гримма), затем отмечается скрупулезное изучение их во всем их многообразии (работы Белла, Суита и их современников), что привело к более полному пониманию их употребления в языке и почти полному их отождествлению с единицами механической структуры. По современной концепции, говорящий использует в языке близкие фонологические классы, так называемые фонемы. (Фонема — это класс

одинаково артикулируемых звуков, которые никогда не выступают в одинаковом окружении.) Говорящий на английском языке владеет дентальными ффрикативными, например в английских словах *thank, that* в противоположность альвеолярным смычным в словах *tank, dank* в противоположность апико-дорсальным в словах *sink, zinc*. Говорящий на немецком языке не владеет дентальными ффрикативными. В связи с тем, что фонологические классы строятся на владении говорящим определенной фонологической структурой, дентальная артикуляция первого элемента в англ. *thank* может привести к тому, что говорящий на немецком языке механически воспроизведет его в виде смычного (как в слове *tank*) или же в связи с ффрикативной артикуляцией этого элемента немец может воспроизвести его в виде ффрикативного (как в слове *sank*). Описание немецкого и английского языков требует понимания не только фонологических соотношений (например, между формами *Tages* и *Tag*), но и соотношений морфологических. Если в прошлые годы языковедение углубленно занималось наиболее простыми и наименее интересными компонентами языка, то это объясняется тем, что целью лингвистики в то время было упорядочение лингвистического материала. В наше время лингвистика может заняться другими элементами языка.

Если первое из различий между работой Финка и современным пособием можно, таким образом, объяснить определенным прогрессом в науке, то второе различие между ними требует сложного объяснения. Финк основывает свою вторую классификацию языков на анализе значения. По его мнению, говорящий разлагает мысленно ту или иную ситуацию, о которой хочет сообщить, и воспроизводит ее с помощью слов. Так, ситуация чтения книги разлагается, видимо, на три единицы: читателя, действие чтения и книгу. Говорящий на немецком языке может выразить это следующим образом: *Er liest ein Buch* (четыре слова вместо трех); на английском языке используются пять слов: *He is reading a book*, на китайском — три, на турецком — два. Это соотношение между языком и внешним миром, между формой и значением допускает и типологическую классификацию.

У Пауля мы также находим изучение психологической основы речи, анализ соотношения между мыслительной деятельностью и языком. Если, например, рассмотреть мысли Пауля о звуковых переходах, то мы столкнемся с приведенным выше его высказыванием, а также еще с одним о причинах звуковых переходов, которые, по его мнению, «объясняются постепенным смещением чувства движения». Подобные высказывания нельзя найти у Блумфилда и его последователей. Блумфилд подверг «ментализм» жестокой критике; по его мнению, в связи с тем, что мы не в состоянии анализировать духовные процессы, уместнее при обсуждении лингвистических вопросов воздержаться от гипотез психологического характера. Соотнесения языковых явлений с духовными, их психологического объяснения (как это делается, например, в «Принципах» Пауля), по Блумфилду, следует избегать в лингвистических работах.

Подобная концепция стала объектом критики, например в очень основательной рецензии В. Шлахтера, озаглавленной «Расслоение языка и структуралистская методика» (*DVjs*, 36, 69—152, [1962]). По мнению Шлахтера, ошибается тот языковед, который чисто формально занимается языковыми единицами, ибо при исключении значения предмет его исследования перестает быть языком: «все объекты, в создании которых принимает участие в с я душа человека, теряют смысл при естественнонаучной интерпретации» (стр. 82). Кеплер и его последователи подверглись аналогичной критике: Как я отмечал уже в отношении Кеплера, если принять строгую методологию, следует не «сбрасывать» те или иные проблемы, а

решать их: это достигается путем расчленения проблемы, рассмотрения наиболее доступных для решения ее сторон, а затем и остальных. Ясно, что фонемы не имеют значения — они употребляются как орудия выделения значения. Звук *t* в слове *Tag* служит только для того, чтобы отличить эту форму от форм *sag*, *lag* и т. д. Сам по себе звук *t* не имеет ничего общего с понятием «день», обозначаемым словом *Tag*, подобно тому, как звук *l* никак не соотносится с понятием «лежания» (*das Liegen*). Исследование звуков, в котором принималось бы во внимание значение, могло бы привести только к путанице: в фонологии обсуждаются только те или иные звуки (например *t*) и их отношение к другим звукам. Таким образом, фонологию следует рассматривать обособленно. Она образует свою собственную систему в противоположность морфологии. Можно привести ясный, простой пример из английского языка. /s/ фонологически следует рассматривать как особую единицу, ибо оно используется для различения слов, например /praʊs/ от /praʊz/ или от /praʊd/ и т. д. Если же перейти на морфологический уровень, то здесь /s/ входит в один класс с /z/, выступая как окончание 3-го лица настоящего времени глагола. Из морфологических эквивалентов можно указать на *pry*: в 3-ем лице ед. числа говорят /hiʊ praʊz/. Здесь, таким образом, больше не существует разницы между /s/ и /z/. Единица фонологического уровня может, следовательно, потерять свои различительные признаки на уровне морфологическом. В связи с тем, что мы занимаемся фонологией как особым разделом языка, нельзя приписывать ее единицам какое-либо значение.

Каким образом выделяются единицы на следующем языковом уровне, в морфологии? Морфеме обычно определяют как наименьшую значимую единицу языка. Определенное значение несет в себе, несомненно, не только слово *Tag*, но также и присоединяемое к нему в генитиве окончание *-s*. Однако и на уровне морфологии полезно заниматься функционированием единиц, не принимая во внимание их значение. Если бы при построении грамматики какого-либо языка обязательно привлекались значения каждой морфемы, грамматика сильно усложнилась бы. В этом случае было бы, вероятно, необходимо разбирать значение не одной, а нескольких морфем, выступающих в сложных словах: мы должны были бы заниматься не одной морфемой *Tag*, а ее сочетаниями с различными другими: *Tageblatt*, *Tagesleistung*, *Tagelied*, *Tagelohn*. Утверждают, будто бы можно определить морфему по тому, как она выделяется в словах; однако, не говоря уже об известных трудностях, возникающих в некоторых высказываниях, следует признать, что полная недвусмысленность анализа не достигается. Таким образом, мы используем значение как признак для определения морфем. После определения последних, мы занимаемся в грамматике установлением их свойств. Единицу *Tage* в сложном слове *Tageblatt* мы отождествляем с единицей *Tages-* в *Tagesleistung* и т. д. Правда, здесь могут возникнуть и трудности, например, когда мы имеем дело с гомофонами типа (*der*) *Bauer*: (*das*) *Bauer*. Подобными вопросами морфологического и фонологического анализа основательно занимались в последнее десятилетие. Другими направлениями исследования являются создание различных видов грамматик (например, трансформационной грамматики) и попытки сблизить грамматику с более высокими языковыми уровнями, в частности, со значением.

Поводом к созданию трансформационной грамматики были знания, накопленные при изучении распределения языковых элементов. Уже давно языковеды определяли те или иные формальные классы по флексии. *Tag* — существительное, так как оно принимает *-s* в генитиве, *-e* во множественном числе и т. д. *lag* — глагол, так как он произведен от *liegen*. Подобный метод анализа привел к созданию больших классов: существи-

тельных, глаголов, прилагательных и т. д. В связи с этим открытие структурных языковых классов можно признать сравнительно небольшим прогрессом. При дальнейшем проведении принципа определения классов по распределению языковых единиц, можно выделить более мелкие, например, выделяются все существительные, которые выступают в качестве субъекта к *liegen*. Ценность подобного языкового класса невелика, ибо наряду с ним следовало бы выделить аналогичный класс для каждого глагола — классы возможных объектов или классы глаголов, которые определенным образом соотносятся с тем или иным существительным и т. д. Вполне вероятно, что говорящий использует фантастические возможности своего мозга к накоплению информации таким образом, что запоминает бесчисленные списки сочетаний. Более вероятно, однако (хотя бы на основе аналогии), что в сознании говорящего связываются не списки выступающих вместе существительных и глаголов, а классы на более высоком уровне. Примером могут служить названия одушевленных существ в отличие от неодушевленных, существительные, которые обычно употребляются без описательного прилагательного и т. п. Уорф указал на такие классы и назвал их «скрытыми» в противоположность «открытым» классам в морфологии. В ходе изучения распределения языковых элементов ученые пытались иерархически определить эти классы, исходя из синтаксического уровня. Некоторые синтаксические обороты стали считать ядерными структурами, а все остальные производными от них в определенном порядке. Так, в английском и в немецком языках отрицательные (а также вопросительные) предложения можно получить на основе положительных. Подобный (трансформационный) анализ проводится вплоть до того, пока весь язык уместается в определенную схему. Трансформационная грамматика — одно из высших проявлений структурализма. Поскольку это возможно, все единицы языка, типы предложений, морфологические классы и, наконец, звуки подводятся под определенную структуру; при этом значение не принимается во внимание и вся процедура строится на основе тех различных, иерархических соотношений, которые можно наблюдать в языке. Многие лингвисты ведут в наше время углубленные исследования в этом направлении. В связи с тем, что сам метод чисто формален, он, естественно, интересуется только тех, кто занимается механическим рассмотрением языка.

Однако как обстоит дело со значением? Ответ на этот вопрос сложен и здесь будет дан лишь вкратце. Прежде всего: как рассматривается значение слова в выпущенных в настоящее время (особенно больших) словарях, например, в Оксфордском словаре английского языка, в словаре немецкого языка Гриммов? В сущности авторы этих словарей занимаются значением лишь во вторую очередь, уделяя основное внимание выделению синонимов и других близких групп слов (например, делается попытка установить, когда нем. *Tag* обозначает период времени, равный 24 часам, когда то же слово обозначает более короткое время, в течение которого человек работает, когда *Tag* обозначает современный мир и, наконец, когда это слово противопоставляется *Nacht*). Подобные собрания слов имеют большую практическую ценность, но они не касаются основной проблемы значения.

Однако, если составители словарей не интересуются вопросом значения, то как в этом отношении обстоит дело у семантиков? Оказывается и для них изучение значения было второстепенным. Некоторые из семантиков интересовались психологическим эффектом тех или иных слов — например, на слово *Reh* слушатели хорошо реагируют, а на слово *Krähе* — меньше, на слово *Krebs* — еще меньше. Другие интересовались изменением значения слов. Работы этих ученых во многом теряют свою

ценность из-за того, что они оставляли без внимания низшие уровни языка или занимались частностями, вместо того, чтобы исследовать групповые явления языка. Нам представляется, что проблемой значения должны прежде всего заняться языковеды, а не логики, философы или литературоведы, уделом которых является изучение духовной деятельности человека. Следует отметить, что лингвисты в настоящее время начинают уже подходить к изучению проблемы значения, опять-таки с помощью формальных методов. Однако сейчас можно говорить лишь о первых шагах в этом направлении.

Возникает также проблема соотношения между синтаксическими и семантическими классами. Если выделять все более и более мелкие синтаксические классы, соответствующие словосочетаниям, то спрашивается, где кончается изучение синтаксиса и начинается изучение семантики? Имеется ли связующее звено синтаксиса и семантики, подобно тому, которое существует между морфологией и фонологией? Вероятно. На морфологическом уровне можно сравнить *Baumschule* и *Anfängerschule* или *Mittelschule*, *Fahrsschule* и т. п., на семантическом уровне, однако, классы были бы совсем иными. Соответственно обстоит дело и в отношении других словосочетаний, например *Baumwolle*. Для того чтобы перейти от синтаксического уровня к семантическому, следует применять совсем иной вид анализа, подобно тому как необходимо изменить и правила описания, релевантные соответственно на уровне фонологии и морфологии. Кодирование значения в языке — это, как нам представляется, третье преобразование, необходимое для построения языка.

Однако как ответить на возражения против концепции понимания языка как ряда тех или иных уровней? Имеем ли мы, собственно, право говорить о фонологическом, морфологическом, семантическом и, возможно, других уровнях? Ответ на этот вопрос, видимо, можно дать при сравнении языка с другой знаковой системой, применяемой людьми, а именно с системой чисел. Последняя состоит из десяти единиц, от нуля до девяти. Значение этих единиц изменяется в зависимости от их распределения: 1 имеет иное значение в 19 по сравнению с 91, совсем иное значение в 283,1 и т. д. Однако в принципе единица всюду имеет одно и то же употребление и значение — половина 2. Выше мы отмечали, что основной языковой материал в действительности не однозначен: *s* в английском языке имеет определенное значение на фонологическом уровне и употребляется с целью различения таких слов, как *sip* — *ship*, *tip* — *zip*; однако на морфологическом уровне *s* сливается с *z* и может иметь другую значимость. В языке мы, видимо, используем подобным образом элементы самых различных уровней (например, элементы низших уровней на высших уровнях), но в не совсем идентичном соотношении друг с другом. Неудивительно, что языковед, которому приходится заниматься сотнями языков, не может достичь какого-то общего, применимого ко всем языкам понимания. Полезно в связи с этим вспомнить, что даже математики сталкиваются все с новыми проблемами в понимании свойств чисел. Лингвисты начинают использовать методику математики и символической логики для более абстрактного изучения языка в надежде найти ответ на свои собственные проблемы без помех со стороны языка, во власти которого мы все находимся.

Но можно ли доказать, что человек использует язык в том виде, в каком он представляется при лингвистическом анализе, а именно в виде структуры, которая состоит из многих подструктур? Правомерно ли вообще утверждать, что языковед занимается именно подобным вопросом? Если да, то следует признать, что мы продолжаем линию исследования наших предшественников в XIX в. Основной целью последних было по-

нимание языка и других социальных институтов, достигаемое не путем анализа, а посредством реконструкции более ранних периодов развития, путем изучения более простых структур. Подобный (сам по себе заслуживающий самой высокой похвалы) метод не давал желаемых результатов хотя бы потому, что языки более ранних эпох не были простыми. До сих пор не обнаружен ни один примитивный язык ни в джунглях Южной Америки, ни в наиболее раннюю эпоху существования индоевропейской или какой-либо другой семьи языков. Так как историческому языкознанию не удалось решить проблему языка путем исследования более ранних этапов его развития, в наше время лингвисты склоняются скорее к изучению функционирования языка и достижению его полного описания.

Как, однако, можно описать язык, как можно понять сложные факты, характерные для языка? Можно ответить, что с этой целью мы составляем грамматику, но что такое грамматика? По современной терминологии, грамматика — это модель, формальная теория языка. Когда мы хотим осознать факты языка, мы пользуемся примерно такими же средствами, как географ, изучающий окружающий мир. Он может представить модель, изображающую его понимание мира, в виде шара или на листе бумаги или папье-маше, где различная густота красок служит обозначением различной высоты земной поверхности, а различные краски — для обозначения различных географических элементов рельефа (синяя краска обозначает реки, зеленая — плодородную землю и т. д.). Некоторые географы могут предпочесть какую-либо одну модель из всех остальных; обычно, однако, каждая модель используется для определенной цели. Несмотря на определенное искажение мира на географических картах, их часто намного удобнее использовать, чем изображение в виде шара. Удобство рассмотрения материала может сгладить неточности его изображения. В языкознании мы также используем множество моделей, теорий, грамматик. (Различие в использовании моделей между лингвистом и географом состоит в том, что лингвист относительно не связан принятием той или иной модели. Разработка моделей — дело сравнительно недавнее и многие лингвисты считают выработанную ими модель единственно правильной. Один весьма компетентный исследователь предложил даже различать лингвистов по тем моделям языка, которые они разрабатывают.)

В последнее время большое внимание уделяется принципам лингвистического моделирования. Одной из важных причин этого является растущий контакт языкознания и символической логики. Вплоть до последнего столетия большинство лингвистов использовало в качестве модели латынь. Систему времен в большинстве немецких грамматик до сих пор еще моделируют по образцу латинской. Таким образом, оказывается, что в немецком языке имеется как будущее время (*Futurum*), так и настоящее (*Präsens*), хотя говорящий на немецком языке часто говорит: *Ich reise morgen* вместо *Ich werde morgen reisen*. Так же обстоит дело и с английским языком. Однако ориентировка на немецкий язык искажает строй некоторых языков; для некоторых языков она неприменима, в связи с чем была разработана более подходящая модель языка, в которой выделялись определенные единицы и исследовалась их иерархия. Подробности соотношений между различными единицами и их аранжировкой не были, однако, строго сформулированы. В наше время многие лингвисты занимаются моделями, которые должны прояснить эти соотношения. Использование этих моделей ведет к большому усложнению при рассмотрении аранжировки и к огромным неудобствам при оперировании лингвистическими единицами. Модель «аранжировки лингвистических элементов» особенно использовалась Блумфилдом и его последователями. Его методику часто называют «структуральной лингвистикой», но это неправомерно, ибо

структурализм появился намного раньше и является прямым наследием лингвистики XIX в. Понятно, что со структурализмом указанную модель связывать не следует. Другая модель, разработанная для более наглядного представления соотношений, — трансформационная грамматика — также ставит особые проблемы, ибо «трансформации» различных лингвистов, — неодинаковы, подобно тому, как это имеет место и у математиков. Были разработаны еще и другие модели, однако когда речь идет о лингвистике, особенно об американской, обычно имеют в виду «модель аранжировки лингвистических единиц», а также «трансформационную» модель.

Лингвисты в других странах также используют эти или другие модели. В Германии опубликованы значительные работы Бирвиша и его коллег в Берлине, посвященные трансформационной грамматике. Вероятно, однако, что большинство индоевропейцев Германии все еще используют латынь в качестве модели. Вейсгербер и Петер Хартман много работали для создания собственных моделей: Вейсгербер создал модели для более высоких языковых уровней, а Хартман, если я его правильно понимаю, для языковых классов, а не их иерархических связей. Если же я не совсем ясно понимаю эти работы, то причина этого, в частности, в том, что теоретические работы по языкознанию отличаются большим разнообразием. В наше время, как и в 1870 г., повсюду ведется интенсивная работа по изучению языка. В то время также лингвисты разрабатывали одну модель за другой: теория родословного древа Шлейхера едва пришла на смену модели языковых семей, как Шмидт опубликовал свою теорию воли, а диалектографы начали разрабатывать свою собственную концепцию языка. При создании тех или иных моделей последние всегда очень нуждаются в строгой критике, особенно с точки зрения ученых, придерживающихся иных взглядов, чем те, которые характерны для авторов соответствующих моделей (ср. рецензию Шлахтера на работу Харриса).

Шлахтер рассматривает языкознание как продукт романтики; в соответствии с общими целями этого движения язык считается «продуктом индивидуума, автономным проявлением человеческого духа» (стр. 69). С другой стороны, по мнению Шлахтера, структурализм «исключает значительную часть самого языка, его способность соединять в единую систему множество духовных отношений. По структурализму, язык — это просто грамматика, рассматриваемая как система формальных отношений» (стр. 71).

Хотя заслуги романтики перед лингвистикой очень значительны, нельзя забывать, что языкознание как развивающаяся наука имела определенных предшественников. Романтику можно, правда, признать своеобразным психологическим фоном лингвистики, но вряд ли можно отрицать что лингвистика в основном — исторична. Историческая лингвистика основывается на дескриптивной. До возникновения романтики, до появления работы Гримма, существовала хорошо развитая дескриптивная грамматика, строявшаяся главным образом на классической грамматике.

Новая грамматика начала XIX в. была также под сильным влиянием индийской грамматики Панини. Индийская грамматика Панини анализирует язык как продукт человека, как систему коммуникации. При таком подходе к языку возникает интерес к социальному, а также индивидуальному использованию языка. Эти аспекты языка не оставляются без внимания. Языковеды все более и более обращаются к индивидуальным различиям в языке, стилистике, которая имеет особую важность для литературы. Можно составить грамматику отдельного индивидуума, небольшой группы людей или, наоборот, большого языкового коллектива. Но ни одна такая грамматика не может заменить сам язык: грамматика — это нечто значительно меньшее языка, на основе которого она составлена, она — только теория языка. С помощью теории обычно объясняют тот

или иной материал, устанавливая определенные аксиомы и границы. Мы уже отмечали, что и Grimm анализировал язык, исходя из его структуры; эпохальный закон, сформулированный Гриммом, исключал значительную часть языкового материала. Последующие поколения, сохраняя формулировку Гримма, занимались объяснением материала, исключенного законом Гримма. По моему мнению, они достигли своих целей. Этот успех ознаменовал также значительный дальнейший прогресс в понимании языка вообще. В начале XIX в. новый импульс развития языкознания возник в связи со стремлением собирать материал по многим языкам, как это, например, представлено в «Митридаге» Аделунга. К концу века опять сильно обострился интерес к экзотическим языкам. Для анализа этих последних были разработаны новые методы, в частности было выдвинуто положение о том, что основные единицы языка суть не физические явления, а определенные языковые классы (например, фонемы). Говорящий определяет эти классы главным образом по их распределению (дистрибуции). Таким образом, новые устремления человеческой мысли имели большое положительное значение для развития описательной (дескриптивной) лингвистики. Подобно тому, как в XIX в. историческая лингвистика (наряду с описательной) по мере прогресса языкознания становилась все более точной наукой, в настоящее время можно ожидать усовершенствования исторической лингвистики, основанной на более точном описательном языкознании последних лет. Известно, однако, что современная историческая лингвистика, как и дескриптивная, еще не развита настолько, чтобы быть в состоянии объяснить все языковые факты. Потребуются новые усилия по исследованию языка, разработка новых усовершенствованных грамматик.

Но как определить, какие грамматики, какие теории, какие модели наиболее правомерны? Ранее это проверялось просто в зависимости от эффективности той или иной грамматики или теории в практике школьного преподавания. Другим пробным камнем правомерности той или иной теории или грамматики может явиться ее соответствие или несоответствие каким-либо общим лингвистическим принципам, определенным общим методам, с которыми мы в достаточной мере согласны. Однако какой-либо объективный пробный критерий (подобный тому аппарату, которым располагает естествознание) в лингвистике до сих пор практически отсутствует. Можно полагать, что этот недостаток будет устранен с развитием электронно-счетной машины (computer). Эта машина представляет собой систему переработки информации. Язык состоит из информации, удивительно оформленной людьми в различных вариантах коммуникации. Если люди могут объяснить языковые единицы, их аранжировку, их конструкции, если они могут создавать достаточно правомерные грамматики, то они смогут с помощью счетной машины имитировать и лингвистический процесс. Таким образом, мы располагаем, наконец, объективным критерием для проверки правомерности грамматик, критерием, позволяющим определить, какая грамматика наиболее релевантна — структура конститuentов, трансформационная, тагменная, глоссематическая, категориальная, соотношенная с содержанием высказывания или какая-либо другая грамматика. Возможно, что каждый вид грамматики окажется по-своему полезным и грамматики будущего будут значительно отличаться от тех, которые используются в наши дни. Защитники современных грамматик, несомненно, вполне отдадут себе отчет в недостатках своей работы, однако подробные рецензии (типа той, которую дал Шлахтер) весьма полезны, ибо они дают возможность вскрыть преимущества различных концепций, особенно концепций рецензента и критикуемого им автора. Подобные рецензии указывают на необходимость дальнейших исследований.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

И. П. МУЧНИК

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ДВУВИДОВЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Вызванные действием социальных факторов в советский период изменения в составе глагольной лексики стимулировали определенные сдвиги в системе видовых форм глагола. В силу ряда причин, обусловленных общим воздействием внутренних и внешних факторов, значительно усилился удельный вес средств выражения категории вида, характерных для так называемых двувидовых глаголов, т. е. глаголов типа *механизировать*, *оборудовать*, *реконструировать*.

Своеобразие рассматриваемых глаголов в выражении видовых различий процессов, обозначаемых глаголами, заключается в значительном сокращении аффиксальных средств. В отличие от основной массы русских глаголов, обладающих для выражения видовых противопоставлений морфологически различающимися соотносительными формами инфинитива, прошедшего и будущего времени, повелительного и сослагательного наклонения, а также причастия прошедшего времени действительного залога (таковы: *дать* — *давать*, *дал* — *давал*, *дам* — *буду давать*, *дал бы* — *давал бы*, *дай* — *давай*, *давший* — *дававший*), у двувидовых глаголов все эти формы, кроме формы будущего времени, омонимичны, т. е. они могут, не меняя своего внешнего облика, выражать значения как совершенного, так и несовершенного вида. Ср. *Мы в течение ряда лет механизировали наши предприятия* (несов. вид.) и *Мы уже полностью механизировали наши предприятия* (сов. вид.). А форма так называемого настоящего-будущего омонимична не только в отношении видовых, но и временных значений: *Мы уже ряд месяцев реконструируем наш завод* (наст. время несов. вида) — *К концу года мы окончательно реконструируем наш завод* (буд. время сов. вида).

Видо-временное своеобразие двувидовых глаголов наглядно выступает при сопоставлении обладающего всеми морфологически различающимися соотносительными формами глагола *восстановить* — *восстанавливать* с двувидовым глаголом *реставрировать*.

Из таблицы видно, что у двувидового глагола морфологически выраженным является минимальное число видовых форм. Сюда относятся соотносительные формы будущего времени — *реставрирую* — *буду реставрировать* и несоотносительные формы: причастие настоящего времени действительного и страдательного залога, деепричастие настоящего времени и деепричастие прошедшего времени. Что касается всех морфологически омонимичных форм, то в качестве средств выражения их видовых значений выступают окружение каждой отдельной формы, т. е. ее контекст, в котором наибольшую роль играют поясняющие ее обстоятельства, временное значение формы, а также субститулируемые аффиксы. Как это символически обозначено в таблице стрелками, каждая омонимическая форма

Формы	Соверш. вид	Соверш. вид	Несоверш. вид	Несоверш. вид
Инфинитив	<i>восстановить</i>	←— <i>реставрировать</i> —→		<i>восстанавливать</i>
Прош. время	<i>восстановил</i>	←— <i>реставрировал</i> —→		<i>восстанавливал</i>
Сослагат. наклонение	<i>восстановил бы</i>	←— <i>реставрировал бы</i> —→		<i>восстанавливал бы</i>
Повелит. наклонение	<i>восстанови</i>	←— <i>реставрируй</i> —→		<i>восстанавливай</i>
Причастие прош. вр. действ. залога	<i>восстановивший</i>	←— <i>реставрировавший</i> —→		<i>восстанавливавший</i>
Будущ. время	<i>восстановлю</i>	<i>реставрирую</i>	<i>буду реставрировать</i>	<i>буду восстанавливать</i>
Настоящ. вр.	—	—	<i>реставрирую</i>	<i>восстанавливаю</i>
Причастие наст. вр. действ. залога	—	—	<i>реставрирующий</i>	<i>восстанавливающий</i>
Причастие прош. вр. страд. залога	<i>восстановленный</i>	<i>реставрированный</i>	—	—
Деепричастие настоящ. вр.	—	—	<i>реставрируя</i>	<i>восстанавливая</i>
Деепричастие прошедш. вр.	<i>восстановив</i>	<i>реставрировав</i>	—	—

двувидового глагола в системе видов стоит в одном ряду с соответственными двумя морфологически обозначенными формами и в той или иной степени, следовательно, этими аффиксальными формами субституируется. Так, например, форма прошедшего времени *реставрировал* в функции несовершенного вида субституируется аффиксальной формой *восстанавливал*, а в функции совершенного вида — формой *восстановил* (содержащей нулевой видовой аффикс).

Характер выражения видовых значений у двувидовых глаголов складывался как результат сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов. Для обстоятельного выяснения современного состояния и тенденций развития двувидовых глаголов они рассматриваются с учетом основных вех их исторической эволюции и в сопоставлении с параллельными явлениями в других славянских языках.

В составе двувидовых глаголов в современном русском языке — как и в других славянских языках — существенно различаются две группы. В первую, чрезвычайно малочисленную, группу входят разнородные по своему морфологическому оформлению глаголы русского и старославянского происхождения, такие, как *венчать*, *велеть*, *казнить*, *наследовать*. Вторая группа, несравненно более многочисленная, состоит в своем подавляющем большинстве из глаголов, заимствованных из западноевропейских языков. Сюда относятся такие глаголы, как *импортировать*, *схематизировать*, *военизировать*.

Первая группа искони существует в русском языке. Некоторые из относящихся сюда глаголов являются устаревшими и редко употребительными. Глаголы этой группы, насчитывающей согласно материалам современных словарей всего около 50 слов¹, сохраняя свою способность функционировать в качестве двувидовых, в некоторых случаях образуют при помощи параллельных приставочных или суффиксальных образований видовые корреляции, например *женить* — *поженить*, *обещать* — *пообещать*, *образовать* — *образовывать*. Эта группа двувидовых глаголов,

¹ Если выделить из этого общего количества глаголы с суффиксом *-ова-*, который структурно объединяет их с глаголами второй группы (ср. *наследовать* и *стартовать*), то число глаголов первой группы не превысит 24.

являющаяся в целом непродуктивной, мало показательна с точки зрения перспектив развития двувидовости в системе современного русского глагола².

Вторая группа двувидовых глаголов, претерпевшая в советскую эпоху значительные сдвиги в своем развитии, во много раз превышает первую группу по количеству входящих в ее состав глагольных слов. В современных словарях зафиксировано свыше 600 глаголов этой группы; в картотеке Института русского языка отмечен ряд новообразований этого типа, не вошедших ни в один из современных словарей.

В отличие от двувидовых глаголов первой группы, характеризующихся чрезвычайной пестротой своего морфологического оформления, все глаголы рассматриваемой группы объединены наличием у них всех суффиксального элемента *-ова-*. Однако только у незначительного числа глаголов суффикс *-ова-* выступает в неосложненном виде, например: *атаковать*, *стартовать*, у подавляющего же большинства глаголов данной группы суффикс, кроме элемента *-ова-*, содержит еще другие морфемные элементы — интерфиксы, своеобразные прокладки между основным ядром суффикса *-ова-* и корнем слова: *-из-*, *-ир-*, *-изир-*, *-фицир-*. Будучи осложненным этими интерфиксами, суффикс *-ова-* выступает, таким образом, в следующих своих разновидностях: *-изова-* (*авторизовать*, *моторизовать*), *-ирова-* (*аннексировать*, *ампутировать*), *-изирова-* (*автоматизировать*, *активизироваться*), *-фицирова-* (*классифицировать*, *модифицировать*). Конкретная форма проявления двувидовости рассматриваемых глаголов в значительной мере зависит от того, осложнен ли элемент *-ова-*, являющийся ядром суффикса, интерфиксом и каким именно. Дело в том, что из пяти разновидностей *-ова-*, *-изова-*, *-ирова-*, *-изирова-*, *-фицирова-* первые две отличаются тем, что в них, как правило, ударение падает на последний гласный *-а-*, между тем как в суффиксах *-изирова-*, *-фицирова-* этот гласный не является ударенным вовсе, а в суффиксе *-ирова-* это наблюдается только в отдельных случаях. Влияние этих обусловленных наличием (или отсутствием) того или иного интерфикса³ акцентных различий суффиксов заключается в том, что при конечном ударенном *-а-* двувидовой глагол способен образовывать видовые корреляции с помощью суффиксов и приставок, ср. *организовать* — *организовывать* — *сорганизовать*, при безударном же гласном *-а-* эти корреляции могут образовываться только при помощи приставок, ср. *концентрировать* — *сконцентрировать*, *классифицировать* — *расклассифицировать*.

Соответственно своему суффиксальному и акцентному облику двувидовые глаголы данной группы подразделяются, следовательно, на пять подгрупп, из которых две — с суффиксами *-ова-*, *-изова-* противопоставляются остальным в отношении своих возможностей образовывать видовые корреляции. По числу охватываемых глаголов подгруппы отнюдь не одинаковы. По проведенным подсчетам соответственные цифровые данные ориентировочно выступают в следующем виде: в подгруппе с суффиксом *-ова-* — 40 глаголов, с суффиксом *-изова-* — 35, с суффиксом *-изирова-* — 120, с суффиксом *-ирова-* — 370, с суффиксом *-фицирова-* — 35 (из возвратных образований учитывались только самостоятельные глаголы, формы же

² См. подробнее о составе этой группы и процессах развития отдельных ее частей в статье: И. П. М у ч н и к, Двувидовые глаголы в русском языке, сб. «Вопросы культуры речи», 3, М., 1961, стр. 97—102.

³ Эти факты показывают, что интерфиксы, сфера действия которых ограничена вообще морфонологическими особенностями слова, как это обстоятельно показано в статье Е. А. З е м с к о й «Интерфиксация в современном русском словообразовании» (сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964), могут оказывать определенное влияние на важные грамматические свойства глаголов.

страдательного залога, например *редактироваться*, в расчет не принимались).

Принято считать, что большинство этих глаголов принадлежит к специальной лексике, главным образом научно-технической и профессиональной терминологии. Проведенный анализ показал, однако, что специальная лексика составляет только 35% глаголов этой группы. Около 50% общего числа составляют глаголы общелитературного языка, около 15% составляют глаголы, стоящие на грани между общелитературной и специальной лексикой.

Ниже приводятся классифицированные по отдельным акцентно-суффиксальным подгруппам двудовые глаголы; подгруппы с суффиксами *-ова-*, *-изова-*, *-фицирова-* приводятся полностью, а из более многочисленных подгрупп с суффиксами *-ирова-* и *-изирова-* приводятся только глаголы общелитературной лексики как представляющие наибольший интерес.

1. К глаголам с неосложненным суффиксом *-ова-* относятся: а)⁴ *адресовать(ся)*, *арендовать*, *арестовать*, *ассигновать*, *атаковать*, *аттестовать(ся)*, *конфисковать*, *короновать(ся)*, *рапортовать*, *ревизовать*, *рекомендовать(ся)*, *салютовать*, *силосовать*, *стартовать*; б) *аллюминировать*, *кредитовать(ся)*, *оркестровать*, *патентовать*, *презентовать*, *ретироваться*, *титуловать(ся)*, *шлюзовать*; в) *аккредитовать*, *акцентовать*, *бункеровать*, *конфирмовать(ся)*, *пудлинговать*, *репетовать*, *селитровать*, *фрезеровать*, *шредеровать*.

2. К глаголам с суффиксом *-изова-* относятся: а) *демобилизовать(ся)*, *деморализовать*, *мобилизовать(ся)*, *моторизовать*, *организовать(ся)*, *парализовать*, *паспортизовать*, *реализовать(ся)*, *реорганизовать(ся)*, *стерилизовать*, *характеризовать*, *электризовать(ся)*; б) *авторизовать*, *децентрализовать*, *материализовать(ся)*, *натурализовать(ся)*, *стилизовать*, *централизовать*, *цивилизовать(ся)*; в) *бактериозовать*, *денатурализовать(ся)*, *пастеризовать*, *поляризовать(ся)*, *рентуризовать(ся)*.

3. К глаголам с суффиксом *-фицирова-* относятся: а) *газифицировать(ся)*, *дисквалифицировать(ся)*, *звукофицировать*, *квалифицировать(ся)*, *кинофицировать*, *классифицировать(ся)*, *переквалифицировать(ся)*, *радиофицировать(ся)*, *русофицировать(ся)*, *тарифицировать*, *теплофицировать*, *фальсифицировать*, *электрифицировать(ся)*; б) *идентифицировать(ся)*, *мистифицировать*, *модифицировать(ся)*, *персонифицировать*, *унифицировать(ся)*; в) *кодифицировать*, *музифицировать(ся)*, *нотифицировать*, *нуллифицировать*, *ректифицировать*.

К группе глаголов с суффиксом *-ирова-* относятся следующие глаголы общелитературного языка: *абонировать(ся)*, *абстрагировать(ся)*, *авансировать*, *акцентировать*, *амнистировать*, *аккумулировать*, *ампутировать*, *анализировать*, *аннулировать(ся)*, *апеллировать*, *апробировать*, *аргументировать*, *ассимилировать(ся)*, *ассоциировать(ся)*, *асфальтировать*, *атрофироваться*, *блокировать(ся)*, *бойкотировать*, *гарантировать*, *датиловать*, *деградировать*, *дезертировать*, *дезинфицировать*, *дезорентировать*, *деклассироваться*, *декларировать*, *декорировать*, *декретировать*, *делегировать*, *демашинировать(ся)*, *демонтировать*, *декламировать*, *дискредитировать*, *дисциплинировать(ся)*, *изолировать(ся)*, *иллюстрировать(ся)*, *иммигрировать*, *импортировать(ся)*, *инструктировать*, *инсценировать*, *интервьюировать*, *информировать(ся)*, *капитулировать*, *кастрировать*, *компенсировать(ся)*, *лидировать*, *ликвидировать*, *манкировать*, *меблировать*, *мотивировать*, *оккупировать*, *оперировать(ся)*, *парировать*, *перифразировать*, *плиссировать*, *премировать*, *протезировать*, *радиловать*, *районировать*, *реабилитировать(ся)*, *реванишировать*, *резервировать*, *резюмировать*, *реквизировать*, *реконструировать(ся)*, *репатриировать(ся)*, *репрессировать*, *реставрировать(ся)*, *реформировать(ся)*, *резвакуировать(ся)*, *резмигировать*, *санкционировать*, *синтезировать(ся)*, *стимулировать*, *суммировать*, *телеграфировать*, *телефонировать*, *торпедировать*, *транслировать*, *узурпировать*, *финишировать*, *форсировать*, *вакуировать(ся)*, *экипировать(ся)*, *экспедировать*, *экспорттировать(ся)*, *экспроприировать(ся)*, *эмигрировать*.

К группе глаголов с суффиксом *-изирова-* относятся следующие глаголы общелитературного языка: *автоматизировать(ся)*, *акклиматизировать(ся)*, *активизировать(ся)*, *американизировать(ся)*, *большевизировать(ся)*, *бюрократизировать(ся)*, *витаминизировать(ся)*, *вульгаризировать(ся)*, *госпитализировать(ся)*, *демилитаризировать(ся)*, *денационализировать(ся)*, *детализировать*, *драматизировать*, *европеизировать(ся)*, *инвентаризировать(ся)*, *индивидуализировать(ся)*, *интернационализировать(ся)*, *капитализировать(ся)*, *коллективизировать(ся)*, *колонизировать*, *конкретизировать(ся)*, *машинизировать(ся)*, *механизировать(ся)*, *модернизировать(ся)*, *мили-*

⁴ В рубрику а) входят глаголы общелитературной лексики, б) — глаголы, стоящие на грани общелитературной и специальной лексики, в) — глаголы специальной лексики. Рубрикация сделана на основе данных опроса группы носителей литературного языка.

таризировать(ся), монополизовать(ся), национализировать(ся), политехнизировать(ся), популяризовать(ся), пролетаризировать(ся), революционизировать(ся), рационализировать(ся), систематизировать(ся), специализировать(ся), советизировать(ся), социализировать(ся), стабилизировать(ся), стандартизировать(ся), схематизировать, телефонизировать(ся), терроризировать, украинизировать(ся), утилизировать(ся), фашизировать(ся), химизировать, яровизировать.

Наличие 600 двувидовых глаголов, из которых половина является словами общелитературного языка, свидетельствует о том, что двувидовость составляет весомый компонент видовой системы современного русского глагола. На значение двувидовости как важного средства выражения видовых значений у глаголов рассматриваемой словообразовательной модели указывает и то, что только около 150 глаголов данной модели образуют аффиксальные видовые корреляции, в подавляющем большинстве случаев префиксальные.

В пределах синхронного анализа подобный вывод вытекает и из сопоставления фактов русского языка с фактами других славянских языков, прежде всего польского. Большое число параллельных глаголов русского и польского языка в русском языке выступает в качестве двувидовых, а в польском образуют префиксальные пары. Вот ряд таких глаголов, который легко может быть значительно расширен: *адресовать* — *za-adresować*, *акклиматизировать(ся)* — *za-aklimatyzować(się)*, *апеллировать* — *za-apelować*, *автоматизировать* — *z-automatyzować*, *авансировать* — *za-awansować*, *демаскировать* — *z-demaszkować*, *демократизировать* — *z-demokratyzować*, *деморализовать* — *z-demoralizować*, *дискредитировать* — *z-dyskredytować* и много других подобных.

Для уяснения внутреннего механизма современного функционирования этих глаголов, сдвигов, которые они претерпели в советскую эпоху, тенденций их дальнейшего развития необходимо охарактеризовать основные этапы эволюции этой новой формы выражения категории вида с момента ее возникновения до наших дней.

Развитие двувидовых глаголов в XVIII и XIX вв. Проникновение иноязычных глаголов из западноевропейских языков в русский литературный язык стало ощутимым процессом на рубеже XVII и XVIII вв., когда система видовых форм уже сложилась в основных своих чертах. Поэтому вполне естественно, что освоение грамматическим строем этих глаголов заключалось в попытках подчинения их основным нормам этой системы, т. е. для выражения значения совершенного вида к ним присоединялись приставки, несовершенного вида — суффиксы. Характерно, что действию этого процесса подвергся в XVIII, а также в XIX в. ряд глаголов, ныне являющихся двувидовыми. Так, в сочинениях того времени встречаются многочисленные, ныне не присущие литературному языку приставочные и суффиксальные образования: *заарестовать, заарендовать, заатаковать, ометаллизировать, окритиковать, отретирироваться, проманкировать, сконкретовывать, отпрепаровать, отгарировывать, зарекомендовывать, отпрепаровывать* и т. п.⁵ Однако эволюция этих глаголов уже с середины XVIII в. отчетливо обнаруживает сложные процессы борьбы и взаимодействия аффиксальных и безаффиксных способов введения заимствованных глаголов в систему видовых форм. Закреплению за этими глаголами специфических, безаффиксных, способов вхождения в видовую систему способствовали следующие факты.

⁵ Много образований этого типа с соответственными иллюстрациями в контекстах приводятся в работе Н. С. А в и л о в о й «Изменения в системе глагола», «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века», М., 1964, стр. 39—44.

1. Их специфическая словообразовательная структура, наличие в них явно выделявшихся своей иноязычностью суффиксов *-изова-*, *-ирова-*, *-изирова-*. Да и суффикс *-ова-*, искони свойственный русскому языку, в этом лексическом слое выступал как «полузаимствованный». По справедливому указанию В. В. Виноградова, «...суффикс *-овать*, *-овать*, *-евать* расширил (в конце XVII — в начале XVIII в.) свои функции под влиянием польского языка, где был широко распространен глагольный суффикс *owac*. В результате этого толчка, произведенного воздействием польского языка, суффикс *-овать*, *-овать*, *-евать* (*-ую*, *-ую*; *-уют*, *-уют*) сделался активным средством приспособления к русской глагольной системе именных и глагольных основ, заимствованных из других языков...»⁶.

2. Определенную роль в этом процессе сыграла длина суффиксов, осложненных интерфиксами. Трех- и даже четырехсложные суффиксы представляли определенные препятствия для дальнейшего увеличения состава слова, необходимого для придания ему той или иной видовой формы (прибавление приставки для перфективации и суффикса для имперфективации).

В такой чрезвычайно сложной форме выступают в данном случае связи словообразовательной и грамматической линий развития заимствованных глаголов. Есть основания полагать, что если бы данные глаголы оформлялись суффиксом *-ова-*, не осложненным интерфиксами, то это значительно облегчило бы процесс введения их с помощью обычных аффиксальных средств в систему видов. Но в длительной борьбе различных способов суффиксального оформления заимствуемых глаголов — с помощью интерфиксов или без них — верх взяли осложненные суффиксы.

В разные периоды эта напряженная борьба получала свое отражение в лингвистической литературе. Так, в семидесятых годах XIX в. Я. К. Грот, отметив, что «в старину» иноязычные глаголы оформлялись с помощью суффикса *-ова-*, указывал: «Но при позднейших заимствованиях слог *-ир-* сделался обычным, если не всегдашним спутником русского суффикса: *абонировать*, *гравировать* ... Впрочем и в новейшее время некоторые иностранные глаголы переходят к нам без помощи слога *-ир-*, по крайней мере многие стараются их вводить в этой простейшей форме, напр., *формуловать* вм. *формулировать*, *цитовать*, вм. *цитировать*. Такие попытки, конечно, заслуживают одобрения, но не всегда бывают удачны»⁷. Настойчивые призывы отказаться от осложненных суффиксов раздавались и в XX в.⁸

Выбор определенного пути словообразовательного оформления заимствованных глаголов и связанного с ним способа введения их в видовую систему определялся многими факторами, внутренними и внешними. Конечно, здесь, как и в процессе освоения неизменяемых существительных, немаловажную роль сыграло то, что основные слои носителей русского литературного языка того времени, владевшие западноевропейскими языками, максимально старались сохранять внешний облик заимствуемых глаголов. Вместе с тем принятый способ словообразовательного оформления глаголов и возникшие в результате новые формы введения их в систему видов — с минимальным использованием аффиксальных средств — тесно связаны с наличием общих тенденций в грамматическом строе к аналитизму, к использованию наряду с аффиксами и других, аналитических, средств выражения видовых значений. Совокупность этих факторов при-

⁶ См.: В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 435.

⁷ Я. Грот, Филологические разыскания, II, СПб., 1876, стр. 354.

⁸ См.: Л. С. Берг, О необходимости бережного отношения к русскому научному языку, «Вестник ЛГУ», 1947, 3, стр. 107—108.

вела к тому, что уже к началу XX в. отчетливо обозначились и упрочились, хотя и на лексически ограниченном материале, новые, более аналитические, элементы в плане выражения категории видов.

Развитие двувидовости в советский период. В советский период процесс развития двувидовости активизировался под воздействием социального фактора. Соответственные изменения социальной среды придали большую весомость многочисленным явлениям, обозначавшимся двувидовыми глаголами. В дореволюционную эпоху число более или менее широко распространенных, выходящих за пределы специальных сфер речи двувидовых глаголов было чрезвычайно незначительным (например: *телеграфировать, атаковать, арендовать, гарантировать* и некоторые подобные). В годы же революции и в послереволюционное время довольно большое число актуальных явлений обозначалось глаголами этой словообразовательной модели, ставшими вследствие этого частотными; вот некоторые глаголы этого типа: *национализировать, экспроприировать, конфисковать, реквизировать, индустриализировать, организовать, реорганизовать, реконструировать, революционизировать, демократизировать, советизировать, большевизировать, делегировать, рационализировать, коллективизировать, машинизировать, электрифицировать, радиофицировать*. Эти и другие подобные глаголы чрезвычайно часто встречались в газетах и журналах, их часто употребляли в различных устных выступлениях, а под влиянием последних и в обиходном разговоре. Как известно, в послереволюционное время влияние публицистического и газетного жанров литературного языка на разговорную литературную речь в целом чрезвычайно расширилось, что, конечно, также в большой мере способствовало увеличению сферы обращения перечисленных выше глаголов и именно в тех формах их видо-временного употребления, которые уже закрепились за ними раньше в литературном языке (т. е. с сокращенным применением аффиксальных средств).

Вот некоторые иллюстрации употребления двувидовых глаголов в контексте различных жанров, более или менее близких к разговорно-литературному стилю: «... казалось, что кто-то явственно шепчет: „растем“, „индустриализуемся!“» («Смехач» 1928, 9); «Мы прекрасно понимаем, что никто из спекулянтов по твердой цене продавать не станет. Попрядут. Тогда мы произведем обыски и реквизируем у шкуродеров все товары» (Н. Островский, Как закалялась сталь); «Так кого же мы делегируем на билейное торжество минеральных вод?» («Смехач», 1928); «А свиной реквизируем за столовую шпатель, какую ты повинна кушать сама...» (Гладков, Цемент); «На юге банки национализированы: сведены воедино, без всякого замешательства» (Сергеевич, Юг и Север); «... И ни малейшей попытки коллективизировать быт» (Шагинян, Дневники 1917—1931, стр. 120); «(Победоносиков:) Я говорю, канцелярию он рационализировал? Нет!» (Маяковский, Баян); «Крестьянство стало гораздо более средним, чем прежде, ... кулак подрезан и в значительной части экспроприирован, — в России больше, чем на Украине, в Сибири меньше» (В. И. Ленин, Соч., 32, стр. 193).

Характерно, что В. И. Ленин, намечая примерное содержание разговора с крестьянством, считал уместным употребление слова *реставрировать*: «Мы должны сказать крестьянам: „Хотите вы назад идти, хотите вы реставрировать частную собственность и свободную торговлю целиком, — тогда это значит скагиваться под власть помещиков и капиталистов неминуемо и неизбежно“» (В. И. Ленин, Соч., 32, стр. 193).

Большая употребительность двувидовых глаголов привела к значительно возросшей продуктивности этой модели. Об этом убедительно свидетельствует большое число новообразований данного типа, возникших в послереволюционные годы. В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова зафиксированы в качестве неологизмов советской эпохи следующие двувидовые глаголы: *активизировать(ся), большевизировать(ся), военизировать(ся), дисквалифицировать(ся), квалифицировать(ся), звукофицировать, кинофицировать, коллективизировать(ся), коренизировать, машинизировать, молниировать, озимизировать, оптировать(ся), политехнизировать(ся), радиофицировать(ся), радировать, районировать, рационализировать(ся), репатриировать(ся), перекалфицировать(ся), саботировать* (в значении: *устроить — устраивать саботаж*), *складировать, советизировать(ся), теплофицировать, тракторизовать(ся), украинизировать(ся), фашизировать(ся), фордизировать(ся), химизировать(ся), экранизиро-*

вать(ся), ярговизировать(ся). Относительный вес перечисленных 50 новообразований очень значителен: они составляют около половины всех глагольных неологизмов, отмеченных в словаре по редакцией Д. Н. Ушакова. Не менее веским доказательством роста продуктивности рассматриваемой глагольной модели является то, что часть приведенных новообразований содержит не заимствованные, а исконно русские основы, ср. *большевизировать, военизировать, советизировать* и др. Особенно существенно возросла продуктивность образований с суффиксом *-фицирова-*: таковы *электрифицировать, газифицировать, кинофицировать* и др.

Продуктивность словообразовательной модели двувидовых глаголов сохраняет свою силу на протяжении всего советского периода, она отчетливо выступает и в наши дни. Ниже приводится ряд содержащихся в различных источниках новообразований, не зафиксированных ни в одном из современных словарей.

Комбайнировать: «[Комбайнер Жилин] прямо сказал: — Тут один выход — раздельная уборка. Если сразу комбайнировать, то с Кураем не справишься, забьет молотилку» (Изв., 9 VIII 1956);

портретирувать: «Если есть в портретируемом пусть самая малая интересинка...» («Юность», 1963, 4);

профессионализироваться: «...т. е. не спешат особенно профессионализироваться как литераторы» (Изв., 7 V 1963);

склерозировать: «Глаз очень склерозирован» («Новый мир», 1962, 11);

героизировать: «Он героизировал все подряд» (Л. Леонов, Скутаревский);

локировать: «Особенно интересно устроены у некоторых животных органы ориентации и локаций. Бурье дельфины могут „локировать“ сто рыб на расстоянии трех километров» (Изв., 2 II 1963);

катапультить(ся): «...или катапультруя подошитных животных из кабины на специальных тележках подобно тому, как катапультятся пилоты из самолетов» (сб. «Медицина», М., 1961);

атомизировать, коммунизировать: «...один английский лорд, как пишет в своей недавно вышедшей книге Джон Бернал, даже избрал специальную формулу на этот счет: „Лучше быть атомизированным, чем коммунизированным“» (Из речи А. А. Громыко на XXI съезде КПСС);

вьетнамизироваться: «Одна из французских газет писала на днях, что положение в Конго стало „вьетнамизироваться“» (Л. г., 18 VIII 1964);

глинизировать: «Глинистый раствор... прочно глинизирует стенки скважины и предотвращает обвал их» (из технической инструкции);

телевизирует: «Последних наставлений шум: Телевизируй о прилете!» («Крокодил», 1958, 12).

Другие зафиксированные аналогичные новообразования: *вакционировать, вакуумировать, кинематографировать, агрегатировать, пластифицировать, федерализировать, десантировать, таблетировать, пакетировать* и др.

В настоящее время подобных новообразований встречается значительное число в разного рода источниках, больше всего, конечно, научно-публицистического и газетного жанра. Многие из них относятся к специальной лексике, некоторые представляют собой только окказиональные слова, но все они свидетельствуют о продуктивности той словообразовательной модели, которая создает определенные предпосылки для двувидовости. Вместе с тем данные предпосылки отнюдь не определяют всего содержания и особенно исхода процесса грамматического развития этих новообразований, конкретной формы их вхождения в систему глагольных видов.

Конечно, наиболее естественным был бы обычный аффиксальный путь введения глагола в систему видов, и именно к этому сводится главным образом давление системы на каждое новообразование. Однако в различных группах этих новообразований, прежде всего в силу особенностей их реальной семантики, являющейся здесь фактором первостепенной важности, а также в силу упоминавшихся выше различий акцентно-морфологического облика процесс преодоления препятствий к образованию обычных аффиксальных корреляций складывается по-разному. В этом сложном и противоречивом процессе, развивающемся под перекрестным влиянием различных факторов, могут быть выделены два круга явлений: а) протекающие в первых двух группах глаголов, т. е. содержащих суффиксы *-ова-*, *-изова-*, б) протекающие в остальных трех группах глаголов, т. е. содержащих суффиксы *-изирова-*, *-ирова-*, *-фицирова-*.

1. Первые две группы обладают как суффиксальными, так и префиксальными средствами образования видовых корреляций. Поэтому здесь давление аффиксальной парадигмы видов могло бы проявляться особенно

сильно. Между тем присущая этим глаголам способность образовывать наиболее продуктивные в современном русском языке суффиксальные видовые корреляции реализуется только у некоторых из них. В словарях зафиксированы формы несовершенного вида с суффиксом *-ыва-* у следующих глаголов: *арестовать*, *ассигновать*, *атаковать*, *организовать(ся)*, *реорганизовать(ся)*. Однако эти формы встречаются и у глаголов *аттестовать*, *реализовать*. Ср.: «Там (в Ярославле) в день продают всего 10 тонн помидоров по цене 40 копеек, хотя город мог бы реализовывать гораздо больше» («Неделя», 16 VIII 1964).

Большинство же глаголов этих групп не образуют формы несовершенного вида с помощью суффикса *-ыва-(-ыва-)*. Это, вероятнее всего, объясняется тем, что лексическая семантика этих глаголов ближе к значению совершенного вида. Из двух элементов значения, которые конструируют семантику видов — длительность и результативность — в лексической семантике рассматриваемых глаголов преобладает результативность, а в тех немногих случаях, когда они должны выражать видовое значение длительности, они довольствуются теми возможностями, которые представляют для этой цели соответственные формы двувидовых глаголов.

Таким образом, в глаголах рассмотренных групп обнаруживается особый тип двувидовости. Формы прошедшего времени у них, как правило, только перфективны. Сложной формы будущего времени у большинства этих глаголов также не образуется. Не говорят: *буду конфисковать*, *буду арестовать*, *буду организовать* и т. д.

Нельзя считать отражением живых процессов современной русской речи следующее высказывание А. В. Исаченко: «Описательное будущее от большинства этих (двувидовых. — И. М.) глаголов теоретически вполне возможно (ср. *Он это будет организовать сам*). На деле же описательное будущее встречается далеко не у всех глаголов этого типа: вряд ли можно, например, сказать „его будут арестовать“ или „я буду авторизовать“»⁹. Во всех трех приведенных случаях форма описательного будущего одинаково невозможна.

Нетрудно заметить, что данные глаголы по характеру своего отношения к видам очень близки к глаголам только совершенного вида (*perfectiva tantum*), типа *возненавидеть*, *застрелить*, *воспрянуть* и т. д. Однако в отличие от последних они могут выступать в форме настоящего времени.

Данная особенность, характерная для большинства глаголов с суффиксами *-ова-*, *-изова-*, присуща и некоторому числу двувидовых глаголов с другими суффиксами. Сочетание значения перфективности в качестве доминирующего элемента семантики данного глагола со способностью выступать в форме настоящего времени составляет принципиально новую черту, расширяющую видовые возможности глагольной лексики.

В прошлом некоторые из глаголов рассматриваемых групп образовывали формы совершенного вида при помощи приставок. В словарях XIX в., частично и в современных словарях приводятся приставочные формы: *заадресовать*, *заарестовать*, *заарендовать*, *заатаковать*. Вполне естественно, что в силу названных особенностей лексической семантики этих глаголов в настоящее время приставочные образования для выражения значения совершенного вида не используются. В современном литературном языке подобные приставочные формы выполняют определенные стилистические функции: для стилизации под народно-разговорную речь, для характеристики персонажей. Ср. следующие тексты: «— Нету денег...

⁹ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, ч. 2, Братислава, 1960, стр. 144.

не торговал... — Мирон рот разинул: А мыши? — Полицейский заарестовал» (Серафимович, Мышиное царство); «— Я как выстрелю раз, другой. — Больше, говорю, не попадайся, прямо заарестую» (Караваева, Лесозавод); «— Ночью надо уезжать в Калинин, а то тут замобилизуют» (М. Шолохов, Рассказы).

В некоторых случаях подобные приставочные образования сочетают со стилистической функцией и некоторые оттенки значений, относящихся к сфере подвидовых значений (так называемых *Aktionsarten*): «Это уже результат головокружения от успехов. Пильник надеется заатаковать противника и создает в своей позиции новые слабости» («Физкультура и спорт», М., 1958).

В современном языке только приставочные образования *запатентовать*, *отрапортовать*, *отсалютовать*, *охарактеризовать*, *наэлектризовать*(ся) могут рассматриваться как подлинно соотносительные формы совершенного вида (видовые корреляты) к соответственным бесприставочным глаголам (*патентовать*, *рапортовать* и др.).

Надо, однако, иметь в виду, что у этих глаголов и бесприставочные формы могут выступать в качестве носителей значения совершенного вида. Ср.: «На другой день утром капитан Струков рапортовал Ковалевскому, что в его батальоне много больных» (Сергеев-Ценский, Лютая зима); «Медленно спустился до половины флагаштока кормовой флаг. Теплоход салютовал могиле маленького хлопчика» (К. Паустовский, Рождение моря).

Особое место в рассматриваемых группах занимают глаголы *организовать* и *организоваться*. Эти два глагола обладают всеми существующими в языке средствами образования видовых корреляций: суффиксальными, префиксальными и безаффиксными: а) *организовать* — *организовывать*, б) *организовать* — *сорганизовать*, в) *организу* в значении то совершенного, то несовершенного вида. Вот соответственные иллюстрации в источниках разных жанров:

организовать в значении несовершенного вида: «В разные эпохи литература выполняла разные функции, но всегда литература была организующим началом» (А. Н. Толстой, Больше творческого дерзания);

организовать в значении совершенного вида: «— Сама понимаешь, гость приехал. Ты уж организуй закуску» (Чаковский, У нас уже утро);

организовывать: «Союзы молодежи организовывали клубы, кружки текущей политики, посылали тысячи людей на ликвидацию неграмотности среди населения» (Безыменский, Встречи комсомольцев с В. И. Лениным);

сорганизовать: «Пусть рабочий класс организует производство, как организовал он Красную Армию» (В. И. Ленин, Соч., 30, стр. 488).

Аналогичным образом может быть иллюстрирована парадигматическая разветвленность вида, граничащая с избыточностью, глагола *организоваться* (в обоих видовых значениях) — *организовываться* — *сорганизовываться*. В сложном комплексе причин, обусловивших максимальные возможности образования видовых корреляций у глаголов *организовать* — *организоваться*, наибольшее значение, надо полагать, имеет выдающаяся актуальность обозначаемых этими глаголами явлений геср. понятий в общественной жизни революционной эпохи. Частое употребление этих слов с разными оттенками и в разных контекстах породило разнообразие их видовых форм.

Вся совокупность явлений, составляющих содержание процесса развития в современном языке двувидовых глаголов со словообразовательными суффиксами *-ова-*, *-изова-*, обнаруживая существенные сдвиги, вызванные давлением аффиксальной структуры видов на эти глаголы, отчетливо пока-

зывает вместе с тем, что у большинства глаголов этих групп двувидовость занимает важное место в системе средств, используемых для выражения видовых значений.

Глаголы с суффиксами *-изирова-*, *-ирова-*, *-фицирова-*, составляющие подавляющее большинство двувидовых глаголов (около 85% их общего числа), не обладают в силу рассматривавшихся выше причин способностью образовывать суффиксальные корреляции. Их развитие в направлении обычных аффиксальных корреляций осуществляется лишь путем префиксации. Конкретная реализация этого процесса сводится к следующему: непрямая (бесприставочная) форма первоначально двувидового глагола, утратив значение совершенного вида, выступает в качестве носителя одного только значения несовершенного вида, а в качестве соотносительной формы (коррелята) со значением совершенного вида выступает вновь возникшее образование с приставкой. Так, на базе первоначально двувидового глагола *стенографировать* возникла корреляция *стенографировать* — *застенографировать*¹⁰.

Путь развития, пройденный некоторыми двувидовыми глаголами, получил свое отражение в различных соответственных помет в словарях, вышедших в советский период: в толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, с одной стороны, и в академических четырех- и семнадцатитомном словарях, с другой стороны¹¹.

Так, глагол *конструировать* в СУ характеризуется как двувидовой с дополнительным указанием, что параллельной формой совершенного вида является также *сконструировать*, в СА17 при этом глаголе дана помета «несов. и (устар.) сов.», в СА4 — помета «несов.» Глагол *стенографировать* в СУ охарактеризован как двувидовой, в СА4 при нем дана помета «несов. и (устар.) сов.», а в СА17 он отнесен к глаголам несовершенного вида. Аналогичная эволюция двувидовых глаголов с теми или иными частными модификациями прослеживается и у глаголов *регулировать*, *регистрация* и некот. др. В качестве форм совершенного вида, параллельных или основных, выступают образования с приставками *у-*, *за-*. Показательны в этом отношении и следующие факты: глаголы *инструировать(ся)*, *информировать*, *иллюстрировать*, *дезертировать* как в СУ, так и в академических словарях охарактеризованы как двувидовые, однако в академических словарях содержатся еще дополнительно (в виде отдельных словарных статей) приставочные образования *проинструировать(ся)*, *проинформировать*, *проиллюстрировать*, *сдезертировать*¹², которые в СУ не зафиксированы вовсе. Хотя эти префиксальные образования в академических словарях не определяют, как корреляты совершенного вида к соответственным бесприставочным формам, сопоставление приводимых в словарях в качестве видовых корреляций *демонстрировать* — *продемонстрировать*, *брошюровать* — *сброшюровать* с приведенными выше *инструировать* — *проинструировать*, *дезертировать* — *сдезертировать* отчетливо выявляет идентичность соотношений членов тех и других пар. Дополнительное подтверждение этому дает сравнительный анализ всего объема семантики (лексической и грамматической) приставочных образований и бесприставочных форм в приводимых ниже контекстах.

«Лубенцов думал: надо еще поговорить с разведчиками, проинструировать Оганесяна насчет допроса местных жителей» (Казакевич, Весна на Одере); «— Я забежал позвать всем руку и проинформировать о тех делах, которые оставляю, так сказать, на ходу» (Караваева, Огни); «Необходимо было... подчеркнуть роль ученых в Советской стране и проиллюстрировать примерами, как всякий приходит к социализму через данные своей науки» (Леонов, Скутаревский); «— Соскучилась я по спокойной работе. — По спокойной работе? сощурила глаза Марья. — Сдезертировать, стало быть, надумала» (Медынский, Марья).

Конечно, префиксальные видовые корреляции не могут быть отождествлены с суффиксальными. Между ними имеется ряд существенных различий:

¹⁰ О процессе трансформации отдельных глагольных приставок в «чисто видовые» префиксы («les préverbes vides»), см.: В. В. В и н о г р а д о в, указ. соч., стр. 533—537.

¹¹ В дальнейшем словарь под ред. Д. Н. Ушакова будет условно обозначаться СУ, а академические словари соответственно — СА4 и СА17.

¹² Последнее образование приведено только в СА17.

1. Префиксальные корреляции ряда многозначных глаголов не характеризуются столь четкой соотносительностью значений различных видовых форм при лексическом тождестве, которая присуща суффиксальным корреляциям.

2. В префиксальных корреляциях нет в ряде случаев полной абстрагированности от деривационных (словообразовательных) оттенков, характерной для суффиксальных корреляций.

3. В то время как суффиксальные корреляции образуются минимальным количеством внешних показателей (десигнаторов), префиксальные характеризуются большим разнообразием средств своего выражения, так как в качестве средств видового различения используются многие приставки¹³.

Однако значение этих различий отнюдь не следует переоценивать, как это делают некоторые авторы, которые ставят в один ряд корреляции, образуемые с помощью чисто видовых приставок типа *делать — сделать, формировать — сформировать* с деривационными (словообразовательными) корреляциями типа *петь — запеть, мобилизовать — отмобилизовать*. Так, в частности, поступает А. В. Исаченко, считающий, что обе разновидности префиксальных корреляций в одинаковой мере относятся к деривационной сфере способов глагольного действия или «совершенностей глагольного действия»¹⁴. Важная черта сходства обоих типов видовых корреляций заключается в том, что и в префиксальных корреляциях выступает, хотя и не с такой степенью полноты, как в суффиксальных, лексическое тождество противопоставленных видовых форм глагола. Именно эта черта объединяет в качестве грамматикализованных суффиксальные и префиксальные *видовые* корреляции, принципиально отделяя их от деривационных и деривационно-лексических корреляций. Ср., с одной стороны, *организовать — организовывать, информировать — проинформировать* и, с другой стороны, *протестовать — запротестовать* и *баллотировать — забаллотировать*.

В целом под влиянием аффиксальных средств выражения видов в рассматриваемых трех группах двувидовых глаголов происходят двоякого рода сдвиги:

1. Вместо двувидового глагола возникает префиксальная видовая корреляция. Так, первоначально двувидовой глагол *конструировать* заменен префиксальной корреляцией: *конструировать* (несов. вид) — *сконструировать* (сов. вид).

2. При глаголе, сохраняющем свою двувидовость, возникает приставочное образование, которое выступает в качестве параллельной — наряду с бесприставочным образованием — формы совершенного вида. Так, при *рецензировать* в значении совершенного вида возникает *прорецензировать* в качестве параллельной формы с тем же видовым значением.

Наряду с этим комплексом явлений, свидетельствующих о сложных процессах развития многих двувидовых глаголов рассматриваемых групп по направлению к аффиксальным видовым корреляциям, в них имеется также большое число глаголов, не обнаруживающих никаких признаков — ни реальных, ни потенциальных — утраты двувидовости. Вот довольно длинный, но далеко не исчерпывающий перечень этих глаголов, большая часть которых относится к группе вполне освоенных и довольно широко распространенных слов русской литературной лексики.

Абонировать, авансировать, автоматизировать, акклиматизировать(ся), активизировать(ся), американизировать(ся), амнистировать, амортизировать(ся), анатомизировать, ангажировать, аннексировать, анонсировать, аннулировать, апеллировать, ассимилировать(ся), большевизировать(ся), бюрократизировать(ся), витаминизиро-

¹³ Подробное раскрытие этих пунктов дано в моей статье «О видовых корреляциях в системе спряжения глагола в современном русском языке», ВЯ, 1956, 6.

¹⁴ См.: А. В. Исаченко, указ. соч., стр. 155—167.

вать(ся), военизировать(ся), вульгаризировать, газифицировать, гарантировать, госпитализировать(ся), датировать, дезертировать, дезинфицировать, декларировать, деколонизировать, декретировать, делегировать, демаскировать(ся), демилитаризировать(ся), демобилизовать, деморализовать, денационализировать; деталлизировать, деформировать, децентрализовать, дисквалифицировать(ся), дискредитировать, дисциплинировать, европеизировать(ся), изолировать(ся), иммигрировать, импортировать, индустриализировать, инкубировать, инсценировать, интервьюировать, интернационализировать, интернировать, канализировать, капитулировать, кастрировать, квалифицировать(ся), коллективизировать(ся), колонизировать, компенсировать, конвейеризировать(ся), кооперировать(ся), ликвидировать, локализовать, машинизировать, механизировать, милитаризировать, модернизировать, монополизировать, национализировать, нокаутировать, озимизировать, оккупировать, оперировать(ся), переqualificировать(ся), переориентировать(ся), политехнизировать(ся), популяризовать, премировать, протезировать, радиофицировать, радивовать, рационализировать, реабилитировать(ся), реваншировать, революционизировать(ся), рекламировать, реконструировать, репрессировать(ся), реставрировать, реформировать(ся), реэвакуировать(ся), реэмигрировать, санкционировать, систематизировать(ся), советизировать(ся), социализировать, специализировать(ся), стабилизировать(ся), стандартизировать(ся), субсидировать, схематизировать, тарифицировать, территориализировать, торпедировать, транспортировать, узурпировать, утилизировать, фашизировать(ся), финансировать, финишировать, гимизировать, эвакуировать(ся), экипировать(ся), экспортировать, экспроприировать, электрифицировать(ся), эмансипировать(ся), эшелонировать(ся).

Суммарный обзор процессов, составляющих содержание современной эволюции всех групп двувидовых глаголов, приводит к заключению, что двувидовость представляет собой хотя и лексически ограниченный, но немаловажный компонент категории видов в русском языке. При этом совершенно очевидно, что двувидовость отнюдь не исключает соответствующие глаголы из сферы категории видов, а только определенным образом модифицирует план ее выражения, расширяя круг аналитических средств и соответственным образом сокращая ее аффиксальные средства. Двувидовость как форма выражения категории видов в наибольшей мере подходит для той группы глаголов, в семантической структуре которых нет явного преобладания одного из двух значений, составляющих в своей противопоставленности семантику видовой категории: длительности и результативности; сюда относятся такие глаголы, как *электрифицировать*, *механизировать*, *советизировать* и подобные. Реальное значение этих глаголов в одинаковой мере может сочетаться и с тем и с другим значением, и только в зависимости от временных или модальных форм, а также общих контекстных условий одно из них становится единственным в данной коммуникации. Большой интерес в этом отношении представляет тот факт, что даже в родственных языках глаголы одинаковой лексической семантики по-разному распределяются среди тех групп, на которые подразделяется вся видовая структура: а) глаголы, образующие аффиксальные видовые корреляции, б) одновидовые глаголы (*perfectiva tantum* и *imperfectiva tantum*) и в) двувидовые глаголы. Так, хотя в русском языке двувидовость значительно более развита по сравнению с чешским, глаголы *improvisovati* и *formulovati* в чешском языке являются двувидовыми, а русские глаголы *импровизировать*, *формулировать* — это глаголы несовершенного вида; с другой стороны, глагол *аргументировать* в русском языке двувидовой, а в чешском образуется префиксальная корреляция: *argumentovati* — *zargumentovati*. По-видимому, каждый язык имеет свою «шкалу измерений», в соответствии с которой и происходит распределение глаголов по указанным группам. Это один из ярких случаев проявления видовой асимметричности разных славянских языков¹⁵.

¹⁵ О проблеме асимметричности славянских языков см. ряд интересных суждений в статье: А. В. Исаченко, Л. В. Копецкий, Очередные вопросы чехословацкой русистики, «Československá rusistika», 1958, 2—3, стр. 127.

При характеристике двувидовых глаголов с точки зрения связей развития языка с развитием общества следует особо обратить внимание на то, что эти глаголы принадлежат к интернациональной лексике, возникновение которой в значительной мере предопределено особенностями современной эпохи. Характерно, что именно в советский период резко возросла продуктивность модели с суффиксом *-фицирова-*, который В. В. Виноградов назвал интернациональным (*интенсифицировать* и т. п.)¹⁶. Выстраиваются ряды глаголов в разных языках с отчетливо выступающей интернациональной структурой, ср.: *электрифицировать* — нем. *elektrifizieren* — франц. *électrifier* — англ. *electrify*; *идентифицировать* — *identifizieren* — *identifier* — *identify*; *классифицировать* — *klassifizieren* — *classifier* — *classify*; *модифицировать* — *modifizieren* — *modifier* — *modify* и т. д. Отчетливо выступает интернациональный характер структуры и у глаголов с суффиксом *-урова-*, ср.: *аргументировать* — *argumentieren* — *argumenter* — *argue*; *рекламировать* — *reklamieren* — *reclamer* — *reclame* и др.

Для сохранения интернационального характера структуры глаголов отнюдь не безразличны пути их видового оформления. Очевидно, что присоединение к глаголу приставки отводит его в сторону от интернациональной лексики. Конечно, при нормативной оценке параллельно выступающих вариантов — приставочного и бесприставочного — образования видовой корреляции это должно служить только одним из принимаемых во внимание обстоятельств, но нельзя не учитывать его вовсе.

Таким образом, современная эволюция всех групп двувидовых глаголов приводит к тому, что двувидовость становится существенной, хотя и лексически ограниченной формой проявления категории видов в русском языке. С этой точки зрения необходимо критически оценить некоторые суждения на эту тему, высказанные в лингвистической литературе. С. О. Карцевский, касаясь вопроса о двувидовых глаголах, указывал: «Подобное двойное видовое значение находится в вопиющем противоречии с духом русского языка, который требует, чтобы каждый глагол имел только одно видовое значение». И несколько далее: «...народный язык, поскольку он употребляет подобные глаголы, немедленно их руссифицирует и создает перфективные префиксальные *заангажироваться*, *заарестовать*, *заатаковать* и соответствующие имперфективные *заарестозывать* или *арестозывать*, *организовывать* и т. п.»¹⁷.

Анализируемые выше факты отчетливо показывают, что приведенные суждения С. О. Карцевского нуждаются в значительных коррективах. В самом деле, явление, вопиющим образом противоречающее духу языка (по мнению С. О. Карцевского, грамматический строй составляет «дух языка»), не могло бы в течение столетий в нем развиваться, обнаруживая в своей эволюции не только тенденции сужения, но и тенденции расширения.

Такой характер эволюции присущ тем грамматическим явлениям, которые стали уже в той или иной степени органическим элементом языковой системы, ее грамматического строя. Нет сомнения, что аффиксальный аппарат является основной и ведущей формой плана выражения категории видов. Вместе с тем, двувидовость выступает как порожденная категорией вида своеобразная ее модификация, вызванная необходимостью включения в систему видов большой группы глаголов со специфической структурой основ и специфической семантикой. Двувидовые глаголы, несмотря на все свои особенности, представляют собой подсистему, под-

¹⁶ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 131.

¹⁷ См.: С. О. Карцевский, *Язык, война и революция*, Берлин, 1923, стр. 56.

чиненную основным закономерностям развития системы видов во всем ее объеме.

Процесс возникновения и эволюции двувидовых глаголов, приведший к современному их состоянию, содержит много поучительного с точки зрения взаимодействия внутренних и внешних факторов развития языка. Существовавшая уже в древности небольшая группа глаголов с ограниченным числом аффиксальных показателей (типа *родить*, *обещать*) представляла собой в течение веков непродуктивную модель выражения видовой категории. Эта непродуктивность была предопределена неограниченно господствовавшими в грамматическом строе тенденциями синтетизма.

В новое время условия развития существенно изменились. Значительный рост экономических и культурных связей с западноевропейскими народами, явственно обнаружившийся уже с начала XVIII в., привел к проникновению значительной струи глагольной лексики, в процессе видового освоения которой возник ряд новых явлений. Специфика семантики и особенно строения основ новых глаголов, а также усилившиеся в то время тенденции аналитизма создали предпосылки для относительной продуктивности двувидовых глаголов как новой модели видового оформления части новых глаголов. Ряд общественных явлений, возникших после Великой Октябрьской революции, новые условия развития языка создали немаловажный стимул для роста продуктивности новой модели.

В. В. ЛОПАТИН

НУЛЕВАЯ АФФИКСАЦИЯ
В СИСТЕМЕ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

1. В русском именном словообразовании значительное место занимают словообразовательные типы, характеризующиеся отсутствием выраженного аффиксального элемента. Таковы, например, тип существительных со значением отвлеченного действия, мотивированных¹ глаголами (*ход, лов, вывоз, взлет, убой*), тип существительных со значением отвлеченного признака, мотивированных прилагательными (*силь, зиль, сушь*), тип существительных со значением носителя отношения к действию, мотивированных глаголами (*задира, заика, притвора*) и ряд других. Очевидно, что эти словообразовательные типы, будучи противопоставленными типам с выраженными аффиксами (суффиксами, префиксами), представляют собой особый способ словообразования.

Способы словообразования различаются в зависимости от того, каковы материальные (формальные) средства выражения словообразовательного значения². Термин «безаффиксный (или безаффиксальный) способ», часто употребляемый исследователями в отношении указанных словообразовательных типов, дает лишь негативную характеристику данного способа словообразования и не отвечает на вопрос, какими средствами выражается при этом способе словообразовательное значение, какова специфика этого способа по сравнению с другими способами, для которых также характерно отсутствие аффикса (например, «чистое» сложение, субстантивация, сращение, аббревиация и т. д.).

М. Докулил для чешского языка рассматривает этот способ словообразования как конверсию, т. е. словообразование путем изменения «морфологической характеристики» (парадигмы), без изменения (расширения или сокращения) основы³. Понятие конверсии, разработанное первоначально на материале английского языка, прежде всего в работах А. И. Смирницкого, имеет у Докудила более широкое значение. А. И. Смирницкий ограничивал конверсию только случаями с совершенно

¹ Термины «мотивация», «мотивированный» и «мотивирующий» (имеется в виду словообразовательная мотивированность) предпочитаем при синхроническом словообразовательном исследовании терминам «производность», «производный» и «производящий». В польской лингвистике названным терминам соответствуют термины «fundacja», «fundowane» и «fundujące» (см., например, работы Е. Куриловича); буквальный перевод их на русский язык как «обоснованное» и «обосновывающее» неудачен, так как в таком переводе они родственны термину «основа», употребляющемуся применительно к структуре слова в другом смысле; кроме того, для них нет соответствующего общего термина типа «fundacja» или «мотивация».

² Такое понимание способа словообразования наиболее распространено в работах синхронического плана, хотя специально это понятие обычно не определяется. Под словообразовательным значением имеем в виду общее категориальное значение слов, объединяющихся в словообразовательный тип, основанное на семантическом соотношении мотивированной и мотивирующей основ.

³ См.: М. D o k u l i l, Tvoření slov v češtině. 1 — Teorie odvozování slov, Praha, 1962, стр. 59.

неизменной основой, без звуковых видоизменений в основе (чередования, изменения ударения)⁴; М. Докулил же признает и конверсию, сопровождающуюся фонетическими изменениями в основе. С таким широким пониманием «безаффиксного» словообразования как единого словообразовательного способа вообще нельзя не согласиться. М. Докулил исходит из того, что фонетические изменения всегда являются дополнительными, зависимым словообразовательным средством⁵. Эти изменения (прежде всего чередования, морфонологически обусловленные и необусловленные), характерные для суффиксальных и «безаффиксных» типов, выступают лишь в части образований и не затрагивают типов в целом, формируя более узкие единицы — подтипы⁶. Таким образом, по А. И. Смирницкому, при «безаффиксном» словообразовании единственным словообразовательным средством⁷, а по М. Докулилу, справедливо расширяющему рамки этого способа словообразования, — основным словообразовательным средством, носителем словообразовательного значения является словоизменятельная парадигма мотивированного слова⁸.

Другая точка зрения на этот способ словообразования представлена применительно к английскому языку в работах Г. Марчанда, который отрицает в данном случае конверсию и рассматривает «безаффиксное» словообразование как «деривацию при помощи нулевой морфемы». Г. Марчанд считает, что в случаях *loan* (сущ.) — *loan* (глагол), *look* (глагол) — *look* (сущ.) и т. п. «ничто не конвертируется», поскольку под конверсией следует понимать, как и понималось в прошлом, употребление слова или словосочетания в несвойственной ему синтаксической функции, без нового морфонологического оформления и добавления какого-либо нового лексического содержания (например, употребление сочетания *far off* в роли определения)⁹. Сущность «деривации с помощью нулевой морфемы»

⁴ См.: А. И. Смирницкий, *Лексикология английского языка*, М., 1956, стр. 71 и сл.

⁵ См.: М. Докулил, указ. соч., стр. 57, 64.

⁶ Ср.: «Апофония..., присущая данной/форме, — это прибавка, которая встречается не во всех формах данного ряда... и поэтому не может рассматриваться как характерный признак словообразовательной морфемы» (Е. Курлович, *Аллофоны и алломорфы*, «Очерки по лингвистике», М., 1962, стр. 40). Ср. также: «...с точки зрения современного языка здесь (в слове *Wurf*, ср. *werten*. — В. Л.) тоже нельзя говорить о фонетико-морфонологическом типе, так как изменение гласного в этом слове ни на какие морфонологические особенности (другие, чем, например, у *Schnitt*, *Lauf* и *Besuch*) не указывает» (К. А. Левковская, *Словообразование*, М., 1954, стр. 20). Формальным различителем мотивированного и мотивирующего как целых слов при «безаффиксном» словообразовании является также система флексий этих слов.

⁷ А. И. Смирницкий не отрицал и наличия в «безаффиксных» образованиях нулевых аффиксов, но не признавал за ними словообразовательной функции: ср. его определение конверсии как образования слов «от общей основы без каких бы то ни было положительных (и «нулевых») словообразовательных аффиксов и других специально словопроизводственных средств (чередование, акцентные различия), но только путем соединения основ с той или другой определенной парадигмой» [А. И. Смирницкий, *Лексическое и грамматическое в слове*, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 40 (разрядка наша. — В. Л.)].

⁸ Эта точка зрения развивается также в статье: R. Laško wski, H. Wróbel, *Użycie paradymatu w funkcji formantu słówtworczego we współczesnej polszczyźnie*, JP, 1964, 4, стр. 214—220. Авторы статьи считают, что более удачным названием для данного способа словообразования было бы «paradymatyzacja».

⁹ Ср. в русском языке субстантивированное употребление наречий или «цитированных» слов и словосочетаний, например: «А совсем неплохо жить вот так..., в бесконечном *сегодня*, которое никогда не станет *вчера*» (Дж. Стейнбек, *Зима тревоги нашей*); «... нам нужно не всякое „интересно“». Тому самому „интересно“, которое нам нужно, учит... создатель „Броненосца „Потемкин“» («Сов. культура», 21 XII 1963); «Он провоевал всю войну... Конечно, всяко было. Но разве пройти фронтовое „всяко было“ от начала до конца не значит совершить солдатский подвиг?» (последние известия по радио, 30 III 1965).

заключается, по Г. Марчанду, в «образовании совершенно отличного слова без присоединения деривационного элемента»¹⁰.

С этой точкой зрения в целом можно согласиться. Конечно, нельзя отрицать того, что и для каждого суффиксального, а не только «безаффиксного», словообразовательного типа характерна определенная система флексий¹¹. Однако парадигма является и в тех, и в других типах лишь дополнительным формальным признаком мотивированного слова в целом, что наглядно проявляется при суффиксации, поскольку здесь носителем словообразовательного значения является специфическая словообразовательная морфема (аффикс) в основе мотивированного слова. Семантической сложности мотивированной основы соответствует и формальная сложность. Очевидно, что при наличии семантически сложной основы средства выражения этой сложности должны заключаться в самой основе, хотя бы и в нулевой форме¹². Необходимо подчеркнуть также, что те словообразовательные значения, которые характерны для «безаффиксных» типов, принципиально не отличаются от значений аффиксальных типов и чаще выражаются в словообразовательной системе аффиксальным способом. Об этом говорят и синонимичные образования, мотивированные одной и той же основой: ср., например, *вывозит* — *вывоз* и *вывозка*; *поливать* — *полив* и *поливка*; *обжигать* — *обжиг* и *обжигание*; *синий* — *синь* и *синьва*; *темный* — *темень*, *темя* и *темнота*; *зевать* — *зева* и *зевака*; *растерять* — *растеря* и *растеряха*; *раб* — *раба* и *рабыня* и т. п. Уже исходя из таких сопоставлений, можно видеть в «безаффиксных» образованиях нулевой суффикс. Основной принцип такого выделения нулевого аффиксального элемента — тот же, что и при выделении нулевых флексий в словоизменятельных парадигмах: если некоторое значение (грамматическое или словообразовательное) обычно в большинстве случаев выражается определенной морфемой (суффиксом, флексией), то при отсутствии такой морфемы и каких-либо иных формальных средств выражения этого значения можно выделять нулевую морфему, несущую то же значение¹³.

Подчеркиваем: нулевую морфему можно выделять лишь при отсутствии каких-либо иных формальных средств. Нулевой аффикс в так называемых «бессуффиксных» словообразовательных типах выделяется потому, что другие формальные средства, присущие этому способу словообразования, — включение образования в другую парадигму, фонетические изменения в основе (чередования, изменения ударения) и др. — используются при суффиксации как дополнительные. Никаких иных средств, которые не использовались бы при суффиксации, здесь нет. Иначе обстоит дело, например, при субстантивации прилагательных и причастий. Словообразовательные значения, выражаемые этим способом словообразования, также принципиально не отличаются от значений, выражаемых суффиксацией (ср., например, значение носителя признака — *слепец*:

¹⁰ H. M a r c h a n d, The categories and types of present-day English word-formation, Wiesbaden, 1960, стр. 293—294.

¹¹ Ср. замечание В. В. Виноградова о спаянности флексий с суффиксами у имен существительных (В. В. В и н о г р а д о в, Современный русский язык, 1, М., 1938, стр. 131).

¹² Ср. у Г. Марчанда: «Обозначаемое представлено в синтагме, но обозначено нулем» (указ. соч., стр. 293).

¹³ Противоположное мнение высказывает М. Докуллил, считающий нецелесообразным применение понятия нулевого аффикса к словообразованию (указ. соч., стр. 153—155). Н. А. Крылов также считает, что «наличие нулевого аффикса нельзя вывести тем же способом, что и наличие нулевой флексии» (Н. А. К р ы л о в, Бессуффиксные существительные общего рода, соотносительные с глаголами, сб. «Статьи и исследования по русскому языку», М., 1962, стр. 24). Однако в другом месте Н. А. Крылов признает наличие нулевого аффикса в словах типа *гадира* (Н. А. К р ы л о в, Типы основ в современном русском языке, ФН, 1963, 2, стр. 36).

и сущ. *слепой*, значение места, помещения — *кофейня*, *сырня* и сущ. *кофейная*, *сырная* и т. д.). Однако выражаются эти значения при субстантивации специфическим формальным средством, которое не используется ни при каком ином способе словообразования: о с о б ы м изменением парадигмы мотивирующего слова — прилагательного или причастия. Это изменение заключается в том, что парадигма преобразуется не полностью, не качественно, а лишь количественно: сохраняется ч а с т ь парадигмы прилагательного (система флексий только одного рода) с одновременным приобретением морфологических и синтаксических свойств другой части речи — существительного¹⁴; при этом не используются такие формальные средства, как чередования, изменений ударения, «усечение» основы и т. д. Поэтому неправ М. Докулил, считающий, что при использовании понятия нулевого словообразовательного аффикса пришлось бы выделять нулевой суффикс в субстантивированных прилагательных¹⁵.

Таким образом, наиболее точным и последовательным решением вопроса нам представляется признание того, что в «безаффиксных» типах носителем словообразовательного значения является нулевой аффикс, т. е. значимое отсутствие аффикса в основе. В связи с этим будем называть рассматриваемый способ словообразования н у л е в о й а ф ф и к с а ц и е й.

II. Нулевая аффиксация в чистом виде, т. е. не в составе смешанных способов словообразования (о них см. ниже), характерна в современной русской словообразовательной системе только для имени существительного. В различных типах, относящихся к этому способу словообразования, следует выделять о м о н и м и ч н ы е нулевые аффиксы.

Самая общая характеристика относящихся сюда словообразовательных типов (продуктивных и непродуктивных) может быть представлена в следующем виде (при этом не затрагиваются единичные, нерегулярные соотношения типа *золото* — *золотой*, *хворать* — *хворый*, *толстый* — *толща*):

1. Тип мотивированных глаголами существительных со значением отвлеченного действия, первого («мужского») склонения. В основе существительных присущий мотивирующему глаголу «основообразующий гласный» инфинитива не сохраняется. Подтип с чередованием корневого гласного непродуктивен: ср. *течь* — *ток*, *бить* — *бой*, *вить* — *вой*, *звать* — *зов* и др., а также некоторые образования от префиксальных глагольных основ: *поджигать* — *поджог*, *забивать* — *забой* (ср. *забой оленей*), *забирать* — *забор* (ср. *забор воды*). Чередование лексикализовано, т. е. возможно только в определенном наборе корневых морфем; но и в этих морфемах оно может отсутствовать: ср., например, *зов* и *отзыв*, *призыв*; *обжог*, *поджог* и технич. *отжиг*, *обжиг*; *вой* и *подвыв*; *убой*, *забой* и устн. *отбив мяча*. Продуктивны образования без чередования; среди них более продуктивны образования от префиксальных основ, чем от беспрефиксальных: ср. *перелив*, *обвес*, *недогруз*, *перегруз*, *нагрев* и др. Ударение преимущественно на корне. С точки зрения дополнительных формальных изменений в основе этот тип очень близок к типу существительных с суффиксом -к(а): ср. *набой* и *набойка*, *подвес* и *подвеска* и т. д. Вторичные значения, развивающиеся в словах, принадлежащих к данному типу, также совпадают с теми, которые развиваются у суффиксальных существительных со значением отвлеченного действия: это значения единичного акта (например, *чих*, *взгляд*; технич. *замес*, *разрыв*; ср.: «Я съедал свой

¹⁴ Субстантивация прилагательных представляет собой, по определению В. В. Виноградова, «морфолого-синтаксический» способ словообразования («Современный русский язык. Морфология», М., 1952, стр. 47).

¹⁵ См.: М. Д о к у л и л, указ. соч., стр. 155.

хлеб... в два *откуса*)— Н. Чуковский, Девочка Жизнь); места (например, *забой, загон*); различные предметные значения (ср., например, *ввод предприятия в эксплуатацию* и *ввод тока* «часть электропроводки», *новый способ посева* и *скот топчет посевы*, ср. *подвес* и *подвеска* в отвлеченном и предметном значениях).

В качестве мотивирующих для данного типа могут выступать не только словообразовательно немотивированные глагольные основы, но и такие, которые в свою очередь мотивированы именем, например: *засол, опорос, выпот*, технич. *отбел* и т. д. (правда, такие образования относительно редки). Общий принцип именного отглагольного словообразования таков, что «основообразующий гласный» в типах с нулевым аффиксом и некоторых суффиксальных типах [например, с суффиксами *-к(а)*, *-щик*] не сохраняется, независимо от того, является ли этот гласный в основе глагола словообразовательным элементом — суффиксом (ср. *отбелить, побелить* и *отбел, побелка*) или нет¹⁶.

Тип существительных с тем же значением отвлеченного действия, принадлежащих ко второму («твердому женскому») склонению, непродуктивен и лексически ограничен образованиями с несколькими определенными глагольными корнями, например: *плата, доплата, уплата, выплата* и т. д.; *мена, замена, отмена, перемена* и т. д.; *трата, затрата, утрата* и т. д.; ср. также *дремать* — *дрема*, *отравить* — *отрава* и т. д.

2. Продуктивный (преимущественно в стиле художественной литературы) тип мотивированных прилагательных существительных со значением отвлеченного признака, третьего («мягкого женского») склонения. Суффиксы прилагательных в основе существительных не сохраняются: ср. *гладкий* — *гладь*, *мутный* — *муть*; *непролазный* — *непролазь* (Ю. Нагибин, На тетеревах). Нередко относящиеся к этому типу слова получают и вторичное значение собирательного носителя признака, например, *рвань, голь, муть*; ср.: «Стало ясно, что угриная *несметь* стремится уйти водой» (Ю. Нагибин, На тихом озере); реже — простое значение носителя признака (*бездарь*). Эти значения могут появляться и у суффиксальных существительных с тем же первичным значением отвлеченного признака (например, *беднота, бездарность*).

Существительные того же склонения, мотивированные глаголами, объединяются в два типа слабой продуктивности — тип со значением отвлеченного действия (ср. *брань, вонь, дурь, резь, блажь, дрожь*) и тип с общим значением носителя отношения к действию — чаще со значением результата действия (ср. *накипь, заваль, проповедь, прорубь, прорезь, прорись, россыпь, надпись*). Отдельные новообразования, относящиеся к этим типам, возможны в художественной литературе (например, *выбель* у С. Есенина, *рядь* у В. Маяковского); возможны также единичные образования со значением отвлеченного признака, мотивированные существительными (например, *березь, водь, омуть* у С. Есенина).

Для всех указанных типов существительных, относящихся к третьему склонению, характерно морфонологически обусловленное чередование конечного согласного основы: ср. *прелый* — *прель*, *рябой* — *рябрь*, а также *сухой* — *сушь*, *горький* — *горечь* и т. п. Чередования нет, если мотивирующая основа оканчивается на мягкий незаднеязычный согласный или шипящий: *синий* — *силь*, *бранить* — *брань*, *моросить* — *морось*,

¹⁶ Очевидно, это не может быть основанием для отрицания того, что глаголы типов *белить, зеленеть* содержат материально выраженный словообразовательный суффикс, и для отнесения их к «безаффиксному» способу словообразования или к конверсии (см., например: Н. А. К р ы л о в, Бессуффиксальные существительные, соотносительные с глаголами, в современном русском языке. Канд. диссерт., М., 1963, стр. 65; М. D o k u l i l, указ. соч., стр. 64).

дрожать — *дрожь*; *нищий* — *нищ* (у В. Маяковского) и т. п. Необходимо подчеркнуть, что то же самое чередование характерно и для многих суффиксальных типов — например, для типа уменьшительно-ласкательных существительных с суффиксом *-ик*, существительных с суффиксом *-ина* и др. В образованиях, мотивированных префиксальными глаголами и прилагательными, ударение обычно на префиксе.

3. Тип мотивированных глаголами существительных со значением одушевленного носителя отношения к действию, второго склонения общего рода. Продуктивность этого типа очень слаба по сравнению с синонимичными суффиксальными типами существительных общего рода. Нерегулярное чередование конечного согласного основы возможно лишь при мягком конечном согласном основы глагола: ср. *зевать* — *зева*, *заикаться* — *заика*, *растерять* — *растеря*, но *тараторить* — *таратора*, *притворяться* — *притвора*¹⁷. Возможны новообразования, например, устн. *балабоба* (от *балаболить*) или *недовера* (от *не доверять*): «О, как мне заставить все это представить тебе, недоверу?» (Е. Евтушенко, *Любимая*, спи...).

4. Два типа существительных первого склонения, мотивированных прилагательными, основа которых выступает в «усеченном» виде, причем обычно «усекается» элемент *-н-*, являющийся суффиксом, если прилагательное в свою очередь словообразовательно мотивировано.

а) Тип со значением отвлеченного признака: *примитивный* — *примитив*, *интимный* — *интим*, *серьезный* — *серьез*, *грандиозный* — *грандиоз*, *эффективный* — *эффектив* и т. п.

б) Тип со значением носителя признака: *нейтральный* — *нейтрал*, *интеллектуальный* — *интеллектуал*, *универсальный* — *универсал*, *детективный* — *детектив* («детективный роман, фильм»), *официозный* — *официоз* (о газете, например: «Правительственный полуофициоз „Франкфуртер альгемайне“ категорически декларирует...» — «Правда», 27 IX 1963) и т. п.

Оба типа продуктивны главным образом в устной речи. Такое же «усечение» основы мотивирующего прилагательного с сохранением иноязычного интерфикса, если он в ней имеется, наблюдается и в некоторых суффиксальных типах: ср., например, *примитивист*, *нейтралист*, *интеллектуалист*; *оказионализмы* и устн. *оказионалы*.

От этих типов образований с нулевым аффиксом, мотивированных прилагательными, следует отличать встречающиеся в устной речи сокращения существительных типа *транс* «трансформатор», *фак* «факультет», *дир* «директор», *зав* «заведующий» и т. п.; этот тип относится к иному способу словообразования — к сокращениям.

5. Тип существительных второго («твердого женского») склонения со значением лица женского пола, мотивированных соответствующими существительными со значением лица мужского пола. К этому непродуктивному типу, если ограничить его нарицательными существительными, относится всего несколько слов: ср. *супруг* — *супруга*, *раб* — *раба*, *кум* — *кума*, *маркиз* — *маркиза*, *инфант* — *инфанта*. В устной речи возможны окказиональные экспрессивные образования, относящиеся к этому типу, например: *она такая ж м о т а!*, *она ужасная т и г р а* (о человеке); ср.: «Мать ее грубая, крикливая женщина... Жалуется, что Панька ее называет „психой“» («Дневник Нины Костериной», «Новый мир», 1962, 12).

Продуктивный тип представляют собой фамилии с таким же словообразовательным соотношением основ: *Иванов* — *Иванова*, *Никитин* — *Никитина* и т. п. Сюда же примыкает несколько личных имен: *Александр* — *Александра*, *Валентин* — *Валентина* и др.

¹⁷ См.: Н. А. Крылов, Бессуффиксные существительные общего рода, соотносительные с глаголами, стр. 34—35.

Подобные словообразовательные отношения выражаются обычно суффиксацией: *лентяй* — *лентяйка*, *дворник* — *дворничиха*, *немец* — *немка* и т. п.

Как показывают кратко рассмотренные здесь словообразовательные типы, нулевая аффиксация имеет несомненное формальное и функциональное сходство с суффиксацией. Их объединяет одинаковая типология словообразовательных значений (как основных, первичных, так и вторичных); обязательное использование в качестве исходной структуры не целого слова, а основы (в отличие от префиксального способа); возможность использования как в словообразовательных типах с переходом из одной части речи в другую (мотивированное и мотивирующее принадлежат к разным частям речи), так и в типах без такого перехода (словообразование внутри одной части речи); обычное различие морфологических типов (парадигм) мотивированного и мотивирующего; возможность использования одинаковых дополнительных формальных средств — чередований, изменений ударения, интерфиксов, усечения мотивирующей основы (ср. *высокий* — *высь* и *высота*, *нейтральный* — *нейтрал* и *нейтралист*); наконец, эти способы словообразования объединяет и сходство смешанных способов словообразования, в которых они выступают (см. ниже).

Следовательно, можно говорить, что для русского языка характерна не нулевая аффиксация вообще, а нулевая суффиксация.

III. Если при материально выраженной аффиксации аффикс обычно является внешним признаком словообразовательной мотивированности, указывает на направление мотивации и, следовательно, установление словообразовательных связей вытекает уже из наличия аффикса¹⁸, то при «чистой» нулевой аффиксации отношения обратные: наличие нулевого аффикса вытекает из отношений мотивированности, и, таким образом, установление направления мотивации оказывается первичной задачей анализа. Следовательно, при нулевой аффиксации выработка критериев установления синхронической мотивированности приобретает первостепенное значение. Эта проблема может быть затронута в рамках настоящей статьи лишь в самых общих чертах. Прежде всего необходимо указать на важность учета в каждом случае совокупности таких критериев — как общих, так и специфических для отдельных типов¹⁹.

В качестве общих критериев мотивированности могут быть использованы количественный и семантический критерии. Первый заключается в том, что при словообразовательной соотносительности двух рядов слов, каждый из которых характеризуется определенными семантико-морфологическими свойствами, тот ряд, который представлен в языке меньшим количеством слов, признается мотивированным. Этот критерий применим для непродуктивных словообразовательных типов и типов слабой продуктивности. Второй критерий основан на сопоставлении функционально тождественных типов — суффиксальных и «безаффиксных»; применим он к тем словообразовательным категориям, которые имеют соответственное суффиксальное выражение, — прежде всего к категориям отвлеченного

¹⁸ Этому общему правилу не подчиняются разнообразные случаи усечения мотивирующей основы за счет суффикса, который заменяется в мотивированной основе другим материально выраженным или нулевым суффиксом: ср. *засолить* — *засолка*, *засол*; *утюжить* — *утюжка*; *гладкий* — *гладь*; *интеллектуальный* — *интеллектуалист*, *интеллектуал*; *элементарный* — *элементарщина*; *вечерний* — *вечерка* («вечерняя газета») и т. д. В каждом из таких случаев направление мотивации устанавливается на основании общей схемы словообразовательных отношений, присущих данному типу, поскольку эти типы всегда содержат и образования без «отсечения» аффикса от мотивирующей основы.

¹⁹ Пример такого анализа представляет собой канд. диссертация Н. А. Крылова. Ср. также: П. А. Соболева, Об основном и производном слове при словообразовательных отношениях по конверсии, ВЯ, 1959, 2.

действия и отвлеченного признака. Эти категории обычно выражаются с помощью суффиксального способа; отсюда делается вывод, что и «безаффиксные» образования с этим значением мотивированы соответствующими глаголами и прилагательными. Так, нам известны многочисленные суффиксальные типы существительных со значением отвлеченного признака, мотивированных прилагательными, и не известно ни одного суффиксального типа прилагательных, мотивированных существительными со значением отвлеченного признака; значит, и безаффиксные существительные с этим значением мотивированы прилагательными, а не наоборот (*синий* — *синь*, *глухой* — *глушь* и т. п.).

Достаточным критерием определения мотивированности, применимым к самой большой группе «безаффиксных» существительных, соотносительных с глаголами, является наличие в составе такого существительного префикса при отсутствии существительного того же корня без префикса (ср. *замес*, *разрыв*, *нагрев* и т. п.); если же такое существительное имеется, гарантией мотивированности существительного префиксальным глаголом служит глагольность префикса, т. е. неупотребительность его с данным значением в отыменных префиксальных существительных (ср. *выход*, *убой*, *прилет* и т. п.). Но если префикс с данным значением может быть и именным, то однозначное решение вопроса о способе словообразования существительных с этим префиксом невозможно (это относится, впрочем, не только к «безаффиксным», но и к суффиксальным образованиям). Так, префикс *пере-* употребителен как именной только в значении повторности действия, явления, обозначаемого существительным: ср. *перерецензия*, *перекомиссия*, *переследствие* и т. п. Значит, образования типа *перерасчет*, *перезалог*, *перепуск* (нового завода), а также *переобучивание*, *перуступка* (прав) и т. п. могут рассматриваться и как отыменные префиксальные (ср. *расчет*, *залог*, *пуск*, *обучивание*, *уступка*), и как отглагольные с нулевым суффиксом (ср. *перерассчитать*, *перезаложить*, *перепускать*, *переобучивать* и т. д.).

Мотивированность глаголом префиксального существительного с нулевым суффиксом позволяет признать мотивированными и однокоренные существительные без префикса, если они также имеют значение отвлеченного действия: например, поскольку слова *приход*, *выход*, *запуск*, *выпуск*, *уплата*, *доплата* и т. д. мотивированы глаголами, то мотивированы и слова *ход*, *пуск*, *плата*.

IV. Несомненное функциональное единство суффиксации и нулевой аффиксации, о котором говорилось выше, позволяет противопоставить эти два способа словообразования префиксации. Как неоднократно подчеркивалось исследователями, специфика префиксального способа словообразования заключается прежде всего в том, что при этом способе в качестве исходной структуры используется целое, готовое слово, а не основа. Следовательно, префиксы не играют «классифицирующей» роли, т. е. префиксальные образования всегда относятся к той же части речи и к той же словоизменительной парадигме, что и мотивирующее слово²⁰. Для «чистой» префиксации нехарактерно использование дополнительных формальных средств — чередований, усечений основы. Со всем этим связана и семантическая специфика: «чистая» префиксация обычно лишь видоизменяет значение мотивирующего слова добавлением к нему некоторого дополнительного, уточняющего, «модифицирующего» значения, т. е. образует «модификационные»²¹ словообразовательные типы.

²⁰ См., например: К. А. Левковская, О специфике префиксации в системе словообразования (На материале немецкого языка), сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 312; М. Д о к у л и л, указ. соч., стр. 51.

²¹ Термин М. Докулила.

Использование префиксации в иных словообразовательных типах, для которых характерно включение образования в другую парадигму, возможно только в смешанных способах словообразования — в сочетании с суффиксацией (префиксально-суффиксальный способ) или с нулевой аффиксацией.

Смешанный способ словообразования — префиксация в сочетании с нулевой аффиксацией — используется в русском языке в сфере словообразования существительных и прилагательных, хотя и значительно реже, чем другой смешанный способ — префиксально-суффиксальный.

1. В словообразовании прилагательных заметное место занимает относящийся к этому способу продуктивный тип образования прилагательных с префиксом *без-* и нулевым суффиксом, мотивированных именами существительными со значением части тела живого существа или какого-либо его неотъемлемого свойства, редко — какой-либо составной части другого предмета: *безрукий, беззубый, безголосый, бескрылый* и т. д.; ср. также: «высокоурожайный сорт советской пшеницы „безостая“» («Правда», 15 VII 1963), «В прозрачном *безлистом* лесу ранние ивы, как люстры» (В. Солоухин, *Времена года*)²². Несомненен формальный и функциональный параллелизм этого типа с разнообразными префиксально-суффиксальными типами прилагательных и, следовательно, функциональная тождественность нулевого суффикса этого типа материально выраженным суффиксам соответствующих префиксально-суффиксальных типов. Ср. в особенности тип *безводный, бездымный, бесстыковой* («бесстыковые железнодорожные пути») и т. п. с мотивирующими существительными иной семантики. Характерны параллельные синонимические образования: *безлистый — безлиственный, безязыкий — безязычный* и т. п.

2. Среди имен существительных продуктивен тип образования существительных третьего склонения с префиксом *про-* и нулевым суффиксом, мотивированных именами прилагательными. Значение типа — «слабая степень проявления отвлеченного признака, выраженного основой прилагательного»; формальные изменения этой основы те же, что и в типе существительных третьего склонения с «чистой» нулевой аффиксацией, мотивированных прилагательными (*синь* и т. п., см. выше); префикс *про-* всегда ударный: *просинь, прозелень, протемь* и т. п. Считаем, что это смешанный тип — префиксальный в сочетании с нулевой аффиксацией, а не чисто префиксальный (от существительных *синь, зелень* и т. п.), поскольку не всем образованиям данного типа соответствуют в языке существительные типа *синь*: ср., например, *просесть, прожельть; прозолоть* (Ю. Нагибин, *Когда утки в поре*); такие образования соотносятся только непосредственно с прилагательными.

3. Имеется также ряд существительных первого склонения, содержащих префикс и нулевой суффикс и мотивированных только глаголами без префикса: соответствующие префиксальные глаголы либо вообще отсутствуют в языке, либо их значение не соответствует значению «безаффиксных» существительных с теми же префиксами. Подобные существительные составляют группу единичных образований, обозначающих обычно отвлеченное действие: ср., например, *знобеть — озноб, бежать — побег*,

²² Некоторые исследователи рассматривают этот тип как префиксально-суффиксальный, указывая на особую роль здесь флексии *-ый*, выполняющей одновременно и функцию суффикса (см., например: Н. М. Шапкин, *Очерки по русскому словообразованию и лексикологии*, М., 1959, стр. 117; «Граматыка беларускай мовы», I, Минск, 1962, стр. 6); правильнее было бы говорить о системе флексий. Иногда подобные словообразовательные типы рассматриваются как чисто префиксальные, что приводит к стиранию специфических свойств префиксации; так, К. А. Левковская видит «чистую» префиксацию в немецком типе *Gebrüll* «рев» (ср. *brüllen*), *Gelaufe* «беготня» (ср. *laufen*) (см. «О специфике префиксации...», стр. 318—319).

косить — *покос*, *искать* — *поиск* и некоторые другие. На основе подобных единичных соответствий могут возникнуть и отдельные, ограниченные мотивирующими глаголами узких лексических групп, словообразовательные типы. Таковы, например, проявляющие некоторую продуктивность типы существительных: а) с префиксом *у-* и нулевым суффиксом со значением собирательного результата действия, выраженного основой глагола: *улов*, *удой*, *укос*, *умолот* и т. п.; б) с префиксом *за-* и нулевым суффиксом со значением одного акта многократно повторяемого действия: *забег*, *заплыв*, *заязд*. Первый тип ограничен глаголами «сельскохозяйственной тематики», второй — «спортивной».

4. Можно указать также на отдельные существительные, мотивированные существительными и содержащие префикс и нулевой суффикс, например: *лед* — *наледь*, *сон* — *бессонь* (ср.: «Бывало, сон морил, а теперь бессонь одолевает!» — Г. Николаева, *Битва в пути*) и т. п. Таким словам обычно соответствуют предложно-падежные сочетания (*наледь* — *на льду*, *бессонь* — *без сна*). Эти образования соотносительны формально и семантически с префиксально-суффиксальными типами существительных, мотивированных существительными и содержащих префиксы пространственного, отрицательного и других значений. Подобные образования широко распространены в диалектах, где они составляют целый ряд многообразных словообразовательных типов.

Значительно более распространена нулевая аффиксация в сочетании с другим способом словообразования — сложением, причем также очевидна функциональная тождественность этого смешанного способа словообразования и так называемого «сложносуффиксального» способа.

1. Среди имен прилагательных продуктивен тип сложений с нулевым суффиксом, вторым компонентом которых является основа существительного такой же семантики, как мотивирующая основа прилагательных типа *безрукий*, *беззубый*. В качестве первого компонента таких прилагательных могут выступать основы прилагательного (*крепкозубый*, *длинноногий*, *румянолицый*; ср.: «Город мой весенний, *звонкотрубый*...» — Я. Смеляков, *Город Москва*), количественного числительного (*одноногий*, *пятипалый*; ср.: «Старухи, старухи — *стоухи*, *сторуки*...» — А. Вознесенский, *Старухи казино*) и существительного (*рукокрылые*, *листоносые* — названия зоологических разрядов и семейств; ср. еще: «Ночь *звездоокая* сюда тайком заходит...» — М. Левашов, *В кибитке друга*)²³. Функционально тождественны этому типу сложносуффиксальные типы прилагательных с различными суффиксами (ср. *трежкилометровый*, *высокотемпературный*). Характерны словообразовательные синонимы: *разноязыкий* и *разноязычный* и т. п.

2. Исключительно продуктивен тип сложных существительных первого склонения с нулевым суффиксом и вторым компонентом — основой глагола; формальные изменения глагольной основы те же, что и в типе существительных первого склонения с «чистой» нулевой аффиксацией, мотивированных глаголами (типа *убой*, *выход*); словообразовательное значение, в отличие от последних, — не «отвлеченное действие», а «носитель отношения к действию» (обычно — «производитель действия»). Первый компонент сложений этого типа, содержащий семантическую конкретизацию действия, выраженного вторым компонентом (обозначает характер действия, его объект и т. п.), может быть выражен основами существительного (*солевар*, *ледорез*, *звездолет*, *водопровод*, *скотопригон*), прилагательного или местоимения (*тяжелодум*, *скороход*, *самокат*). Этому типу

²³ Иногда этот тип без достаточных оснований рассматривается как сложносуффиксальный; см., например: E. und K. G ü n t h e r, *Die Haupttypen der nominalen und verbalen Wortbildung im Russischen*, ZfS, V, 3, 1960, стр. 460.

функционально тождественны некоторые сложносuffixальные типы существительных (ср. *орденоносец, землепроходец; звездоплавателъ, горвоходитель*). Характерны синонимические образования типа *правдолюбец* и *правдолюбец*; ср. *водонос* и слова на *-носец* и т. п.

Очень слабую продуктивность по сравнению с рассмотренным типом обнаруживает аналогичный ему по структуре тип сложных существительных со значением отвлеченного действия: *снегопад, ледоход, сенокос* и т. п.

Немногочисленны сложные существительные с нулевым суффиксом и таким же грамматическим характером основ, как и в предыдущем случае, но относящиеся к другим типам склонения: *книгоноша; бревнотаска, самолтаска; живопись, звукопись; круговерть* и др. В этих словообразовательных типах возможно и значение отвлеченного действия (ср. слова со вторым компонентом *-пись*). Подобные образования могут проявлять продуктивность лишь в подтипах с определенными, конкретными вторыми компонентами (ср. слова на *-пись*).

3. Наконец, продуктивный тип представляют сложные существительные первого склонения с нулевым суффиксом и вторым компонентом — основой существительного; словообразовательное значение — «носитель отношения к предмету, явлению, выраженному вторым компонентом и семантически конкретизируемому первым компонентом»; грамматический характер основ и их семантическое взаимоотношение — те же, что и в типе сложных прилагательных с нулевым суффиксом и вторым компонентом — основой существительного (типа *длинноногий*): ср. *долгопят* (название обезьяны), *дубонос* (птица), *носорог, тонконог* (растение), *чернослив, винтокрыл, толстосум, средневес, тяжеловес* («спортсмен среднего или тяжелого веса») и т. п. Следует отметить, что словоизменительная парадигма существительных, относящихся к этому типу, может не отличаться от парадигмы мотивирующих существительных, основа которых заключена во втором компоненте сложения, и, следовательно, перевода слова в другую парадигму в таких случаях нет: ср., например, *стреловист* (растение), *сухогруз* (вид грузового судна)²⁴. Этот тип также функционально тождествен некоторым сложносuffixальным типам (ср. *остроумец, чернорубашечник*). Характерны словообразовательные синонимы: *сквернослов, острослов* и *сквернословец, острословец* и т. п.

Единичны сложные существительные с нулевым суффиксом и таким же, как в предыдущем случае, грамматическим характером основ, но относящиеся к другим типам склонения: ср. *гололедъ, шилохвость* (название утки).

Смешанные способы словообразования — сложение в сочетании с нулевой суффиксацией и «сложносuffixальный» — противопоставлены в словообразовательной системе способу, который можно назвать «чистым» сложением. При этом способе словообразования в качестве второго компонента сложного слова выступает самостоятельное слово — существительное или прилагательное, а первый компонент носит уточняющий характер²⁵, например: *первоисточник, судомеханик, теплодача; взрывоопасный, износостойкий, жаропрочный, ударномеханический*.

*

Итак, систему способов «морфологического» словообразования имен существительных и прилагательных в русском языке можно представить в таком виде:

²⁴ Ср. «сложения с нулевой морфемой» (экзоцентрические) у Г. Марчанда, например: *pickpocket* «вор-карманник» (*pick* «выискивать», *rocket* «карман»; см.: Н. М а г с h a n d, указ. соч., стр. 14).

²⁵ Ср.: R. G r z e g o r c z y k o w a, Charakterystyka słowotwórcza polskich rzeczowników złożonych, «Poradnik językowy», 1963, 7, стр. 256.

I. Аффиксация.

1. Нулевая суффиксация.
2. Суффиксация.
3. Префиксация.
4. Префиксация в сочетании с нулевой суффиксацией.
5. Префиксально-суффиксальный способ.

II. Сложение.

1. «Чистое» сложение (второй компонент—самостоятельное слово).
2. Сложение в сочетании с нулевой суффиксацией.
3. Сложносуффиксальный способ.

(Две основные группы способов — аффиксация и сложение — противопоставлены по количеству мотивирующих основ: одна основа при аффиксации и больше — при сложении.)

Обращает на себя внимание сходство в слове префикса и первой части сложения: «чистое» сложение характеризуется теми же формальными и функциональными особенностями, что и «чистая» префиксация (использование в качестве исходной структуры целого слова, преобладание значений уточняющего характера). В смешанных способах словообразования префиксация и сложение употребляются в сочетании с одинаковыми средствами — суффиксами, нулевыми и материально выраженными. Такая функциональная близость префиксов и первых частей сложений очевидна в образованиях с одинаковой второй частью: ср., например, *безрукий* и *однорукий*, *длиннорукий*; *безводный* и *мелководный*; *запись*, *перепись* и *скорпись*, *живопись*; *привязь* и *коновязь* и т. д.

Таким образом, средства «морфологического» словообразования функционально противопоставлены в зависимости от того, находятся ли они в препозиции или в постпозиции по отношению к мотивирующей основе (при аффиксации) или к последней из мотивирующих основ (при сложении). Препозитивные словообразовательные средства — префикс или другая основа (основы) — не имеют классифицирующей функции, т. е. не связаны с определенной словоизменительной парадигмой и сохраняют в мотивированном слове ту же парадигму, что и в мотивирующем (исходная структура — целое слово). Постпозитивные словообразовательные средства — материально выраженный или нулевой суффикс — имеют классифицирующую функцию, т. е. всегда связаны с определенной парадигмой и часто изменяют парадигму мотивированного слова по сравнению с мотивирующим (исходная структура — основа). В обоих случаях постпозиции словообразовательных средств — и при материально выраженном суффиксе, и при нулевом суффиксе — изменение парадигмы (или, во всяком случае, отнесение слова к определенной парадигме) является функцией способа словообразования, а не самим этим способом.

Э. Р. ТЕНИШЕВ

О ЯЗЫКЕ КЫРГЫЗОВ УЕЗДА ФУЮЙ (КНР)*

Уезд Фуюй ¹, где живут кыргызы (кроме них — также китайцы, монголы, дагуры), расположен на север от Харбина в провинции Хэйлуцзян, занимающей северо-восточную часть Китайской Народной Республики. Кыргызов насчитывается 460 человек ², из них в селении Минцау сян компактно живут 227 человек (55 семейств); по роду занятий кыргызы — земледельцы. Сами себя люди старшего поколения называют *кыргыз*, а молодые — *тиртиз*, следуя китайскому произношению (*цзилицзис/цз'илицз'ис*)

Согласно преданию, бытующему среди стариков-кыргызов, их предки лет триста назад (т. е. во второй половине XVII в.) вышли из земель русского Алтая, перешли Хинганские горы и поселились на севере Китая в нынешней провинции Хэйлуцзян. С. М. Абрамзон, не ссылаясь на источник, сообщает о том, что кыргызы Фуюя были переселены «сюда из Синьцзяна при императоре Цянь Луне (1736—1796 гг.)», т. е. примерно лет двести тому назад ³. И в том и в другом случае речь идет, по-видимому, о поздней переселенческой волне кыргызов на места, уже занятые их родственниками ⁴.

Кыргызы старшего поколения пользуются своим языком более свободно, чем молодежь; как бы то ни было, язык этот в полном ходу у тех и у других. Ограниченность материала, которым я располагаю (немногим более 50 отдельных слов), определяет фрагментарность изложения: речь идет только о фонетике и отчасти о лексике. Для удобства печатания привожу слова в транскрипции М. Ху Джен-хуа и А. Токтарова: она основана на алфавите советских киргизов.

* Доклад, прочитанный на IV региональном совещании по тюркской диалектологии (г. Фрунзе, 27—30 V 1963).

¹ См. журнал «Национальности», № 10(76), 1961, стр. 10 (на уйг. яз.). Впервые о фуюйских кыргызах я услышал в ноябре 1956 г. при встрече с киргизскими товарищами в Аргуше (около Кашгара), когда все внимание было сосредоточено на изучении уйгурского языка. Через два года, готовясь к лекции по киргизскому языку, я вспомнил о фуюйских кыргызах. Поехать в Фуюй не представилось возможности, и я обратился за помощью к научным сотрудникам-киргизоведам кафедры тюркских языков Центрального института нацменьшинств Мухамеду Ху Джен-хуа и Абдукадыру Токтарову, которые за три года до этого записали небольшое число слов от приехавших в Пекин двух молодых кыргызов, уроженцев уезда Фуюй. М. Ху Джен-хуа и А. Токтаров рассказали мне то, что было им известно о фуюйских кыргызах и подарили свои записи, которые положены в основу этой работы.

² См.: «Жаңы жазууну үйрөнүү материалдары», Кызыл-Суу, 1957, стр. 11; С. М. Абрамзон, Кыргызы Китайской Народной Республики, «Изд. АН КиргССР». Серия обществ. наук, III, 2 (история), 1961.

³ С. М. Абрамзон, указ. соч., стр. 119.

⁴ Китайские источники указывают, что в конце XIII в. император Хубилай переселил кыргызские племена с енисейско-иртышского междуречья в западные районы северо-востока Китая и в местность около Цицикара. См. об этом: Е. И. Кычанов, Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке (публикация источников), «Изд. АН КиргССР». Серия обществ. наук, V, 1 (история), 1963, стр. 61, 62.

1. Фонетические особенности языка фуюйских кыргызов

А. Г л а с н ы е

1. С о с т а в г л а с н ы х. Гласные фонемы, которых в языке фуюйских кыргызов насчитывается восемь, делятся на переднерядные — *e, u, ø, y* — и заднерядные — *a, ы, o, y*.

В некоторых случаях реализуются гласные оттенкового характера. К ним относятся широкий переднего ряда *э* и полуширокий *e(ø)*. Широкий *э* возникает: 1) под ударением, например: *инэ́к* «корова», *э́э^хл* «приди!» (призвук ^х обозначает или гласную особого качества или придыхательный элемент у начального *э*); 2) под влиянием предыдущего смягченного согласного и воздействия ударения (*ка́р'э́к* «глаз»); 3) в особых условиях как субститут *ы* переднего оттенка (*э́рэх* «далеко; далекий»). Полуширокий *e(ø)* замещает *и*: *кечи́г* [кечи́г] «маленький».

2. Г а р м о н и я г л а с н ы х. В основах сильно действие губной гармонии: 1) после *o, y* первого слога последующий *a*, огубляясь, переходит в *у*: *козон* [қозон] «заяц», *омо́х* «чашка», *уно́х* «мука»; 2) после *у* первого слога последующий *a*, огубляясь, переходит в *у*: *тухул* «теленок» (ср. монг. *тугал*); 3) после *у* первого слога во втором слоге выступает *o* вместо *ы* или *у*: *тогос* [тоғос] «девять». В непервых открытых слогах *у* делябиализуется: *узи* «спи!», *узы* «длинный».

Б. С о г л а с н ы е

1. С о с т а в с о г л а с н ы х. Согласные фонемы в языке фуюйских кыргызов не требуют особой характеристики. Это губные *б, м*; переднеязычные *т, д, н, с, з, ш, ч, ж* [ж], *л, р*; среднеязычный *й*; заднеязычные *к, г*; увулярные *к[қ], х, г[ғ]*.

2. С о г л а с н ы е в н а ч а л е с л о в а встречаются как глухие, так и звонкие.

Начальные звонкие: 1) *б* — *бузег* «высокий», *бир* «один», *биш* «пять»; 2) *з* — *зетер* «север», *э́э^хл* «приди!», *гуштэг* «сильный»; 3) *д* — *дэрт* «четыре»; 4) *ж*[ж] — *жабзаг* [жабзаг] «низкий», *жол*[жол] «дорога», *жис* [жис] «медь», *жи*[жи] «ешь!»

Слово *ябал* [йабал] «плохой» вместо ожидаемого в начале звука *ж* произносится с *й*. По признаку начального *ж*[ж] язык фуюйских кыргызов относится к «джекающим» языкам.

Начальные глухие: 1) *к[қ]* — *кара*[қара] «черный», *қарақ* «глаз», *қатын* «женщина», *қол* «рука», *қудық* «колодец», *қызыл* [қызыл] «красный», *қымыз* «молоко»; 2) *с* — *семес* «жирный», *сарыг* [сарығ] «желтый», *суг* [суғ] «вода»; 3) *ш* — *шар* (монг.) «бык»; 4) *т* — *терген* (из монг.) «телега», *тус* «соль», *тогос* [тоғос] «девять».

3. С о г л а с н ы е в с е р е д и н е с л о в а. В срединной позиции слова могут быть и звонкие и глухие согласные.

Из срединных звонких следует отметить: 1) *з* — *козон* [қозон] «заяц», *бузег* «высокий», *узи* «спи!». В конце слога возможно оглушение *з*: *тогосэн* «сытый; пресыщенный»; в словах с этимологическим *з* согласный не оглушается: *қызыл* [қызыл] «красный», *узы* (< *узын-ы*) «длинный». Наличие *з* в срединной позиции является классификационным признаком: язык фуюйских кыргызов принадлежит к группе *з*-языков восточной ветви тюркской языковой семьи. Случай, когда в середине слова вместо *з* произносится *д*, отмечен всего лишь один раз — это слово *қудық* «колодец»: по-видимому, это заимствование. Именно в этом слове *д* сохраняется в срединной позиции и в других тюркских языках, например в узбекском и уйгурском: *қудуқ* «колодец», но узб. [қойон]/уйғ. [қойан] «заяц». 2) *г[ғ]* — *агыр* [ағыр] «тяжелый», *агыс* [ағыс] «рот» (в форме принадлежности *ақы* «его рот»); 3) *д* — *өдук* «сапоги».

Серединные глухие согласные: 1) *t* — *қатын* «женщина», *гетер* «север»; 2) *s* — *ысығ* [ысығ] «горячий», 3) *ç* — *кечиг* [кечиг] «маленький».

4. Согласные в конце слова. В конечной позиции слова, как в начальной и срединной, встречаются звонкие и глухие согласные.

Конечные звонкие: 1) *g*[ɣ] — *сарығ* [сарығ] «желтый», *суғ* [суғ] «вода», при этом параллельно употребляется еще и *суз*: по-видимому, конечный *g*[ɣ] имеет тенденцию к оглушению (например, *улуғ* «великий») Эта тенденция уравнивается прямо противоположной — соноризацией конечного увулярного глухого *q*: *ысығ* [ысығ] «горячий»; 2) *g* — *кечиг* [кечиг] «маленький». Заднеязычный глухой *q* в конечном положении, озвончаясь, переходит в *g*: *бузег* «высокий»; 3) *b* — *кеб* «одежда».

Конечные глухие: 1) *s* — *ағыс* [агыс] «рот» (в производной форме восстанавливается *z*: *ақыз* «его рот»), *жис* [жис] «медь; медный», *тус* «соль», *семес* «жирный», *тоғос*[тоғос] «девять». Исключение из этого правила ограничивается одним примером: *қымыз* «молоко»; 2) *k*[q] — *ак*[ақ] «белый», *қарәқ* «глаз», *қудық* «колодец». Конечный *q* производится с ослаблением смычки, в результате чего возникает спирант *x* (*омох* «чашка», *әрех* «далеко»); 3) *k* — *өдук* «сапоги», *инәк* «корова». Конечный заднеязычный *k* более устойчив, чем увулярный *k*[q]; 4) *ш* — *биш* «пять».

Конечные согласные в языке фуюйских кыргызов более подвержены фонетическим превращениям по сравнению с срединными или начальными.

5. Чередования согласных: 1) в конце слога *ш/ç*: *гуштәг* «сильный»; 2) в начале аффикса после переднеязычных происходит чередование *т/л*: *гуштәг* «сильный»⁵.

II. Лексические особенности языка фуюйских кыргызов

Из 53 слов 47 имеют соответствия в тюркских языках. У некоторых слов общетюркского ареала в языке фуюйских кыргызов изменилась семантика — она или расширилась, или сузилась, или стала совершенно иной: так, *унох* у фуюйских кыргызов означает «мука», хакасск. лит. *унах* «мелкий (некрупный), мелко», «десятичная дробь» (ХРСл., 249)⁶, в кызыльском диалекте, по данным А. Й. Йоки, — то же самое: «крошка, мелочь; мелкий»⁷.

Кыргызск. *қымыз* «молоко», ср. хакасск. и тувин. *хымыс* «кумыс, питье из кислого кобыльего молока» (РСл II, 853—854); напиток и термин известны многим тюркским народам, знали кумыс и древние турки; у фуюйских кыргызов, по-видимому, с переменной уклада жизни кумыс вышел из употребления, а термин стал означать молоко.

Части света фуюйские кыргызы передают словами *илгер* «юг», *гетер* «север», *асансар* «восток», *усансар* «запад». Древние турки *илгәру* использовали для обозначения «восток» (ПДТП, 380). Фуюйские кыргызы по

⁵ Как видно из этого примера, аффикс *-тәг* образует относительные прилагательные. В перечне слов можно выделить также аффикс *-гән*, посредством которого производится причастие прошедшего времени: *тоғәгән* «пресыщенный, сытый».

⁶ Здесь и ниже приняты следующие сокращения: ХРСл — Н. А. Баскаков, А. И. Ичкижеков, А. Г. Рекул, Хакасско-русский словарь, М., 1953; РСл — В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, I—IV, СПб., 1893—1911; МРСл — «Монгольско-русский словарь» под общ. ред. А. Лувсандэндэва, М., 1957; ТРСл — «Тувинско-русский словарь» под ред. А. А. Пальмбах, М., 1955; Верб. — В. Вербницкий, Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка, Казань, 1884; ПДТП — С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951.

⁷ А. J. Joki, Wörterverzeichnis der Kuzyl-Sprache, Helsinki, 1953, стр. 36 («Studia orientalia», XIX).

каким-то причинам изменили свою систему и, подобно монголам, стали ориентироваться на юг (монгольское влияние?).

Большая часть заимствований, усвоенных фуюйскими кыргызами и относящихся главным образом к области хозяйственных и бытовых представлений, является монгольской по своему происхождению. Таковы слова: *шар* «бык», ср. монг. *шар* «вол» (МРСл, 646), бурят-монг. *сар*, в тункинском говоре *алтайн шар* «монгольский бык» (Чер., 398); *терген* «телега», см. алт. *терген* (Верб., 350), др.-уйг. *тэргэн*⁸, сарыг-югурск. *терген* «колесо; телега»⁹, тув. *терге* (ТРСл, 394), ср. монг. *тэргэн* или *тэргэн* «телега» (МРСл, 443), бурят-монг. *тэргэ(н)* «телега, повозка, экипаж» (Чер., 469); *тухул* «теленок» — в турецк. *toklu* «годовалый ягненок», туркм. *токлы*, уйг. *тол* «теленок», ср. монг. *тугал* «теленок» (МРСл, 421), бурят-монг. *тугал* (Чер., 446), венг. *toklúb*, диалект *toklo* «годовалый ягненок» < булг. *toklyu*¹⁰; *иш* «кизяк», ср. монг. *шивх* «навоз» (МРСл, 649), бурят-монг. *шэбхэ* «прошлогодний навоз» (Чер., 709); *усансар* «запад», по-видимому, сложное слово, состоящее из *усан* + *сар*, где *ус(ан)* «вода, река» (МРСл, 463), *сар* «сторона, направление», ср. хакас. *сари* «сторона, бок» (ХРСл, 182), чагат. *сари* «сторона, направление; к». *Асансар* «восток» состоит из *асан* + *сар* (этимологию первого слова установить не удалось).

Будучи языком 3-группы, язык фуюйских кыргызов наиболее тесно связан с языками этой группы — хакасским, шорским и сарыг-югурским. Широкий *э*, имеющийся в языке кыргызов Фуюй, есть и в диалектах хакасского языка: в койбальском диалекте (теперь говор качинского диалекта) этот звук наблюдал А. Кастрен¹¹, в кызыльском диалекте — А. И. Йоки¹². Узкий начальный *и* (*ит* «мясо», *ибе* «дом», *биш* «пять») свойствен языку фуюйских кыргызов и хакасскому языку в целом (графически передается через *и*). В том и другом языках он восходит к древнему *ä*, как это установил недавно для хакасского языка М. Ряснен¹³. Но ближе всего язык фуюйских кыргызов к качинскому (и койбальскому) диалектам. В языке фуюйских кыргызов в начале слова возможны звонкие *б*, *г*, *д*, *ж*. В языке сагайцев, бельтиров, шорцев и кызыльцев в начале слова всегда глухие согласные; эта особенность как норма принята и в хакасском литературном языке. Но качинский диалект и его говоры составляют исключение из этого правила: начальные звонкие *б*, *д* и *ж* отмечались исследователями в койбальском и усть-абаканском говорах качинского диалекта, в говоре качинцев местности Алтай¹⁴. Д. И. Чанков, исследовавший согласные качинского и сагайского диалектов экспериментально, установил, что согласные качинского диалекта озвончены всегда несколько больше, чем соответствующие согласные в сагайском диалекте¹⁵.

⁸ С. Е. Малов, Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, «Зап. Ин-та востоковедения АН СССР», Л., 1932, стр. 143, 144.

⁹ С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров, Алма-Ата, 1957, стр. 118.

¹⁰ Z. Gombocz, Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in den ungarischen Sprachen, Helsinki, 1912, стр. 130.

¹¹ М. А. Castren, Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre, St. Petersburg, 1857, стр. 1, 4, 6, 80 и сл.

¹² J. Jokki, указ. соч., стр. 7.

¹³ См.: М. Räsänen, Die chakassische i-Laute, «Acta orient. Hung.», XV, 1—3, 1962, стр. 245—247.

¹⁴ См.: М. А. Castren, указ. соч., стр. 6, 116—119, 124—129; Н. Г. Доможанков, Описание кызыльского диалекта хакасского языка. Канд. диссерт., Абакан, 1948, стр. 40; А. И. Инкижикова, Сагайский диалект хакасского языка. Канд. диссерт., М., 1948, стр. 12; Д. Ф. Патачкова, Система звуков качинского диалекта, «Уч. зап. [Хакасск. НИИЯЛИ]», VII, Абакан, 1959, стр. 50—51.

¹⁵ Д. И. Чанков, Согласные хакасского языка, Абакан, 1957, стр. 17—68.

Необходимо отметить устойчивое произношение увулярного ɣ в начальной позиции в языке кыргызов Фууй, а также в качинском и койбальском¹⁶. Конечный увулярный $\text{ɣ}[\text{ɣ}]$ в языке кыргызов Фууй подвергается сильному оглушению; такую же особенность Д. И. Чанков наблюдал в качинском диалекте¹⁷.

Близость в языковом отношении кыргызов Фууй и качинцев может быть объяснена этно-генетическими причинами: известно, что в конце XVI и в XVII в. енисейские кыргызы были господствующей группой среди угорских, самоедских и тюркоязычных племен на территории современной Хакасии¹⁸. Сопоставляя этот факт и предания фуюйских кыргызов, можно высказать предположение, что фуюйские кыргызы — осколок енисейских кыргызов; отделение их от основной киргизской народной массы произошло, как указывается в предании, во второй половине XVII в. Топоним *Алтай*, называемый в предании как прародина фуюйских кыргызов, надо отождествлять не с Алтайским краем, а с местностью Алтай, населенной качинцами и койбалами, что на крайнем востоке Хакасской автономной области, юго-восточнее Абакана.

Принимая высказанное выше предположение о происхождении фуюйских кыргызов, мы тем самым получаем возможность судить о языке енисейских кыргызов XVI—XVII вв. по языку их потомков — кыргызов уезда Фууй. Это был *з*-язык. Взаимодействуя и вытесняя языки различных племен, он дал в конце концов современный хакасский язык со всеми его диалектами. Через кызыльский диалект хакаского языка язык енисейских кыргызов участвовал в формировании языка чулымских тюрков (среднечулымский диалект)¹⁹, который А. П. Дульзон склонен рассматривать как один из периферийных диалектов хакаского языка²⁰.

От шорского языка язык кыргызов Фууй отстоит несколько дальше, чем от хакаского. В языке шорцев (мрасский диалект) начальные согласные только глухие — *ч, н, т*, в языке фуюйских кыргызов, наоборот, звонкие — *ж, б, д*. В шорском языке, как и в качинском диалекте хакаского языка, в начале и конце слов сохраняется глухой смычный увулярный ɣ . В этом пункте язык фуюйских кыргызов сближается с шорским языком, но расходится с шорским диалектом хакаского языка, где смычный ɣ под хакасским влиянием замещен спирантом *з*.

С языком сарыг-югуров (провинция Ганьсу КНР) язык фуюйских кыргызов сближается наличием согласных *р, з* в середине и конце слов, а также увулярного ɣ в начальном и конечном положении. В то же время сарыг-югурский язык резко отличается от языка фуюйских кыргызов возможностью *й*-протезы в начале слов с узкими гласными (*йет/йит* «мясо», *йу* «дом»)²¹, отличается он также и начальными глухими *п, т, қ, к*; конечные *с* и *з* колеблются в произношении: часть слов имеет *с* на конце, часть — *з*.

¹⁶ См.: Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул, Фонетические особенности хакаского языка и его диалектов, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», IV, 1954, стр. 333; М. А. Састрен, указ. соч., стр. 96—97.

¹⁷ Д. И. Чанков, указ. соч., стр. 59.

¹⁸ Л. П. Потапов, Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), Абакан, 1952, стр. 48—54; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960. См. также: С. Д. Майнагашев, Отчет о поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии летом 1914 г., стр. 127.; W. Radloff, Aus Sibirien, 2. Aufl., Leipzig, 1893, стр. 210.

¹⁹ См.: А. П. Дульзон, Чулымские татары и их язык, «Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та», IX, 1952, стр. 126—183.

²⁰ А. П. Дульзон, Тюрки Чулыма и их отношение к хакасам, «Уч. зап. [Хакасск. НИИЯЛИ]», VII, стр. 101—102.

²¹ См.: С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров, стр. 159.

С кыргызской языковой стихией, кроме названных выше, связаны еще два языка, относящихся уже к западной ветви тюркских языков — лобнорский (на востоке Синьцзяна) и киргизский (Киргизская ССР и Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). Эти языки в настоящее время являются *й*-языками (*айақ* «нога», *қойон* «заяц», *қой* «положи!»), но тем не менее сохранили и черты, свойственные языку фуюйских кыргызов.

В языке лобнорцев, очень близком по многим своим особенностям к киргизскому языку, заметно влияние языка окружающего уйгурского населения. Это сказывается в наличии начального *й*, в чередовании *й/р*, в замещении конечного звонкого *р* глухим *к* и др. По исключению этих инноваций оказывается, что лобнорский язык раньше генетически был весьма близок к языку фуюйских кыргызов. От предшествующего периода лобнорский язык сохранил звонкий *б* в начале слов, вульгарный звонкий *р* на исходе слов и первичный глухой смычный *к* в начальном и конечном положении. Эти черты являются общими и для лобнорского языка и для языка фуюйских кыргызов. На крайнем западе кыргызского языкового ареала находится современный киргизский язык.

В языке фуюйских кыргызов в начале слов неизменно выступает *ж*, в киргизском языке в этом случае *ж/й*, причем в южных говорах колебаний больше, чем в северных²², т. е. язык кыргызов уезда Фуюй приближается этой своей особенностью к северным говорам. По признаку начальных звонких *б*, *д*, *г* язык фуюйских кыргызов сближается с северными говорами, по наличию срединного звонкого *з* (в словах типа *қызыл* «красный») — частью с северными, частью — с южными говорами, по признакам звонкого конечного *з* — с южными говорами, глухого конечного *с* — с северными говорами, по наличию широкого *э* — с южными говорами киргизского языка²³. Язык фуюйских кыргызов несколько ближе к группе северных, чем к группе южных говоров киргизского языка. Близость эта объясняется тем, что южные говоры киргизского языка претерпели в СССР — узбекское, а в КНР — уйгурское влияния, лингвистически в общем сходные; северные же говоры больше сохранили старый облик.

Язык фуюйских кыргызов по существу представляет, таким образом, язык енисейских кыргызов XVI—XVII вв. Енисейские кыргызы говорили на языке, который восходит к древнекыргызскому разговорному языку IX—XI вв. Можно предполагать, что кыргызская народная языковая традиция в течение трех-четырех веков до монгольского завоевания не прерывалась. Подтверждением этому может служить наличие термина *ажо* со значением «верховный правитель» у кыргызов на Енисее в IX в. (по китайским источникам) и с семантикой «судья» у енисейских кыргызов XVII — начала XVIII вв. (по русским источникам)²⁴. В анналах «Синь Тан шу» (XI в.) в главе 217, посвященной кыргызам, приводится в китайской транскрипции несколько кыргызских слов, которые встречаются и у фуюйских кыргызов: *қатун* «женщина, знатная дама» (у кыргызов Фуюй — *қатын*), *қя-са* или *цзя-ша* «железо» — Л. Лигети трактовал второе слово как *қаша/қаш* в том же значении «железо» и находил подтверждение этому толкованию в киданьск. *хо-шу* и дагур. *ха-су*²⁵. В. Шотт

²² Э. Абдулдаев, Ж. Мукамбаев, Кыргыз диалектологиясынын очерки, Фрунзе, 1959, стр. 75—76.

²³ К. К. Юдахин, Итоги и задачи изучения киргизских диалектов, «Груды Ин-та языка и лит-ры [АН КиргССР]», VI, Фрунзе, 1956, стр. 53—54.

²⁴ В. В. Бартольд, Киргизы, Фрунзе, 1943, стр. 19—20; Л. П. Потапов, указ. соч., стр. 54.

²⁵ L. Ligeti, Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, «Acta orient. Hung.», I, 1, 1950, стр. 150.

сближал это слово с самодийск. *куес*, *йёсеа* и указывал на возможность его родства с команск. *йӱс* «медь»²⁶. Поскольку по-китайски тюркский звук *ж* передается посредством *цз*, вернее было бы думать, что китайская транскрипция отражает фактически не команскую, а специфически кыргызскую форму этого термина — *жэс*, сохранившуюся в языке фуюйских кыргызов. По-видимому, язык кыргызов Фуюй удержал много древнего и фонетически очень близок к разговорному языку древних кыргызов. Ретроспективно можно предполагать, что язык древних кыргызов был, как и язык фуюйских кыргызов, *з*-языком²⁷ с «джеканьем» в начале слова. Глухие и звонкие согласные различались в начале, середине и конце слов. Такой тюркский фонетический тип, сохранившийся теперь только в языках юго-западной группы, следует признать очень древним, а именно — принадлежащим к пратюркскому хронологическому уровню. Указание в «Синь Тан шу» (глава 217) о том, что письмо и язык кыргызов таковы же, как у уйгуров, надо понимать в том смысле, что кыргызы пользовались не уйгурской письменностью (адаптацией согдийской графики), а письмом более древним — руническим, которое употребляли уйгуры в период их жизни в Монголии в соседстве с кыргызами²⁸. Письменный язык древних кыргызов известен нам по памятникам рунического письма на берегах Енисея и территории Тувы²⁹. Кыргызы воспринимали этот *д*-язык как в известной мере уже архаичную форму и в качестве таковой для торжественности употребляли в эпитафиях. Вместе с кыргызами этим языком, конечно, могли пользоваться также и другие родственные им тюркоязычные племена³⁰. В быту же при общении в ходу был народно-разговорный язык кыргызов. «Непосредственно развиваться из языка енисейских надписей», как это думал А. Н. Бернштам³¹, он не мог.

Можно наметить три периода в развитии древнекыргызского языка.

1. Енисейско-монгольский, датируемый VII—XII вв. Можно предполагать, что в конце этого периода (XI—XII вв.) язык кыргызов подвергся смешению с языком кыпчакских племен³².

В середине IX в. кыргызы покорили уйгурский каганат в Монголии. Кыргызский *з*-язык, естественно, оказал воздействие на *д*-язык уйгуров. Часть уйгуров со смешанным *з*-языком переселилась на территорию северного Китая (провинция Ганьсу). Там уйгурский язык, развиваясь в контакте с китайским и монгольским языками, сформировался в современный сильно смешанный язык сарыг-югуров, обитающих ныне недалеко от города Цзюцзюань³³.

²⁶ W. Schott, Ueber die ächten Kirgisen, «Abhandl. der Königl. Akad. der Wissenschaften zu Berlin», Berlin, 1865, стр. 442; В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 36.

²⁷ Тюркский филолог XI в. Махмуд Кашгарский современный ему кыргызский язык, к сожалению, не указывает ни в группе *а*-, ни в группе *д*-, ни в группе *й*-языков. См.: В. Аталяу, Divanü lûgat-it-türk tercümesi, I, Ankara, 1932, стр. 32; К. Brockelmann, Mahmud al-Kašgharî über die Sprachen und Stämme der Türken im 11 Jahrhundert, «Kőrösi Csoma-Archivum», I, 1, Budapest, 1921, стр. 26—40.

²⁸ В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 34—35.

²⁹ См.: С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952.

³⁰ Там же, стр. 7.

³¹ А. Н. Бернштам, Истоки киргизской литературы, «Труды ИЯЛИ Кирг ФАН СССР», I (1944), 1945, стр. 80.

³² См.: Е. И. Убрятова, Вопросы диалектологии тюркских языков, сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков», III, Баку, 1963, стр. 86; Е. И. Кычанов, указ. соч., стр. 62—65; К. И. Петров, К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв., Фрунзе, 1961, стр. 4—5, 98—103 и др.

³³ С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров, стр. 6. См. также: К. М. Патачак, Родовой состав и предания о происхождении бельтиров, «Уч. зап. [Хакасск. НИИЯЛИ]», VII, стр. 132.

На территории современной Хакасско-Минусинской котловины кыргызы столкнулись с угорскими, самодийскими, кетскими и тюркоязычными племенами³⁴. Возобладал в общем язык кыргызов, но и он, конечно, усвоил некоторые особенности растворившихся в нем языков. Эта языковая среда явилась основой современных хакасского, шорского языков и языка чулымских тюрков³⁵.

В этот же период киргизский язык участвовал в известной степени в формировании тувинского языка, о чем можно предполагать на основании того факта, что в этнический состав тувинцев вошел род «кыргыз».

2. Алтайский период, датируемый XIII—XIV вв. Часть кыргызов под натиском монголов переселилась на территорию южного Алтая. Здесь киргизский язык разделил судьбу, общую у него с языком алтайских племен (южные диалекты). Тесное взаимодействие с языком кыпчакских племен продолжалось и в этот период. Кыргызский язык постепенно принял облик типично западного *й*-языка³⁶. Выработались, с одной стороны, сходные особенности, сближающие современный алтайский и киргизский языки³⁷, и, с другой, выработались дифференциальные признаки, свойственные каждому из языков.

В этот период (может быть, в самом начале его) образовалось языковое единство кыргызов и предков современных лобнорцев (на Алтае? — в Монголии?). Оно распалось после того, как последние откочевали в район северного Сынъзьяна и на берега оз. Лобнор.

3. Тянь-Шаньский период, датируемый XV—XVI вв. Кыргызы переселяются к горам Тянь-Шаня. Здесь, впитывая местные лингвистические элементы, формируется современный общенародный киргизский язык во всем многообразии его диалектов. Мы присоединяемся к заключению Б. М. Юнусалиева о том, что современный киргизский язык складывался в течение длительного времени, проходя ряд этапов, начиная с енисейского³⁸.

Таким образом, народный разговорный язык древних кыргызов сыграл важнейшую роль в сложении многих тюркских языков Южной Сибири и Центральной Азии. Углубленное изучение языка фуюйских кыргызов, прямых наследников древнекыргызского языка³⁹, поможет детально определить этот процесс.

³⁴ Л. Р. Кызласов, К вопросу об этногенезе хакасов, там же, стр. 73, 78, 86.

³⁵ А. П. Дульзон, Тюрки Чулыма и их отношение к хакасам, стр. 160.

³⁶ О роли *й*-языка в истории тюркских языков см.: С. Е. Малов, Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии, ИАН ОЛЯ, 1947, 6, стр. 478—480.

³⁷ К. И. Петров, указ. соч., стр. 68, 87; Б. М. Юнусалиев, К вопросу о формировании общенародного киргизского языка, «Труды ИЯЛ [АН КиргССР]», VI, 1956, стр. 24—38.

³⁸ Б. М. Юнусалиев, указ. соч., стр. 43—44; его же, Проблема формирования общенародного киргизского языка, ВЯ, 1955, 2, стр. 41.

³⁹ По словам Б. И. Панкратова, он встречал грушу кыргызов с *з*-языком также и в Хайларе, что сравнительно близко к уезду Фуюй.

СПИСОК СЛОВ ФУЮЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

(по записи М. Ху Джен-хуа и А. Токтарова)

<i>аба</i>	«отец»	<i>козон</i>	«заяц»
<i>агыр</i>	«тяжелый»	<i>кол</i>	«рука»
<i>агыс</i>	«рот»	<i>кудык</i>	«колодец»
<i>акыы</i>	«его рот»	<i>кызыл</i>	«красный»
<i>ак</i>	«белый»	<i>кымыз</i>	«молоко»
<i>асансар</i>	«восток»	<i>омоx</i>	«чашка»
<i>бир</i>	«один»	<i>оdуx</i>	«сапоги»
<i>биш</i>	«пять»	<i>сарыг</i>	«желтый»
<i>бүзөг</i>	«высокий»	<i>сегмес</i>	«жирный»
<i>гэ^xл</i>	«приди!»	<i>суг</i>	«вода»
<i>гетер</i>	«север»	<i>суг</i>	«вода»
<i>гуштэг</i>	«сильный»	<i>терген</i>	«телега»
<i>дэрт</i>	«четыре»	<i>тогос</i>	«девять»
<i>жабааг</i>	«низкий»	<i>тоггэн</i>	«пресыщенный, сытый»
<i>жи</i>	«ешь!»		«соль»
<i>жис</i>	«медь»	<i>тус</i>	«теленок»
<i>жол</i>	«дорога»	<i>тухул</i>	«спи!»
<i>ибе</i>	«дом»	<i>узи</i>	«длинный»
<i>илгер</i>	«юг»	<i>узгы</i>	«великий»
<i>инэк</i>	«корова»	<i>улух</i>	«мука»
<i>иш</i>	«князяк, навоз»	<i>унох</i>	«масло»
<i>ит</i>	«мясо»	<i>ус</i>	«запад»
<i>кара</i>	«черный»	<i>усансар</i>	«бык»
<i>карэк</i>	«глаз»	<i>шар</i>	«жаркий, горячий»
<i>катын</i>	«женщина»	<i>ысыг</i>	«далеко»
<i>кеб</i>	«одежда»		«плохой»
<i>кечиг</i>	«маленький»	<i>эрег</i>	
		<i>ябал</i>	

Н. В. КОСЕК

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ

Под лексической сочетаемостью понимается такая валентность слов, которая не зависит от грамматической характеристики и может быть определена «согласованием» на уровне смысла¹. Для выявления специфических черт лексической сочетаемости слов следует рассматривать конструкции, изофункциональные с синтаксической точки зрения². Сочетаемость каждого отдельного слова внутри заданной синтаксической структуры зависит от частичного совпадения/несовпадения семем³ соседних слов. Если представить семему в виде набора сем (элементарных смыслов, семантических множителей), то вопрос о лексической сочетаемости слов сведется к подбору таких синтагм⁴, соседние члены которых имеют хотя бы один общий семантический множитель.

Ввиду многоплановости дифференциальных семантических признаков, входящих в состав сем различных слов языка, ограничимся рассмотрением простейшего случая — такого, когда элементы выбранной формальной структуры входят в одно семантическое поле.

Проанализируем с точки зрения сочетаемостного потенциала трехчленные предложные словосочетания с глаголами движения (точнее, с «глаголами перемещения»⁵) в современном болгарском литературном языке (переносные и идиоматические значения не рассматриваются). Это синтаксически однородные словосочетания типа: *отивам в града, пълзя по равнината, лутам се из баирите* и т. д.

Обозначив первый член конструкции (глагол) через *K*, второй член (предлог) через *L* и третий член (имя) через *M*, можно записать структуру исследуемых словосочетаний в виде *KLM*. Класс глаголов перемещения задается перечислением (всего проанализировано 52 бесприставочных и 146 приставочных глаголов); класс предлогов включает 20 наиболее распространенных пространственных предлогов (задается перечислением); третий член конструкции — зависимое имя — задается указанием свойств (пространственных измерений).

Таким образом, анализируемая конструкция *KLM* по условию состоит из таких трех элементов, которые принадлежат к одному и тому же семантическому полю пространства. Вопрос о формальном выделении единиц, составляющих одно семантическое поле, в данной работе не ставится. Некоторые методы его решения были предложены, например, в докладах

¹ См.: А. Жолковский, О правилах семантического анализа, сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 8, 1964.

² Ср.: Е. Курилович, Очерки по лингвистике, М., 1962, стр. 190.

³ Термины «семема» и «лексема» употребляются в значении, предложенном Н. И. Толстым в статье «Из опытов типологии славянского словарного состава» (ВЯ, 1963, 1).

⁴ «Синтагма» понимается в смысле Ф. де Соссюра («Курс общей лингвистики», М., 1933, стр. 121).

⁵ См.: А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, II — Морфология, Братислава, 1960, стр. 310 и сл.

на московской конференции, посвященной проблеме формализации семантики языка ⁶.

Анализ языкового материала показывает, что даже в пределах константной синтаксической структуры, элементы которой входят в одно семантическое поле, сочетаемость слов не является произвольной. Так, например, в современном болгарском литературном языке отсутствуют словосочетания типа *отивам от майка му* или *вървя след полето*.

Представляется, что описание лексической сочетаемости с точностью до отдельного слова связано с наличием или отсутствием у семем соседних слов семантических дифференциальных признаков, релевантных в пределах данного семантического поля. Синтагматические свойства каждого из рассматриваемых слов определяются структурой *KLM*. Глагол предсказывает с определенной степенью вероятности⁷ появление того или иного предлога, имя в свою очередь предсказывает появление одного из возможных предлогов, а предлог, в силу своего срединного положения в конструкции, предсказывает как появление глагола, так и имени: глагол ↔ предлог ↔ имя.

Так как предлог играет в рассматриваемом словосочетании роль связующего звена, то при анализе сочетаемостных возможностей членов конструкции следует начинать с выяснения его специфических характеристик на парадигматической оси. При этом естественно предположить, что в каждой фиксированной конструкции семема предлога должна включать как сему, характеризующую соответствующий класс семем глаголов, так и сему, входящую в состав семемы имени.

Если графически изобразить сему, входящую в состав семемы глагола данной конструкции, знаком ∇ , а сему, включенную в состав семемы имени, знаком \blacktriangle , то семема предлога, допустимого в данном конкретном словосочетании, должна включать семы ∇ и \blacktriangle , что графически можно представить в виде: $\nabla - \square - \blacktriangle$. Под семемой предлога здесь понимается его структурное и сигнификативное значение⁸.

Путем анализа языковых оппозиций на парадигматической оси устанавливаем для идентификации семем пространственных предлогов следующие дифференциальные признаки, принимающие от одного до трех значений, каждое из которых исключает все остальные.

I. Характер движения

- (a) приближение к точке отсчета
- (b) удаление от точки отсчета
- (c) ненаправленное движение

II. Положение конечной точки движения

- 1. Отношение к внутренней/внешней части пространства
 - (d) эксклюзивность
 - (e) инклюзивность
 - (f) соприкосновение с поверхностью⁹
- 2. Отношение к замкнутому/незамкнутому пространству¹⁰
 - (g) отношение к замкнутому пространству
 - (h) отношение к пространству, ограниченному с двух сторон

⁶ См., например: Ю. Д. Апресян, Некоторые функции модели построения лексических классов, «Доклады московской конференции», М., 1964.

⁷ Например, в словосочетании *отивам в гората* глагол *отивам* предсказывает появление предлога *в* в числе других (таких, как *към, до* и т. д.), но не предлога *от*.

⁸ См. определение значения предлога как «конкретного смыслового отношения между понятиями» в статье Н. Н. Леонтьевой и С. Е. Никитиной «Опыт описания семантики предлогов» («Машинный перевод и прикладная лингвистика», 8, 1963, стр. 162).

⁹ Значение признака *f* задается как независимое от значений признаков *d* и *e*.

¹⁰ В языке пространство может мыслиться как ограниченное.

3. Отношение к границе

- (i) пересечение границ пространства
- (j) отношение к границе без ее пересечения

4. Пространственные отношения по вертикали

- (k) выше точки отсчета
- (l) ниже точки отсчета

5. Пространственные отношения по горизонтали

- (m) спереди от предмета
- (n) сзади от предмета

III. Отношение к движущимся предметам

- (o) отношение к удаляющемуся предмету
- (p) отношение к приближающемуся предмету

IV. Дискретность во времени ¹¹ (q)

Перечисленные дифференциальные признаки дают возможность представить любую семему предлога в виде индивидуального набора сем (наборы сем записываются в виде конъюнктивных формул; дизъюнкция обозначает варианты).

$на = f(a \vee c) \vee d. a$
 $в = e(a \vee c)$
 $(в)сред = e.g. c \vee dh.c^{12}$
 $по = c.q.f \vee q(a \vee c)^{12}$
 $из(низ) = c.q.f$
 $през = i.c$
 $между = d.h(a \vee c)^{12}$
 $(край)покрай = d(c \vee a)$
 $под = l. d.(a \vee c)^{13}$
 $над = k.d(a \vee c)$
 $пред = m.d(a \vee c)$

$зад = n.d(a \vee c)$
 $след(подир) = n. d. o(a \vee c)$
 $към = d(a \vee c)$
 $накъм = d.a$
 $при, у = d(a \vee c)$
 $от = b(d \vee e \vee f)$
 $откъм = b.d$
 $върху = f.k(a \vee c)^{14}$
 $срещу = a.p.d$
 $до = d.f(a \vee c) \vee d.a$
 $около = d. g.c \vee c.d$

Семемы глаголов перемещения образуют в парадигматическом плане свою специфическую структуру, включающую в числе других сем признаки *a, b, c*. Сочетаемость глагола с предлогом (часть *KL* структуры *KLM*) зависит от наличия/отсутствия в семемах каждого из них признаков *a, b, c*. В зависимости от комбинации этих признаков все глаголы перемещения могут быть разбиты на следующие четыре класса ¹⁵:

K_1 — отивам тръгвам K_2 — тичам K_3 — ходя вървя минавам ида бягам пълзя припкам пътувам лазя скачам мъкна се	$\left. \begin{array}{l} \} a \\ \} a \vee c \\ \} a \vee b \\ \} \vee c \end{array} \right\}$	K_4 — лутам се бродя скитам (се) шаря шетам гагая въртя се разхождам се търкалям се блуждая	$\left. \begin{array}{l} \} \\ \} \\ \} \\ \} \\ \} \\ \} \\ \} \\ \} \\ \} \\ \} \end{array} \right\} c$
---	--	--	---

¹¹ О необходимости пространственно-временной характеристики движения см., например: С. Э. Хайкин, Физические основы механики, М., 1962, стр. 34; ср. V. B r ø n d a l, Théorie des prépositions, Copenhagen, 1950, стр. 24—25.

¹² С именем во мн. числе.

¹³ Предлоги *под* и *над* сочетаются с ограниченным кругом глаголов и имен и в данной статье не будут рассматриваться специально.

¹⁴ В словосочетаниях с глаголами перемещения этот предлог употребляется редко и в специфических контекстах.

¹⁵ В целях сокращения здесь перечислены только наиболее употребительные бесприставочные глаголы (основа глагола *отивам* подверглась переразложению).

Как было выяснено, сочетаемость классов K и L зависит от наличия в их семемах общих признаков a, b, c ; сочетаемость членов конструкции L и M зависит от наличия сем i, e, f, d, o, p, q . В зависимости от способов выражения пространственных отношений класс имен может быть разбит на следующие подклассы:

M_1 — имена, обладающие тремя пространственными измерениями, т. е. те, которые мыслятся в языке как имеющие объем. Кроме имен типа *град, къща, стая*, сюда относятся имена с вещественным значением.

M_2 — имена с двумя измерениями, ассоциирующиеся с представлением о плоскости: *равнина, пазар*.

M_3 — имена, мыслящиеся как имеющие одно измерение: *линия, граница, врата*.

M_4 — имена нулевого измерения, мыслящиеся как точка.

Подкласс M_4 следует разбить на ряд подклассов второго порядка: M_4^1 — «маленькие предметы»: *портрет, дърво, камък*, т. е. такие, которые не могут служить местом движения; M_4^2 — движущиеся предметы; M_4^3 — имена, обозначающие одушевленные предметы; M_4^4 — имена, обозначающие название процесса и частей света: *екскурзия, работа, север*.

Имена группы M_1 (три измерения) могут сочетаться с предлогами, семемы которых включают семы i, e, f , а также со всеми эксклюзивными (признак c), за исключением *след, срещу, при* и y , так как их специфические парадигматические признаки необходимо предсказывают появление классов M_4^1 и M_4^3 . Имена группы M_2 сочетаются с предлогами, семемы которых включают семы i, f и d с вышеназванными исключениями.

Имена группы M_3 сочетаются с предлогом, включающим признак i , и редко — с предлогом, обладающим признаком q , а также с эксклюзивными (c вышеназванными ограничениями). Все подгруппы имен класса M_4 способны сочетаться только с теми предлогами, в состав семем которых входит признак d .

Так как среди класса глаголов выделено четыре подкласса, а среди имен семь подклассов, то, очевидно, класс пространственных предлогов следует разбить на 11 подклассов, учитывая сочетаемость предлогов как с левым, так и с правым членами словосочетания:

L_1 — на	L_6 — към, до, край
L_2 — в	L_7 — след, подир, срещу
L_3 — сред, около	L_8 — между
L_4 — по, през	L_9 — при, у
L_5 — от, откъм	L_{10} — из (нига)
	L_{11} — пред, зад

Используя знаки \cdot (конъюнкция) и \vee (взаимоисключающая дизъюнкция) и приписывая им вместо значений «истина» и «ложь» значения «существует» и «не существует», можно записать формулу заданной структуры KLM . Подставляя в нее любой из членов названного класса, получим реально существующие в современном болгарском литературном языке словосочетания рассмотренного типа.

Например для подкласса глаголов K_1 имеем: $\{[K_1 \cdot (L_2 \vee L_4 \vee L_6) \cdot M_1] \vee [K_1 \cdot (L_1 \vee L_4 \vee L_6) \cdot M_2] \vee [K_1 \cdot (L_4 \vee L_6) \cdot M_3] \vee [K_1 \cdot (L_6 \vee L_8) \cdot M_4^1] \vee [K_1 \cdot (L_6 \vee L_7 \vee L_8) \cdot M_4^2] \vee [K_1 \cdot (L_6 \vee L_7 \vee L_8 \vee L_9) \cdot M_4^3] \vee K_1 \cdot L_1 \cdot M_4^4\} = KLM$.

Интерпретируя формулу, получаем, например, для глагола *отивам*:

отивам в гората, в селото, в кулата, в стаята...
*отивам по горите, по селата, по кулите, по стаите*¹⁶...

¹⁶ Подобные конструкции встречаются редко, но игнорировать их нельзя — ср., например, у Кр. Григорова: «... отивахме по селата» («Занаят», 1959, стр. 21), а также у Йовкова: «Приключенията на Героломов», 1949, стр. 9.

отивам през гората, през селото, през кулата, през стаята...
отивам към, до, край гората, селото, кулата, стаята...
отивам на равнината, на булеварда, на площада...
отивам през равнината, през булеварда, през площада...
отивам по равнините, по булевардите, по площадите...
отивам към, до, край равнината, булеварда, площада...
отивам през границата, през линията, през оградата...
отивам по границите, по линиите, по оградите...
отивам към, до, край дървото, портрета, камъка...
отивам между дърветата, портретите, камъните...
отивам към, до, край колата, детето, хората...
отивам срещу, след, подир колата, детето, хората...
отивам между колите, децата, хората...
отивам към, до, край жената, гостите, тях...
отивам срещу, след, подир жената, гостите, тях...
отивам между жените, гостите, тях...
отивам при, у жената, гостите, тях...
отивам на разходка, на север, на гости (только нечленная форма)

Реальность словосочетаний, порождаемых приведенной формулой, подтверждена материалами «Словарного архива Института болгарского языка Болгарской академии наук» и экспериментами в болгарской языковой среде.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

АВТОМАТИЗАЦИЯ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

В предисловии к книге Х. Майера «Статистика немецкого языка»¹ указывается, что автор потратил 40 лет на проведение необходимых статистических подсчетов и выражается уверенность, что следующая книга такого рода будет написана уже с помощью электронных цифровых вычислительных машин (ЭЦВМ). До сегодняшнего дня большая часть времени лингвиста уходит на чисто механическую работу, и эта работа подобна «огромной стене, которую исследователь воздвиг между собой и текстом; она служит оправданием того, почему он не думал о самом тексте»².

Применение ЭЦВМ в лингвистике влечет за собой последствия, важность которых нельзя недооценивать. Творческая энергия лингвиста освобождается, а секретарская работа по собиранию лингвистических данных, по их обработке в соответствии с определенной инструкцией передается ЭЦВМ.

Это означает широкие возможности выдвижения и испытания на большом количестве материала новых лингвистических теорий; быстрое создание словарей различного объема и назначения;

¹ H. Meier, Deutsche Sprachstatistik, 1—2, Hildesheim, 1964.

² P. Guiraud, La mécanique de l'analyse quantitative en linguistique, сб. «Études de linguistique appliquée», 2, Paris, 1963, стр. 45; ср. следующее высказывание о статистических работах, проводимых вручную: «Эти задачи, как и многие другие, для разрешения которых необходимо значительно больше времени, чем способностей, требуют многих лет — даже целой жизни — усилий исследователя. К сожалению, результаты всего этого труда часто оказываются ничтожными, или их значение преувеличивается, так как автор хочет, чтобы все оценили проделанный им титанический труд. В худшем случае такие работы становятся самоцелью и дают в результате огромные статистические списки, которые ничего, кроме настойчивости автора, не доказывают». W. S. Collins, A new tool for musicology, «Music and letters», 1965, 46, 2, стр. 122.

привлечение к исследованию огромных массивов текстов и т. д.

Наряду с этим пользование ЭЦВМ оказывает обратное воздействие на лингвистику, способствуя устранению всякой расплывчатости и неясности в работе, вызывая необходимость в четком осознании и формулировке целей, задачи и процедур исследования³. ЭЦВМ «делает возможным предельно объективное испытание формулировок, со строгостью, которая была ранее недостижимой»⁴. Поэтому лингвистическое исследование, предназначенное для выполнения на ЭЦВМ, должно отличаться последовательностью, полнотой и простотой⁵. ЭЦВМ применяются при разрешении таких лингвистических задач, которые выражены в виде последовательности логических операций, но громоздки по количеству обрабатываемого материала⁶.

Перечислим некоторые из них⁷: 1) со-

³ См.: И. А. Мельчук, Автоматический анализ текстов (на материале русского языка), сб. «Славянское языкознание», М., 1963, стр. 500.

⁴ S. M. Lamb, The digital computer as an aid in linguistics, «Language», XXXVII, 3, 1961.

⁵ См.: P. L. Garvin, The impact of language data processing on linguistic analysis, «Proceedings of the IX International congress of linguists», The Hague, 1964.

⁶ См.: Г. П. Мельников, О возможности автоматизации лингвистических исследований, «Тезисы совещания по математической лингвистике», Л., 1959.

⁷ Существует еще несколько задач прикладного характера: машинный перевод (превращение естественного языка N_1 в другой естественный язык N_2), автоматическое индексирование (превращение естественного языка N_1 в искусственный язык A), автоматическое реферирование (отображение текста на естественном языке N_1 на самого себя). Для решения этих задач необходима обширная информация о языке, получаемая путем выполнения более простых лингвистических задач, рассматриваемых в настоящем обзоре. Поэтому обсуждаемые

ставление частотных словарей; 2) составление алфавитных словарей (обычных и обратных); 3) составление словоуказателей к текстам (конкордансов); 4) количественное исследование стиля данного автора, сравнение текстов; 5) исследование вероятностного изменения языковой модели во времени; 6) оценка степени родства языков; 7) дешифровка текстов; 8) грамматический анализ текста на основе модели грамматики, преварительно разработанной лингвистом; 9) кодировка текста в терминах заданных признаков; 10) порождение предложений на данном языке; 11) составление правил анализа текста.

В настоящее время во всем мире насчитывается более 150 исследовательских групп, разрабатывающих проблематику автоматической лингвистики (из них свыше 15 — в СССР)⁸. Техническая оснащенность этих групп различна — используются и просветные перфокарты, и счетно-перфорационные машины, и ЭЦВМ. Даже довольно сложные работы по автоматическому исследованию грамматики могут быть выполнены на перфокартах с использованием простейших средств механической сортировки⁹.

Многие крупные центры по автоматической лексикографии выполняют работы не на ЭЦВМ, а на счетно-аналитических машинах¹⁰. Первые словоуказатели были составлены с использованием этих машин¹¹. Объясняется это тем, что стоимость работающих на перфокартах счетно-аналитических машин гораздо ниже,

здесь вопросы имеют первостепенное значение для МП, автоматического индексирования и реферирования. См.: H. P. Edmundson, A statistician's view of linguistic models and language-data processing, «Natural language and the computer» ed by P. L. Garvin, New York, 1963, стр. 154.

⁸ См.: Р. Д. Равич, Некоторые данные о состоянии автоматического перевода, «Научно-техническая информация», 1964, 6, стр. 40—41; «Current research and development in scientific documentation (CRDSD)», 13, NSF — 64 — 17, November 1964; F. de Tollenaere Nieuwe wegen in de lexicologie, Amsterdam, 1963.

⁹ См.: G. Wensck, A preliminary report on the use of punchcards for the structural analysis of Japanese texts, Wiesbaden, 1964.

¹⁰ См.: Р. М. Фрумкина, Автоматизация исследовательских работ в лексикографии, ВЯ, 1964, 2, стр. 114—119.

¹¹ См.: В. А. Пурто, Вопросы использования электронных машин для обработки литературных памятников, «Доклады на конференциях по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста», М., 1961.

а эксплуатация проще, чем ЭЦВМ, которые к тому же требуют дорогостоящего программирования¹².

Автоматическая лингвистика — бурно развивающаяся область. Сформулированы многие интересные лингвистические гипотезы и задачи, заперфорированы и ждут обработки тексты большого объема на разных языках. Попытаемся дать краткий обзор проводимых в СССР работ в области автоматического исследования разных уровней языковой структуры (фонологии, лексикологии, грамматики), автоматической лингвистической дешифровки и автоматизации процедур лингвистического труда¹³.

ЭЦВМ находят широкое применение в проведении статистических подсчетов встречаемости отдельных фонем и сочетаний фонем. В лаборатории систем передачи информации АН СССР на счетно-аналитических машинах был проведен статистический анализ трехбуквенных сочетаний в русских текстах¹⁴. Сотрудники Института математики Сибирского отделения АН СССР использовали ЭЦВМ при подсчетах открытых слогов в русских текстах по радиоэлектронике и электротехнике объемом в 100 тыс. слогов¹⁵. По заказу Института славяноведения АН СССР на ЭЦВМ «Урал-1» Института кибернетики АН УССР проводилась статистика различных фонемных сочетаний и длин фонологических слов на материале польских текстов объемом в 30 тыс. знаков¹⁶.

С. М. Шевенко (Центральный научно-исследовательский институт патентной информации) провела на ЭЦВМ «Киев» статистическое исследование встречаемости японских графем (на выборке объемом в 45 тыс. знаков японского математического текста). Были установлены правила сочетаемости четырех видов сим-

¹² А. И. Розанов, Характеристики счетно-перфорационных алфавитных машин и возможности их применения для обработки информации, НТИ, 1962, 12.

¹³ О зарубежных работах см.: CRDSD, 13, 1964; сб. «The use of computers in anthropology», ed. D. Hymes, 's-Gravenhage, 1964; F. de Tollenaere, указ. соч.

¹⁴ Д. С. Лебедев, В. А. Гармаш, Статистический анализ трехбуквенных сочетаний русского текста, сб. «Проблемы передачи информации», 2, 1959.

¹⁵ Н. В. Елкина, Л. С. Юдина. Статистика открытых слогов русской речи, сб. «Вычислительные системы», 14, 1964.

¹⁶ Н. С. Горбатьюк, Л. С. Стойкова, Дослідження деяких лінгвістичних задач на ЕОМ «Урал», «Вісник КДУ», 1962, 1,5; и х же, Статистическое исследование языка на ЭВМ «Урал-1», Киев, 1963.

волов: иероглифов, букв хираганы, букв катаканы и математических формул¹⁷.

В течение 1963—1964 гг. группа структурно-математической лингвистики Института языковедения АН УССР осуществила на ЭЦВМ «Киев» исследование застота фонем и фонемосочетаний современного украинского языка. Статистическому обследованию подвергались тексты шести различных функциональных стилей речи: драматургия, художественная проза, поэзия, социально-политическая литература, устная речь и научная литература (объем всей выборки — 300 тыс. фонем)

Результаты подсчетов приводят к интересному выводу о том, что средняя длина слова и частота согласных являются достаточно весомыми статистическими критериями для разграничения стилей. Статистика двухфонемных сочетаний показала, что соотношение количества гласных и согласных нестабильно в различных стилях речи. Обнаруживаются значительные ограничения сочетаемости гласных фонем, согласных фонем и пробелов, характеризующие закономерности строения звуковых цепей современного украинского языка¹⁸.

Выполнение на ЭЦВМ подсчетов на уровне фонологии относится к сравнительно простым задачам, хотя определенные трудности вызывает составление программ перевода графического представления звуков в фонемное¹⁹.

Несколько сложнее разрешаются на ЭЦВМ лексикологические задачи. Автоматическая обработка требует четких правил сведения различных графических форм к лемме слова (т. е. к его канонической или словарной форме), различения омографов и т. п.²⁰. Именно в области лексикологии и лексикографии открываются наибольшие перспективы применения ЭЦВМ. Здесь приходится оперировать массовым материалом, весьма удобным для автоматической обработки любой сложности. При ручном составлении карточек трудоемким является как процесс их создания, так и по-

следующий поиск любой группы слов в готовой картотеке. Между тем автоматизация сокращает сроки создания словарей с десятков лет до нескольких десятков часов машинного времени, поиск в словаре — с нескольких дней до нескольких секунд. До сих пор лексиколог основывается не на массовых фактах, а на интуиции, но, в тех немногих случаях, когда он ограничивается исчерпывающим материалом по отдельному семантическому полю, который при непропорционально большой затрате времени все же удается получить обычным путем, обнаруживаются удивительные закономерности статистики и динамики лексических подсистем. Применение ЭЦВМ позволит намного расширить горизонты лексикологии, превратить ее в науку, опирающуюся на точные факты, а не на предположения и догадки. Не без оснований П. Гиро называет ЭЦВМ «самым великим лексикологом нашего века»²¹.

Большой опыт по использованию в лексикографической практике счетно-аналитических машин накоплен на кафедре математической лингвистики ЛГУ. Работы проводятся с 1959 г. Составлен словоуказатель к пьесам А. М. Горького на основе текста в 88 тыс. словоформ. Продолжается работа над частотным словарем русского языка (объем выборки — 1 млн. слов). В качестве побочных результатов этого частотного словаря будут получены данные о микрословарях к отдельных произведениям, о словарях отдельных авторов и разных по жанру сочинений одного автора. На базе картотеки частотного словаря будут составлены указатели регистрационного перечня слов русского словаря, обратного словаря, словаря сокращений и словаря редких слов²².

В лаборатории структурной типологии и лингвостатистики Института восточных языков при МГУ разрабатывается проблематика составления частотных словарей для задач обучения. Проводятся работы по созданию словарей-минимумов ряда восточных языков: арабского, персидского, суахили и др. Близок к завершению частотный словарь современной немецкой прессы, причем каждому слову приписывается детальная грамматическая информация (руководитель работ — В. М. Андрюшенко). Перфокарты обрабатываются на счетно-аналитической технике.

Представляет интерес проект частотного словаря русской разговорной речи,

¹⁷ С. М. Шевенко. Статистическое исследование японского математического текста, М., 1963 (ротапринт).

¹⁸ См.: В. И. П е р е б е й н о с, Частота и сочетаемость фонем современного украинского языка, Киев, 1965.

¹⁹ См.: Н. К u c e r a, Statistical determination of isotopy, «Proceedings of the IX International congress of linguists», 's-Gravenhage, 1964; P. D e n e s, The use of computers for research in phonetics, «Proceedings of the IV International congress of phonetic sciences», The Hague, 1962.

²⁰ См. «Le mot en traduction automatique» (colloque organisé par l'ATALA), «Traduction automatique», 1963, 3.

²¹ P. G u i g a u d, указ. соч., стр. 42.

²² Л. Н. З а с о р и н а, О статистике и автоматизации в лексикографии, ФН, 1963, 4; А. Ф. Б е л о п о л ь с к а я, Л. Н. З а с о р и н а, О работе кафедры математической лингвистики ЛГУ, сб. «Вопросы общего языковедения», М., 1964.

составляемого в 1-м МГПИИЯ под руководством А. Я. Шайкевича (объем выборки — 1 млн. словоупотреблений). Осуществляются широкие исследования в области стилостатистики с проведением экспериментов на ЭЦВМ.

В отделе машинного перевода и информационного поиска Центрального научно-исследовательского института патентной информации (ЦНИИПИ) поставлена задача создания специализированных алфавитных и частотных словарей, а также конкордансов на основе текстов, классифицированных по тематическим рубрикам. Используются ЭЦВМ и счетно-аналитические машины. В 1965 г. запланирована обработка массива текстов в 0,5 млн. слов английского технического текста, в 1966 г. — 1 млн. слов английского и 1 млн. слов русского технического текста²³.

Группа лингвистов, работающих под руководством Р. Г. Пиотровского, занята составлением частотных словарей разных языков — частотного словаря русской разговорной речи (Л. А. Турко — Институт языкознания АН СССР, Ленинград), английских политехнических текстов (Л. А. Турыгина — Ленинградский политехнический институт), английских и русских текстов по радиоэлектронике (П. М. Алексеев и Е. А. Калинина — ЛГУ), французских текстов по радиоэлектронике (В. К. Кочеткова — Горьковский пединститут иностранных языков, Л. М. Скредина — Мясский пединститут иностранных языков) и румынских текстов по радиоэлектронике (Л. И. Ешан — Бельцкий пединститут)²⁴. К сожалению, лишь часть этих работ выполняется на ЭЦВМ (в Минском пединституте иностранных языков), что в значительной мере задерживает их завершение.

Во Всесоюзном институте научной и технической информации (ВИНИТИ) с помощью ЭЦВМ составлен англо-русский словарь по радиоэлектронике (объем выборки — 300 тыс. словоформ)²⁵.

В Институте языка и литературы АН ЭССР в результате работы, проведенной совместно с Таллинским политехническим институтом, создана картотека технической терминологии эстонского языка на перфокартах для проведения

лингвистического анализа этой терминологии²⁶.

В последние годы наблюдается заметное увеличение количества работ по автоматическому составлению грамматик, автоматическому кодированию текста в терминах заданных грамматических признаков и автоматическому составлению правил грамматического анализа текстов.

Если при выполнении на ЭЦВМ лексикографических исследований, как правило, не требуется предварительной лингвистической работы по подготовке текста для обработки, то при выполнении грамматических исследований необходима трудоемкая работа такого рода.

В основе большинства схем автоматических грамматик лежит разработанная лингвистом модель грамматического строя данного языка, в терминах которой размечается текст. Затем размеченный текст вводится в машину, и после машинной обработки могут быть получены ответы на любые запросы лингвиста — например, выдать список всех словосочетаний данной модели, встретившихся в тексте; перечислить все слова, управляющие в тексте данным словом, и т. д.²⁷.

Над проблемой автоматической кодировки слов в терминах специальных признаков для использования в последующем синтаксическом анализе текста работает Ю. С. Мартемьянов (1-й МГПИИЯ). Эксперименты, проведенные на ЭЦВМ «Стрела» на материале текстов длиной в 1000 слов английского, французского, немецкого и румынского языков и 100 предложений различных структур, показали принципиальную возможность работы соответствующего алгоритма²⁸.

На основе текстов по радиоэлектронике, представленных в терминах классов (примерно 10 непересекающихся классов словоформ), в ВИНИТИ создается информационная система грамматических данных, в пределах которой могут быть получены ответы на любые запросы лингви-

²⁶ См.: С. Я. Роометс, Всесоюзное совещание по применению карт с краевой перфорацией, НТИ, 1964, 11.

²⁷ См.: A. J. Greimas, Remarques sur la description mécanographique des formes grammaticales, «Bull. du laboratoire d'analyse lexicologique», II, Besançon, 1960; L. K u k e n h e i m, Die Verschmelzung grammatikalischen Daten, «Beiträge zur Sprachkunde und Informationsverarbeitung», 1, München, 1963; K. B a u m g ä r t n e r, Zum algorithmischen Aufbau einer automatischen Grammatik, «Sprache im technischen Zeitalter», 7, 1963.

²⁸ Описание алгоритма синтаксического анализа Ю. С. Мартемьянова см. в кн.: И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, Основы общего и машинного перевода, М., 1964, стр. 202—210.

²³ См.: Л. Г. Кравец, Машинный перевод в системе патентной информации, «Информация по изобретательству», 1964, 12.

²⁴ Р. Г. Пиотровский, Математическое языкознание, его перспективы, «Вестник высшей школы», 1964, 6.

²⁵ М. К. Антонова, Г. И. Клейнерман, Л. А. Рвачев, Построение словаря для машинного перевода, НТИ, 1964, 1.

ста, сформулированные в терминах этих классов²⁹.

Автоматическая грамматика патентных текстов английского языка составляется в ЦНИИПИ. При предварительной разметке текста указывается лексико-грамматический класс, подкласс, морфологическая форма, адрес управляющего слова, характер связи между управляющим и управляемым словами. Такая разметка дает возможность впоследствии автоматически получать любую грамматическую информацию о тексте — такую, например, как списки словоформ, обладающих специфическими валентностями, классы переходных и непереходных глаголов, исчисляемых и неисчисляемых существительных, классы омонимов, синтаксические функции словоформ, а также данные о частотности любых грамматических элементов³⁰.

В. М. Андрищенко (МГУ) разрабатывает модель автоматической дескриптивной грамматики немецких текстов XVI в., основанную на понятиях минимальных и максимальных синтаксических единиц и процедурах выделения их из текста³¹.

Задача формализации и автоматизации процесса построения алгоритма синтаксического анализа текста разрешается в Математическом институте им. Стеклова АН СССР³². «Задача поставлена таким образом: имеется текст, слова которого характеризуются определенными совокупностями признаков. В тексте указаны все связи между словами и типы

этих связей. Надо построить алгоритм анализа так, чтобы при анализе рассматриваемого текста с помощью этого алгоритма мы получили бы те же связи между словами, какие были заданы. Машина как бы должна научиться анализировать текст по заданному образцу»³³.

Эксперименты проводились на материале русского, английского, немецкого и французского языков.

Рассмотрим один из них, проведенный на ЭЦВМ «Стрела». Задача о выработке правил разбора омонимии при помощи машины решается следующим образом. Машине задается текст с отмеченными исследователем случаями омонимии. Анализируя этот текст с пометками, машина выявляет правила расстановки этих пометок, причем применение составленных машиной правил к тому же тексту, но с непроанализированной омонимией, приводит к расстановке пометок, тождественных той, которая была в тексте, заданном машине³⁴.

Эксперименты по автоматическому грамматическому анализу проводятся в Институте кибернетики АН УССР³⁵. В одном из экспериментов изучался вопрос о том, обуславливают ли семантика компонентов и тип связи между ними морфологическую структуру именных словосочетаний в украинском языке.

Получены, в частности, такие результаты: для конфигурации «сущ. им. пад. + сущ. род. пад.», если основной компонент обозначает орудия труда и характеризуется суффиксами *-ач* или *-тор*, прогнозируются такие синтаксико-семантические связи между компонентами словосочетаний: а) «иметь объектом действия» — 70% (*вимірювач опору, калібратор напругу*); б) «быть частью» — 20% (*підсилювач приймача, локатор станції*); в) «быть инструментом» — 10% (*приймач наведення, конденсатор настрійки*)³⁶.

²⁹ О. С. Кулагина, Использование машин в исследованиях по машинному переводу, «Проблемы кибернетики», 1963, 10, стр. 205.

³⁰ Г. И. Корovina, Построение правил различения омонимии при помощи машины, «Проблемы кибернетики», 1962, 7.

³¹ Е. Ф. Скороходько. Про застосування електронних цифрових машин у лінгвістичних дослідженнях, «Українська Республіканська наукова конференція з питань методології мовознавства (тези доповідей)», Київ, 1964; А. Стогий, Об одном подходе к машинной обработке языковой информации, там же, стр. 47—48.

³² В. М. Глушков, Н. М. Грищенко, А. А. Стогий, Алгоритм распознавания осмысленных предложений, в кн.: «Принципы построения самообучающихся систем», Киев, 1962;

²⁹ М. В. Арапов, В. Б. Борщев, Ю. А. Шрейдер, Автоматический перевод и его место в научно-технической информации, «Тезисы докладов симпозиума „Комплексная механизация и автоматизация процессов обработки, поиска, выдачи и передачи на расстояние научно-технической информации“», М., 1965; М. И. Откупщикова, II симпозиум по машинному переводу, НТИ, 1964, 12.

³⁰ См.: А. Л. Василевский, Л. Г. Кравец, Ближайшие перспективы разработки промышленных систем машинного перевода, НТИ (в печати).

³¹ См.: ВЯ, 1965, 4, стр. 165.

³² См.: О. С. Кулагина, Составление при помощи машины алгоритма анализа текста, «Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста», 8, М., 1961; О. С. Кулагина, Об использовании машины при составлении алгоритмов анализа текстов, «Проблемы кибернетики», 1962, 7; Г. В. Вакуловская, О. С. Кулагина, Об одном способе анализа текста, «Проблемы кибернетики», 1964, 12; Г. С. Слущер, Получение всех допустимых вариантов синтаксического анализа текста при помощи машины, «Проблемы кибернетики», 1963, 10.

Опыты по построению на ЭЦВМ осмысленных предложений проводятся в Институте кибернетики АН УССР и Математическом институте им. Стеклова АН СССР³⁷. В одной из серий опытов машина, анализируя введенные исходные осмысленные предложения, образует их семантические модели и синтезирует на основе этих моделей новые осмысленные предложения. Подобные исследования порождения предложений из слов, отобранных по таблице случайных чисел, проводятся в Институте языковедения АН УССР, на ЭЦВМ «Киев». Результаты этих исследований могут быть использованы для семантической классификации слов, сочетающихся в предложении³⁸.

Обширную сферу применения ЭЦВМ представляют очень трудоемкие исследования языкового родства. При «ручной» работе лингвист вынужден обращаться к своей памяти или словарям, используя некоторую теорию возможных фонетических соответствий, многократно пересматривать исследуемые факты и корректировать свои наблюдения.

Эта длительная процедура может быть легко реализована на счетно-перфорационных алфавитных машинах. Применение перфокарт освобождает время лингвиста и гарантирует то, что будут сделаны все возможные сравнения материала. На перфокарту заносится следующая информация: 1) название языка; 2) словоформа или словоформы и их значения; 3) фонетический индекс; 4) семантический индекс; 5) реконструкция (или оставляется место для последующей реконструкции)³⁹.

Существуют проекты исследования на ЭЦВМ вероятностных процессов языковой динамики (например, развития модели фонологических процессов праславянского языка), однако ни один из

Н. Г. Арсентьева, О синтезе предложений русского языка при помощи машины, «Проблемы кибернетики», 1963, 10.

³⁷ Л. Э. Пшеничная, Э. Ф. Скороходько, Синтез осмысленных предложений, «Проблемы кибернетики», 1963, 10.

³⁸ В. И. Перебийнос, Экспериментальное выделение семантических классов существительных с помощью электронной вычислительной машины, «Проблемы формализации семантики языка. Тезисы докладов», М., 1964.

³⁹ См.: М. S w a d e s h, A punch-card system of cognate hunting, IJAL, 29, 3, 1963. Вероятностную процедуру доказательства языкового родства, которую нетрудно осуществить автоматически, разработал А. Б. Долгопольский, см. его статью «Гипотеза древнейшего родства языковых семей северной Евразии с вероятностной точки зрения», ВЯ, 1964, 2.

этих проектов еще не реализован на ЭЦВМ⁴⁰.

Большие успехи достигнуты в дешифровке неизвестных ранее письменностей и языков. Эти работы часто выполняются комбинаторным методом интерпретации, основанным на сопоставлении повторяющихся слов и грамматических форм⁴¹. Опираясь на некоторые количественные языковые константы — различие между числом слов в языке (от 10^4 до 10^5), числом морфем (несколько тысяч), числом слогов (от нескольких сотен до нескольких тысяч) и числом фонем (от 10 до 80), Ю. В. Кнорозов осуществил дешифровку письменности майя⁴². Замечательная работа В. В. Шеворошкина по дешифровке слоговой карийской письменности была также выполнена комбинаторным методом⁴³. Исследования такого рода, требующие огромной затраты труда на изучение количественных характеристик текста, могут быть автоматизированы⁴⁴. Разработаны алгоритмы автоматической дешифровки, некоторые из них запрограммированы и отлажены на ЭЦВМ. Результаты дешифровки Ю. В. Кнорозова были подтверждены путем проведения эксперимента на ЭЦВМ в Институте математики Сибирского отделения АН СССР⁴⁵. Эксперименты по машинной дешифровке киданьских текстов, проведенные в ВИНТИ, дали возможность сделать вывод о том, что киданьский язык родствен монгольскому⁴⁶.

⁴⁰ См.: S. M. Lamb, указ. соч.; см. высказывания В. К. Журавлева в кн. «Славянская филология», I, София, 1963, стр. 283.

⁴¹ И. Фридрих, Дешифровка забытых письменностей и языков, М., 1961.

⁴² См.: Вяч. Вс. Иванов, Некоторые проблемы современной лингвистики, «Народы Азии и Африки», 1963, 4; Ю. В. Кнорозов, Письменность индейцев майя, М.—Л., 1963.

⁴³ См.: В. В. Шеворошкин, Карийский вопрос, ВЯ, 1962, 5; его же, О структуре звуковых цепей, сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963; его же, Исследования по дешифровке карийских надписей, М., 1965.

⁴⁴ См.: H. Geiß, Untersuchungen an Texten mit unbekannter Schrift und Sprache mittels Lochkarten, сб. «Forschung. Lehre. Praxis», 4, Berlin, 1962.

⁴⁵ Э. В. Евреинов, Ю. Г. Косарев, В. А. Устинов, Применение электронных вычислительных машин в исследовании письменности древних майя I—II, Новосибирск, 1961; Ю. В. Кнорозов, Машинная дешифровка письма майя, ВЯ, 1962, 1.

⁴⁶ См.: Ю. В. Кнорозов, М. А. Пробст и др. Машинное исследование грамматических и синтаксических связей и конструкций в текстах,

Автоматическая дешифровка представляет большой интерес для методологии языковедения. Впервые количественное изучение сочетаемости элементов разных уровней языковой структуры ставится в основу всего лингвистического исследования. Открывается возможность построения автоматических грамматик, базирующихся на точном количественном изучении дистрибутивных параметров языковых единиц. Предложено несколько алгоритмов автоматического выделения из текста дистрибутивных классов (гласных и согласных, парадигм склонения и спряжения и т. д.)⁴⁷.

Алгоритмы дешифровки языковой структуры работают без использования лексических и грамматических значений — на статистико-комбинаторной основе. Поэтому при их реализации требуется обработка больших массивов текста, и эти работы практически не могут быть осуществлены иначе, как на ЭЦВМ. Пока что закончены программирование и отладка небольших частей одного из таких алгоритмов на ЭЦВМ, со временем возможна целостная реализация всего алгоритма⁴⁸.

Широкое количественное исследование сочетаемости элементов языка даст прочную основу вероятностному моделированию языковой структуры. Дистрибутивный анализ всех уровней языка, дополненный данными о вероятностях совместной встречаемости единиц этих уровней, позволит получить самые детальные и точные описания языка. В пред-

М (в печати); В. С. Стариков, В. М. Наделяев, Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма в кн. «Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма», М., 1964 (ротапонт); М. А. Пробст, О машинной обработке киданьских текстов, там же.

⁴⁷ Б. В. Сухотин, Алгоритмы лингвистической дешифровки, «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963; Н. Д. Андреев, Алгоритмы статистико-комбинаторного моделирования морфологии, синтаксиса, словообразования и семантики, сб. «Материалы по математической лингвистике и машинному переводу», 2, Л., 1963; сб. «Статистико-комбинаторное моделирование языка по данным речи», М., 1965; Г. Якубайтис, Статистико-комбинаторное моделирование морфологии латышского языка, «Изв. АН ЛатвССР», 9, Рига, 1964; его же, Два способа выделения морфологического типа при статистико-комбинаторном моделировании языка, «Изв. АН ЛатвССР», 6, 1965.

⁴⁸ Н. Д. Андреев, О некоторых работах по математической лингвистике в Ленинграде, сб. «Вопросы общего языковедения», М., 1962.

шествующие периоды истории лингвистики такие описания были недостижимы. Проведение их должно преобразовать многие разделы науки о языке. Рассмотрим, например, некоторые импликации, вытекающие из наличия таких описаний, для лексикологии. Традиционная лексикология рассматривает слова как единицы, абстрагированные от контекста, хотя согласно точке зрения, восходящей к А. А. Потебне, признается реальное существование лишь слова в контексте⁴⁹. Разрыв между собственно грамматикой, описывающей законы построения грамматической структуры языка, и лексикологией, освещающей лексику не как систему, а как набор изолированных фактов, является причиной искаженного представления взаимоотношений этих двух уровней языка. Поэтому в достаточно подробные грамматические описания всегда вводились «контекстуально чувствительные» правила⁵⁰, а в последнее время разрабатывается теория грамматики, состоящей только из таких правил⁵¹. Логика развития языковедения требует устранения разрыва между лексикологией и грамматикой, изучение их объектов в единой дисциплине — грамматике, изучающей в плане выражения правила лексемотактики, а в плане содержания — правила сочетаемости смыслов слов⁵². Эта грамматика, исследующая условные вероятности совместной встречаемости слов в предложении, из-за необычайной трудоемкости статистических вычислений вероятностей может быть построена только с помощью ЭЦВМ⁵³. В тех случаях, когда имеются данные такого рода, можно предвидеть интересные лингвистические выводы (оценка мер сильного и слабого глагольного управления, определение устойчивости словосочетаний, группировка слов в семантические поля, уточнение смысловых взаимоотношений между словами и т. д.)⁵⁴.

⁴⁹ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, 4, М.—Л., 1941, стр. 198.

⁵⁰ См.: J. F. Staal, Context-sensitive rules in Pāṇini, «Foundations of language», I, 1, Dordrecht, 1965.

⁵¹ См.: N. Chomsky, G. A. Miller, Introduction to the formal analysis of natural languages, «Handbook of mathematical psychology», II, New York, 1963, стр. 294.

⁵² История вопроса хорошо изложена в кн.: А. А. Леонтьев, Слово в речевой деятельности, М., 1965.

⁵³ См.: В. А. Москович, О грамматике сочетаний смыслов, сб. «Синхронистическое изучение различных ярусов структуры языка (материалы расширенного заседания лингвистического семинара)», Алма-Ата, 1963, стр. 18—19.

⁵⁴ См. Ю. Д. Апресян, О сильном и слабом управлении (опыт количествен-

Проблематика, возникающая при естественном исследовании совместной встречаемости слов, могла быть поставлена, но не могла быть практически реализована до появления ЭЦВМ. Основные результаты в этой области были до сих пор получены менее трудоемкими лингвопсихологическими методами. Опыты показали, что на некоторых участках словесной цепи, составляющей предложение, связь между словами значительно сильнее, чем в других участках. Степень семантической связанности различна и в зависимости от порядка слов. Так, предсказуемость определяемого по определяющему равна 39%, а в обратную сторону — 57%⁵⁵. Установлено, что значительная часть грамматической информации в речи носит гиперхарактеризованный характер; для восстановления коммуникативных связей между словами в большинстве случаев достаточен порядок слов⁵⁶. Значение слова обусловлено его местом в фразе и длиной фразы⁵⁷.

Автоматическое исследование правил лексемотактики и грамматики сочетаний смыслов могло бы дать основу для создания словаря нового типа, совмещающего в себе достоинства алфавитного словаря словосочетаний, частотного словаря и идеологического словаря, т. е. идеального пособия для лексикологических изысканий. Ближайший этап выполнения программы такого рода — создание словарей словосочетаний — выдвигается как одна из основных задач советской лингвистики⁵⁸. Начаты работы по соз-

ного анализа), ВЯ, 1964, 3; Е. М. Джолос, О. К. Кучмий, И. И. Ратцега, Ю. А. Шрейдер, Алгоритм автоматического определения семантических координат, НТИ, 1964, 5; И. А. Мельчук, О терминах «устойчивость» и «идиоматичность», ВЯ, 1960, 4; А. Я. Шайкевич, Распределение слов в тексте и выделение семантических полей языка, сб. «Иностранные языки в высшей школе», 2, М., 1963.

⁵⁵ W. Gutjahr, Zur Psychologie des sprachlichen Gedächtnisses, «Zeitschrift für Psychologie», 163, 1—2, 1959; см. также J. W. Black, P. Guberina, U. Cinquni, T. Ancona, E. Jancoses, Applications of a language prediction technique to speech and hearing, «Folia phoniatrica», 17, 1, Basel — New York, 1965.

⁵⁶ Б. С. Роговой, Лингвопсихологические эксперименты с деграмматизованными текстами, в кн. «Вопросы общего языкознания», Л., 1965.

⁵⁷ M. Aborn, H. Rubenstein, Perception of contextually dependent word probabilities, «American journal of psychology», 71, 2, 1958.

⁵⁸ См.: О. С. Ахманова, Э. М. Медникова, К вопросу о границах фразеологической сочетаемости

данью словаря лексической сочетаемости слов русского языка (словник объемом 3000 слов)⁵⁹, а также словарей наиболее частотных словосочетаний⁶⁰. Симптоматично, что проведение таких работ вручную не под силу отдельным лингвистам, и за их реализацию берутся только крупные коллективы.

Между тем автоматическое составление конкордансов к текстам уже дает сырой материал для подготовки словарей словосочетаний с указанием частотностей слов.

Возможно составление двуязычного конкорданса, содержащего списки словосочетаний, словарных форм всех слов текста и глосс (переводов словосочетаний на другой язык)⁶¹. В распоряжении лингвиста оказываются большие объемы языковых данных, таким образом организованных, что на их основании можно разработать словарные статьи переводного словаря, изучить частотность слова, его окружений и различных его переводов на другой язык, а также изучить варианты переводов в тематически различных текстах⁶².

слов и путей ее изучения, в кн. «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе (тезисы докладов межвузовской конференции)» [Вологда], 1965, стр. 10—12.

⁵⁹ В. Г. Костомаров, З. С. Кузнецова, Г. Н. Морозкина, Г. В. Фокина, И. Н. Шиманская, О подготовке материалов для словаря лексической сочетаемости слов, в кн. «Из опыта преподавания русского языка нерусским», 3, М., 1965; Г. В. Фокина, Лексическая основа курса русского языка, там же.

⁶⁰ М. А. Баркун, М. В. Данейко, Л. Е. Машкина, О. А. Нехай, Р. Г. Плотровский, В. А. Сорокина, А. И. Чапля, А. Н. Шаранда, Статистика и фразеология, в кн. «Материалы конференции „Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова“», I, Самарканд, 1964.

⁶¹ См.: В. А. Москович, Об одном подходе к типологии семантики естественных языков, НТИ 1963, 8, стр. 21—23. Конкорданс, общие принципы создания которого описаны в этой статье, составлен в ЦНИИИИ по текстам узкой тематики «двигатели внутреннего сгорания». Продолжается составление англо-русских конкордансов по ряду текстов смежной тематики (объем выборки по каждой группе текстов — около 500 тыс. слов).

⁶² См.: В. Chaloupka, The build-up of the machine dictionary, Georgetown, 1964; S. M. Lamb, L. Gould, Concordances from computers, Berkeley, 1964.

Более глубокое проникновение в права соположения слов в текстах делает возможным безошибочную автоматическую кодировку слов в терминах грамматических признаков и автоматический анализ большой точности. Последние эксперименты по автоматическому кодированию грамматической информации показали, что в тех случаях, когда отказываются обычные методы, вероятностная методика приносит успех⁶³. Весьма надежные результаты дает автоматический синтаксический анализ, при котором в каждой точке предложения учитываются вероятности того или иного продолжения предложения (так называемый предсказуемый анализ и его разновидность — фулькрумный анализ)⁶⁴.

Следует ожидать, что определение правил лексемотактики окажется возможным не для всех текстов. В художественной прозаической и поэтической речи эффект достигается как раз за счет необычных сочетаний слов, поэтому здесь во многих случаях придется фиксировать не сами правила, а случаи отклонения от них. Наоборот, для научно-технических текстов, стремящихся к однозначности, правила лексемотактики устанавливаются без особой трудности⁶⁵.

Автоматическая обработка языковых данных, давая возможность детального изучения различных видов текстов, влечет за собой важное методологическое требование — требование подхода не к языку вообще, а к данному стилю, к данной разновидности текстов. Не исключая при этом и аспекта генерального рассмотрения языковой структуры, такой подход позволяет получать дифференцированные характеристики различных ее реализаций в речи. Это существенный шаг вперед в развитии лингвистики. Он влечет за собой превращение стилистики из общепилологической дисциплины в ведущую лингвистическую дисциплину, оперирующую четко определенными понятиями и точными данными.

⁶³ См.: W. S. Stolz, P. H. Tanenbaum, F. V. Carstensen, A stochastic approach to the grammatical coding of English, «Communications of the ACM», 8, 6, 1965.

⁶⁴ См.: J. W. Plath, Multiple-path syntactic analysis of Russian, Cambridge (Mass.), 1963; J. Mersel et al., Final report, Machine translation studies of semantic techniques, February 1961, Ramo — Wooldridge, Canoga Park, California.

⁶⁵ См.: В я ч. В с. И в а н о в, О языках с максимальной гибкостью и языках с минимальной гибкостью, «Тезисы докладов на 5 международном методическом семинаре преподавателей русского языка в учебных заведениях социалистических стран», М., 1962.

Переход от детерминистских моделей языка к вероятностным (с точной оценкой вероятностных характеристик) является значимым временем — времени, когда появились технические средства для реализации массового статистического обследования речи. Разумеется, такое обследование не под силу разрозненным коллективам лингвистов. Целесообразно создание единого центра по перфорации, хранению и обработке лингвистических данных. По запросу исследователя центр производит автоматический отбор соответствующих данных. Один и тот же лингвистический архив служит материалом для разнообразных лингвистических работ. Вопрос о создании подобного центра, где источником текстов является бумажная перфоленга — побочный продукт автоматического типографского набора, изучается в США⁶⁶. В СССР функции такого центра призвана выполнять комиссия по составлению словарей для машинного перевода, созданная по решению 2-го симпозиума по машинному переводу (Ереван, 1964 г.)⁶⁷.

Заслуживает внимания проект создания единого центра по составлению конкордансов из полевых записей диалектологов. Примером подобного центра является Летний институт языковедения в США, где записи текстов, сделанные в поле лингвистами, обрабатываются на ЭЦВМ в форме конкорданса и возвращаются исследователям на места для использования в аналитической работе (с июля по ноябрь 1964 г. в институт поступили для обработки тексты на 29 языках из 9 стран)⁶⁸.

Следует заметить, что имеет место как недооценка, так и переоценка возможностей и перспектив автоматизации лингвистического труда.

Первая тенденция отчетливо проявляется в выступлениях той части лингвистов, которая настроено относится ко всяким попыткам «дегуманизации» языковедения и склонна считать, что МП является не более чем техническим достижением, ничем общего с лингвистикой не имеющим⁶⁹.

Можно вспомнить по этому поводу слова Ст. Бира: «Как всегда, истинным препятствием к развитию нового образа

⁶⁶ J. Mersel, S. B. Smith, Center for text in machine-usable form. A feasibility study under contract NSF-C320 with NSF, Canoga Park, California, 1964.

⁶⁷ См.: «Резолюция 2 симпозиума по МП», НТИ, 1964, 12, стр. 36.

⁶⁸ J. E. Grimes [рец. на кн.] S. M. Lamb, L. Gould, Concordances from computers, IJAL, XXXI, 2, 1965.

⁶⁹ См., например: В. И. Абаев, Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке, ВЯ, 1965, 3, стр. 33.

мышления является не сложность проблем, а консервативность самих людей. Это обстоятельство может огорчать, но в то же время оно рождает уверенность в том, что новые взгляды содержат в себе большие возможности, ибо известно, что ничто подлинно ценное никогда легко не дается, и что мощную оппозицию вызывают только фундаментальные идеи⁷⁰.

В противоположную крайность — стремление автоматизировать всякую лингвистическую работу — впадает некоторая часть неопитов автоматизации, отчетливо не представляющих себе границы возможностей ЭЦВМ. На ЭЦВМ выполняются любые лингвистические задачи, решение которых можно представить как ряд простых логических шагов, т. е. алгоритм. Между тем формализация решения лингвистических задач очень затруднительна и требует от исследователя большой лингвистической культуры, глубокого интуитивного проникновения в суть изучаемых явлений и умения передать ЭЦВМ ход решения задачи в виде последовательности правил. Алгоритм автоматического анализа отличается от обычных лингвистических описаний двумя чертами: 1) отчетливо формулируемой „операционной“ целью — т. е. алгоритм должен позволять выполнять над текстом точно определенные операции, не привлекая добавочных сведений со стороны; 2) строгостью и полнотой формулировок, точностью предписаний, абсолютной недвусмысленностью, причем соблюдение этих требований „контролируется“ необходимостью реализации алгоритма на УЭЦВМ⁷¹.

Тот факт, что ЭЦВМ может выполнять только логические операции, а структура естественных языков не построена по идеальной логической схеме, составляет основную проблему любой формы

⁷⁰ С. т. Б и р, Кибернетика и управление производством, М., 1963, стр. 12.

⁷¹ И. А. Мельчук, Автоматический анализ текстов, стр. 480 (УЭЦВМ — универсальная ЭЦВМ).

машинной обработки⁷². Поэтому легче других разрешаются на ЭЦВМ статистические задачи, основанные на понятиях частоты и вероятности, общих языкознанию и ЭЦВМ. Однако не всякую статистическую работу целесообразно передавать ЭЦВМ. Статистические подсчеты, проводимые на текстах небольшого объема, удобнее обрабатывать вручную.

При этом лингвист не отрывается от текста, он вовремя может изменить процедуру и единицу подсчета, предвидеть возможные выводы из выполняемой работы и т. д.⁷³.

Автоматическое проведение работ такого объема часто лишь дублирует работу, уже сделанную вручную. Так, например, университет г. Глазго гордится тем, что его сотрудники получили на ЭЦВМ частотный словарь Нового завета. Между тем эта работа была не менее успешно проведена вручную Моргенталером⁷⁴. Чрезмерное увлечение автоматизацией может привести и к бездумному накоплению материала без попыток оценить его⁷⁵. Автоматизация значительно облегчает труд лингвиста и дает ему возможность основываться в своих исследованиях на точных и бесспорных сведениях о языке. Но она предъявляет к лингвисту свои требования. Недаром эпиграфом к книге Ф. де Толленэра «Новые пути в лексикологии» служит следующее высказывание Р. Бузы: «Автоматизация не всегда дарит человеку земной рай, наоборот — она увеличивает его работу и принуждает его к более интенсивной жизни».

В. А. Москович

⁷² E. M a t e r [реп. на кн.:] E. de Tollenaere, Nieuwe wegen in de lexicologie, «Deutsche Literaturzeitung», 7/8, 1964.

⁷³ C h. M u l l e r, Essai de statistique lexicale, 1964, стр. 29.

⁷⁴ См: G. H e r d a n, Quantitative linguistics, London, 1964, стр. 22.

⁷⁵ См: B. Q u e m a d a, Introduction, «Cahiers de lexicologie», 3. Besançon, 1961, стр. 15.

О СИСТЕМНОСТИ ТЕРМИНА

Вопросу о терминах и терминологии посвящено большое количество работ, изданных как в СССР, так и за его пределами. В этих работах данная проблема рассмотрена достаточно подробно и с различных точек зрения. И все же, как пишет С. Д. Берсенев, «даже самое слово „термин“ страдает неясностью определения в лингвистическом аспек-

те»¹. Важность же и насущность проблемы чрезвычайно велики.

¹ С. Д. Б е р с е н ь е в, О терминологической фразеологии, сб. «Вопросы частной лингвистики» («Труды кафедры ин. яз. Свердловск. гос. мед. ин-та»), Свердловск, 1960, стр. 126.

Среди немалого количества самых разнообразных мнений с наибольшей определенностью выделяются две основные тенденции, отмеченные еще в 1961 г. А. А. Реформатский.

Одни исследователи выделяют в качестве главного признака термина его номинативность, его *gegenständliche Beziehung*, другие связывают термин с понятием². Ниже будет дано краткое рассмотрение этих обеих тенденций.

Когда-то Ф. де Соссюр писал: «язык есть система, все элементы которой образуют целое»³. Пожалуй, можно сказать, что язык есть система систем. И любой элемент любой системы находится в сложных взаимодействиях внутри того целого, каким является язык, сущность любого элемента во всей полноте раскрывается именно в системе и во взаимодействии систем. Однако это очевидное положение не принимается во внимание довольно часто. Так, например, рассматривая термин, его сущность, функцию и пр., некоторые исследователи обосновывают свои теоретические построения без учета сложного взаимодействия элементов и систем, а лишь на некоторых контрастно проявляющихся особенностях термина, указывая на факты различия термина и слова. Выявляемые различия, вследствие понятного желания гипертрофировать их, представляются сторонникам этого метода не только основополагающими при выделении структурного элемента — термина, но и главнейшими, характеризующими всю систему — терминологию.

По вопросу соотношения термина, слова и понятия имеется обширная литература. Любое знаменательное слово не просто называет предмет, но и демонстрирует его реальные связи, наиболее полно проявляющиеся в процессе языкового общения, поэтому слово является «сообщением о предмете мысли и его смысловых отношениях»⁴. Исследователи, характеризующие термин на основании его различия со словом, определяют особое место термина в классификационной системе по двум «взаимно обусловленным моментам: прямой соотнесенности с предметом и назывной функцией его»⁵.

Следовательно, номинативная функция у термина признается основной и единственной. Причем отмечается, что в тенденции предельно точно называть предмет⁶ у термина проявляется стремление к некоторой абстрактности, символичности, абсолютности. В некоторых работах можно найти даже выражение «абсолютный термин»⁷, выражение, как бы закрепляющее в термине названное стремление, подчеркивающее в термине признак, отличающий его от слова, от системы «общего» языка. Интересно с этой точки зрения рассмотреть одно рассуждение, встретившееся в статье Е. Н. Толикиной, рассуждение в некоторой степени программное. Признавая термин лишь названием, элементом, лишенным признаков, сопутствующих сообщению (модальности, экспрессивности и т. д.), автор статьи считает, что термин, название, знак — не есть слово, содержательная сторона «его сущности беднее значения слова», и термин не служит выражению сообщения, а лишь предельно точно выражает содержание предмета⁸. Эту точку зрения разделяли и Ф. де Соссюр, писавший, что «бесплодно всякое определение, сделанное на основании слова; плохо, когда при определении вещей исходят из слов»⁹. Напротив, В. А. Звегинцев признает термин словом, но, сопоставляя термин со словами «общего» языка, отмечает в термине черты, сближающие его со знаком, например, такую из них, как автономность, «способность функционировать независимо от особенностей конкретной системы языка, ничего при этом не теряя в отношении своего внутреннего содержания»¹⁰. Выделение знаковых черт в термине в число господствующих приводит некоторых исследователей к мысли о наличии у данных элементов абсолютного значения¹¹, что в свою очередь является причиной выпадения терминов из системы общего языка, выделение их в обособленную систему, элементы которой применимы к «чисто интеллектуальному факту»¹² и служат средством выражения неязыкового научного мышления¹³ или являются элементами идеального научного языка, обладающего чистотой, ясностью, строгостью логиче-

² А. А. Реформатский, Что такое термин и терминология, сб. «Вопросы терминологии», М., 1961, стр. 47.

³ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 114.

⁴ Г. О. Винокур, О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии, «Труды Московск. ин-та истории, философии и литературы», V, 1939.

⁵ Е. Н. Толикина, О системном соотношении терминологического сочетания и фразеологической единицы, сб. «Проблемы фразеологии», М.—Л., 1964, стр. 151.

⁶ Там же, стр. 155.

⁷ Там же, стр. 155; В. А. Звегинцев, Проблема знаковости языка, М., 1956, стр. 29.

⁸ Там же, стр. 155.

⁹ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 38.

¹⁰ В. А. Звегинцев, указ. соч., стр. 33.

¹¹ F. G u n o t, La pensée et la langue, Paris, 1950.

¹² Л. Олшкки, История научной литературы на новых языках, I, М.—Л., 1933.

¹³ O. J e s p e r s e n, The philosophy of grammar, London — New York, 1925.

ского определения, являющегося прямым и совершенным способом научного анализа и выражения¹⁴. Сама же специфика употребления системы терминов, возникшей в результате такого метода, позволяет сблизить и сравнивать ее с системой математических знаков, формул и других суррогатов языка. Во всех перечисленных случаях за термином признается лишь прямая соотносительность с предметом и чисто номинативная функция.

Научный анализ есть один из видов мышления. Между тем известно, что мышление неизбежно выступает в одной из своих форм — понятии. А слово, как известно, есть средство выражения понятия. Выражение мысли без слов любым «чистым» мышлением невозможно.

В процессе мышления предмет не просто называется, но при этом в нем выделяются общие и характерные признаки. А это возможно лишь при соотношении данных предметов, впервые познаваемых определенной отраслью знаний, с уже ранее познанными предметами, т. е. в системе. Поэтому чтобы представить себе предмет в его тотальности, недостаточно просто его назвать, основываясь на прямой соотносительности названия и называемого, а представить название в системе. И тогда уже само «название», произведенное на основании предшествующего опыта, в системе, перестанет быть просто «названием», а будет выражать нечто единичное как часть целого, выражать понятие. Следовательно, термин при такой системе его рассмотрения выступает как слово.

Отрицая связь термина со словом и понятием, Ж. Марузо ставит «деликатный вопрос»: «исходя из чего можно принять решение, что такой-то термин подходит для такого-то понятия»¹⁵. Ответ в данном случае может быть лишь один — исходя из системы. Именно в системе наиболее полно проявляется сущность любого ее компонента. Система же терминов, обслуживающая каждую данную отрасль науки, являющаяся средством выражения понятий в сфере научного мышления, в науке «не случайный ингредиент», а «структурный элемент»¹⁶, который не остается в стороне от изменений, происходящих в системе понятий данной науки, а изменяется вместе с ними. Термин как элемент системы «не только регистрирует понятие, но и в свою очередь воздействует на это понятие, уточняет его, отделяет от смежных представлений»¹⁷. Вряд ли можно согласиться с мнением, что эволюция тех или иных теорий

влечет за собой крушение соответствующих терминов. В самом деле, кому нужна терминология рухнувших теорий?

Отграничения термина от слова, производимые на основании того, что слова якобы имеют склонность «чрезмерно нагружаться понятиями», а потому и становятся непригодными для использования их в системе терминологии, так как «несут и передают слишком много содержания», основаны на том положении, что то, что должно обозначать термины, «не имеет больше никакого отношения к тому, что обозначает слово по своей природе»¹⁸. Основываясь на подобных принципах, некоторые исследователи полагают, что «даже для тех идей, которые могут быть выражены обычным словом, специалисты испытывают необходимость создавать особые термины, т. е. такие термины, которые выражают эти значения в таком объеме, с такой понятностью и точностью, которые им свойственны в среде, где они являются предметом обсуждения, сравнения, анализа, так чтобы они могли получить свое место в логической классификации»¹⁹. Кстати, говоря о различных классификациях, системах, говоря о том, что термин системен, мы «порой забываем о какой системе идет речь»²⁰ и нередко избираем для исследования термина систему слишком произвольно.

Уже с достаточными основаниями можно утверждать, что связи термина и слова весьма ошутими, что термин, по существу, «особый вид слова»²¹. Поэтому представляется необходимым термин в первую очередь рассматривать в системе систем — в системе общего языка, так как терминам «в значительной степени свойственны все те особенности, которые являются характерными для элементов общего языка»²². Как писал Г. О. Винокур, «в роли термина может выступать всякое слово, как бы оно ни было тривиально»; «термины — это слова в особой функции»²³. Это «особая функция» определяет и те специфические признаки, «которые обычно указываются и которым так часто придается решающее значение: 1) специализированность значения термина, точность его семасиологических границ и 2) его интеллектуальная чистота, т. е. его отрешение от образных и эмоциональных переживаний, обычно сопут-

¹⁸ Н. Н. Eggelrecht, Studien zur musikalischen Terminologie, Weisbaden, 1955, стр. 822

¹⁹ А. Сarnoу, La science du mot, traité sémantique, London, 1927, стр. 73.

²⁰ Е. Н. Толикина, указ. соч., стр. 164.

²¹ Г. О. Винокур, указ. соч., стр. 3.

²² В. А. Звегинцев, указ. соч., стр. 29.

²³ Г. О. Винокур, указ. соч., стр. 5.

¹⁴ Е. J. Gilbert, Langage de la science, Paris, 1945.

¹⁵ Ж. Марузо, Словарь лингвистических терминов, М., 1960, стр. 15.

¹⁶ А. А. Реформатский, указ. соч., стр. 46.

¹⁷ Р. А. Будагов, Введение в науку о языке, М., 1958, стр. 25.

ствующих обиходному словоупотреблению»²⁴.

Саму же функцию термина, ее специфичность и направленность «диктует» система, которая в свою очередь является частью системы общего языка и служит одним из средств выражения научного мышления. Система эта — терминология. Вне терминологии слово теряет свою характеристику термина²⁵, хотя функция номинативности, выделяемая иногда в число основополагающих у данного вида элементов²⁶, остается, так как «номинативная функция — это общая функция всех слов»²⁷, пусть даже в обычной связной речи и затененная коммуникативностью²⁸. Можно отметить элементы, в которых эта номинативная функция проявляется сильнее, чем в термине. Прежде всего это касается номенклатурного знака и системы этих знаков — номенклатуры. И термин, и номенклатурный знак, являясь элементом системы общего языка, обладая многими общими для системы характерными признаками, все же различаются между собой. И эти различия выявляются прежде всего при сличении термина и номенклатурного знака. В термине соотносимость с понятием выступает на первый план²⁹. У номенклатурного знака ярче, чем у термина, проявляется прямая соотносительность с предметом³⁰, больше, сильнее ощущается автономность³¹, хотя и относительная, от системы общего языка, в нем «меньше обнаруживается, вследствие отсутствия непосредственной связи с понятием, «собственное значение»³², так как, строго говоря «единственное назначение номенклатуры состоит в том, чтобы дать максимально удобные с практиче-

ской точки зрения средства для обозначения предметов, вещей, без прямого отношения к потребностям теоретической мысли»³³. Несмотря на эти различия между термином и номенклатурным знаком, терминологией и номенклатурой, эти системы представляются однопорядковыми уже потому, что термины, выражая понятия, имеют в своей системе вещи как суппозиции³⁴. И если у термина номинативная функция не может быть признана основной, то все же номинативная потребность существует и «удовлетворяется тем, что понятие представляет как *suī generis* суппонируемая вещь, и тогда термин, выражая данное понятие, одновременно называет эту суппонируемую вещь»³⁵.

Гипертрофирование отличительных признаков термина от слова и номенклатурного знака от термина, как правило, приводит к изоляции их систем, закрывает объективно существующие реальные связи между системами. Поэтому встречаются в литературе мнения, например, о том, что исследование сущности терминов «никак не может служить основанием для суждения о сущности языка в целом»³⁶. Термин существует не только в терминологии, в специальном употреблении, но и в системе общего языка, а поэтому термин является не только потенциальной единицей для системы общего языка, способной лишь при соответствующих условиях стать действительной³⁷, но и любая «действительная» единица при соответствующих условиях может перейти в систему терминов. Процесс этот обратимый. Любое слово системы «общего» языка сохраняет тенденцию к моносемичности, точно так же, как термин сохраняет тенденцию к полисемичности. Исследование исключительно лишь специфических особенностей терминов как особых видов слов представляет несомненный интерес при суждении о системе общего языка и слове как элементе этой системы.

В. К. Никифоров

²⁴ Г. О. Винокур, указ. соч., стр. 3.

²⁵ А. А. Реформатский, указ. соч., стр. 51.

²⁶ См., например, Г. О. Винокур, указ. соч.; Е. Н. Толикина, указ. соч.

²⁷ А. А. Реформатский, указ. соч., стр. 48.

²⁸ Г. О. Винокур, указ. соч., стр. 6.

²⁹ А. А. Реформатский, указ. соч., стр. 47.

³⁰ См., например: Е. Н. Толикина, указ. соч.

³¹ В. А. Звегинцев, указ. соч., стр. 33.

³² Ж. Марузо, указ. соч., стр. 16.

³³ Г. О. Винокур, указ. соч., стр. 8.

³⁴ А. А. Реформатский, указ. соч., стр. 48.

³⁵ Там же.

³⁶ В. А. Звегинцев, указ. соч., стр. 34.

³⁷ Е. Н. Толикина, указ. соч., стр. 164.

РЕЦЕНЗИИ

L. Antal. Content, meaning, and understanding. — The Hague, Mouton and Co, 1964. 63 стр. («Janua linguarum», series minor, XXXI).

Общей особенностью современных семиотических работ (не только лингвистических, но, по-видимому, и логических) является перемещение центра тяжести от исследований синтактики (т. е. отношений между знаками вне зависимости от их значений) к исследованию конкретных вопросов семантики (т. е. отношений между означающими и означаемыми). Автор рецензируемой книги идет еще дальше. Его интересует общий вопрос: природа лингвистического значения, отличие его от передаваемого некоторым высказыванием содержания, характер связи значения и содержания высказывания с его пониманием. Эта проблематика и отражена в заглавии книги, которое очень четко формулирует всю проблематику книги, и это большая удача автора, сумевшего в немногих словах заглавия передать сущность работы.

Автор не дает строгого определения значения (meaning), что сильно затрудняет обсуждение его идей. С другой стороны, дать такое определение на современной стадии исследования достаточно трудно, а по описанию, даваемому автором, можно, по-видимому, составить себе некоторое представление о том, что он имеет в виду. Так, на стр. 10 автор говорит: «Основная идея этой короткой книги может быть подытожена в следующих словах: значение есть в первую очередь не знание в голове говорящего, а объективная часть объективно существующего языка; хотя говорящий знаком со значением и для него значение является знанием, это знание не касается некоторого объекта, это не знание денотата, а лингвистическая форма знания». Несколько более похоже на определение следующее место: «Для отдельного знака обычно делается различие, а именно говорится, что знаковое отношение состоит из трех частей: знак, значение и денотат, или объект знака. Подобная тройственность существует *mutatis mutandis* в случае предложений» (стр. 21), причем автор предлагает для соответствующих объектов термины «форма», «значение» и «содержание». Наконец, более близкая (по мнению рецензента) к определению формулировка содержится в следующих словах: «Значе-

ние предложения состоит из значений отдельных морфем, встречающихся в нем. Именно поэтому тождественность или нетождественность значений двух предложений может быть сведена к совпадению и различиям между составляющими морфемами... В более точных терминах значение предложения эквивалентно сумме морфем, встречающихся в нем, но эта сумма в дальнейшем организуется и структурируется на уровне непосредственных составляющих и трансформов» (стр. 22—23). Эта формулировка может быть признана определением потому, что на ее основе можно, сравнивая тождественные морфемы, установить тождество или нетождество двух предложений. Она удобна тем, что сводит проблему значения предложений к проблеме значения составляющих ее морфем. Но для последней проблемы автор не дает никаких определений, на основе которых можно было бы построить какую-либо операционную процедуру. Автор солидаризируется с Ч. Моррисом, который «называл значением правило употребления знака» (стр. 37). Но это не операционное определение, а замена двух слов одним. Еще менее ясно, почему «Виттгенштейн сделал шаг вперед по сравнению с Моррисом, утверждая, что значение слова это есть употребление» (там же). На самом деле обе приведенные формулировки снимают проблему значения как несуществующую, и вряд ли автор, посвятивший этой проблеме всю книгу, придерживается той же точки зрения.

И все же я думаю, что большинство лингвистов согласится с основным тезисом автора о необходимости (или, может быть, нужно было бы сказать «полезности») различения между содержанием предложения (понимая под этим ту экстралингвистическую информацию, которая передается через предложение) и значением предложения (понимая под этим ту внутрilingвистическую информацию, которая конституирует предложение и делает его носителем информации). И дело здесь не только в целесообразности перенесения тройственного деления с простого знака на сложный знак, каким является предложение (кстати,

такое распространение при других терминах производилось еще Фреге¹). Дело скорее в том, что, как правильно подчеркивает автор, минимальные единицы содержания соответствуют предложениям, а дальше дробить содержание невозможно, в то время как мы явственно ощущаем, что передача содержания осуществляется при помощи более мелких единиц. По словам автора: «предложение есть минимальная единица содержания и в то же время максимальная единица значения» (стр. 25). С другой стороны, представляется слишком оптимистичным убеждение автора, что неразличение значения и содержания применительно к предложению «без сомнения в значительной мере объясняет, почему, несмотря на бесспорные успехи структурализма, семантика в течение последних десятилетий отставала в своем развитии» (стр. 7—8). Вряд ли введение одного противопоставления содержания и значения даст столь значительный импульс развитию лингвистической семантики. Отставание семантики объясняется трудностью самого объекта, огромным — по сравнению с грамматикой — числом семантических категорий и невыясненностью в связи с этим имеющихся противопоставлений.

Мне представляется, что прогресс семантики зависит от решения задач, подобных следующей: можно ли — и при каких дополнительных условиях — построить систему правил, которая на основе анализа всей доступной информации (как о форме всех составляющих предложения, так и о передаваемом им содержании): а) приписывала бы каждому предложению его значение; б) различала бы, имеют ли два предложения одно значение (вне зависимости от тождества или различия содержания); в) предсказывала бы, что из данного значения вытекают какие-то другие значения.

Представляется, что ответ на эти вопросы (кроме его несомненной практической ценности) позволит ответить и на следующие более общие вопросы, которые, как правильно утверждает автор во «Введении» к книге, до сих пор не получили удовлетворительного ответа: «а) является ли вообще значение частью языка?

¹ См.: Б. В. Бирюков, Теория смысла Готлоба Фреге, «Применение логики в науке и технике», М., 1960. Терминология, используемая вслед за Фреге в логике и семиотике, сильно отличается от принятой в лингвистике, а именно в логике «значение» («Bedeutung» у Фреге) используется, как правило, для обозначения денотата, в то время как «значение» в лингвистике скорее соответствует «смыслу» («Sinn» у Фреге). Это обстоятельство, как правильно отмечает автор, приводит к многочисленным недоразумениям и чисто словесным спорам.

б) если да, то в чем его сущность (exhaust nature) и из чего оно состоит? в) можно ли подвергнуть значение объективному анализу и если да, то какими методами? г) можно ли использовать значение в анализе синхронных систем, т. е. имеется ли возможность применять семантические критерии в грамматике?» (стр. 7). Сам автор фактически ответил лишь на первый и, как мы видели, лишь частично на второй вопрос. Важно, однако, что по ходу изложения им затронут целый ряд острых лингвистических (или шире — семиотических) проблем, которых я и хочу коснуться при более подробном изложении проблематики отдельных глав.

Короткое и очень содержательное введение посвящено вопросам, уже обсужденным выше.

Вторая глава «Суждение и предложение» неожиданно возвращает нас к вопросу, долго и в значительной степени бесплодно обсуждавшемуся как в логике, так и в лингвистике, и, к сожалению, вносит мало нового в этот вопрос. Автор начинает с деления всех высказываний (sentence) на частные, профессиональные, т. е. те, содержание которых понятно лишь узкому кругу специалистов, и общие, т. е. все остальные. Здесь верно констатируется, что содержание частных высказываний не может быть объектом лингвистики. Что касается содержания общих высказываний, то, как считает автор, целый ряд других наук в такой же мере, как и лингвистика, компетентны производить анализ этого содержания. «Если, несмотря на это мы согласимся, что лингвистика компетентна исследовать содержание общих высказываний, возникнет исключительная ситуация, а именно содержание одних высказываний будет анализироваться, а содержание других не будет. При таком предположении мы не смогли бы формулировать утверждения, действительные для всех высказываний» (стр. 14). С этим рассуждением можно было бы согласиться, если бы, во-первых, существовала аксиома о том, что объекты разных наук не могут перекрещиваться, и, во-вторых (это, пожалуй, важнее), если бы мы могли быть уверены, что какая-либо наука действительно займется таким анализом, который в настоящее время практически необходим. Пока что этим занимаются лингвисты, иногда достигая при этом интересных теоретических результатов².

Далее автор анализирует вопрос о различии между логикой и лингвистикой.

² Имеются в виду в первую очередь работы лаборатории машинного перевода 1-го МГПИИЯ под руководством В. Ю. Розенцвейга. Эти работы, посвященные именно анализу содержания общих высказываний, изложены в сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 8, М., 1964.

Он считает, что это различие состоит в том, что лингвистика изучает форму предложений, а логика форму суждений, причем предложение не совпадает с суждением, поскольку, например, вопросительное предложение не соответствует суждению. Придерживаясь той же точки зрения³, я должен отметить, что из этого вовсе не следует, что логика не может заниматься вопросами. Вопросом занималась уже традиционная логика⁴, а в настоящее время начинают строиться системы формальных «эротетических» логик⁵. Современная логика занимается скорее не суждениями, а тем, как из одних суждений и подобных им форм получить другие. Она берет соответствующие предложения в их суммарной субъектно-предикатной структуре, представляя лингвистике более детальный их анализ.

Поскольку обе науки имеют дело с языками (одна с искусственными, другая с естественными), предмет их многократно перекрещивается и на почве общих проблем двух наук успешно развивается новая отрасль науки — семиотика. Поэтому вряд ли можно согласиться с рассуждениями автора, направленными к укреплению традиционных барьеров между ними. Но его рассуждения несостоятельны и с формальной точки зрения. Приведем их целиком. «Не каждое предложение содержит суждение. Поэтому можно сказать, что существует асимметрическое отношение между предложением и суждением, поскольку все суждения являются предложениями, но не все предложения являются суждениями. В качестве ответа на поставленный вопрос это — факт решающего значения, ибо очевидно, что вопросительные, желательные и повелительные предложения, не содержащие высказываний, в то же время обладают формой предложения. Отсюда следует, что форма предложения и форма суждения не одно и то же и что они различны также в случае тех предложений, которые содержат суждение» (стр. 18). Из того, что все *A* суть *B*, но не все *B* суть *A* вовсе нельзя делать вывода, что ни одно из *A* не имеет тождественных свойств ни с одним из *B*. Скорее следует сделать вывод, что форма суждения есть частный случай формы предложения. Все это важно вот почему. Во «Введении» автор говорит: «Я собираюсь доказать

во второй главе, что это новая часть науки (речь идет об отрасли современной логики, называемой семантикой.— И. Р.) не только не в состоянии заменить лингвистическую семантику, но в действительности может дать ей весьма незначительный стимул, поскольку ее предмет абсолютно другой, хотя некоторые из ее представителей и думают, что изучают значение языка» (стр. 9). Предлагается, что это высказывание по крайней мере недостаточно для решения кардинального сейчас вопроса о возможном вкладе логической семантики в анализ значения современных языков⁶.

Интересными в этой главе являются рассуждения автора о параллельном развитии логики и лингвистики и, в частности, о том, что лингвистика, как и логика, не обязана быть исторической дисциплиной, хотя позиция автора представляется несколько односторонней. В целом, однако, эта глава представляется неудачной, а главное, ненужной для развития общей концепции автора.

Третья глава озаглавлена «Содержание и понимание». Основной тезис автора вполне убедительно сформулирован в следующих словах: «Для правильного понимания значения предложения достаточно знать язык, на котором оно произнесено, в то время как для понимания содержания требуется знание, отличное от лингвистического знания» (стр. 21).

Наиболее интересным специальным вопросом, обсуждающимся в этой главе (общие вопросы я уже разбирал выше), является вопрос о «грамматически правильных» (или, как привык говорить рецензент, «отмеченных») фразах. Автор возвращается к известной полемике по поводу фраз типа *Идея яростно спит*. Хомский говорил, что эти фразы не имеют значения и поэтому структура предложения должна выводиться из сугубо формальных критериев. Как известно, Хилл провел ряд экспериментов с этими фразами, которые показали, что деление на грамматические и неграмматические предложения в достаточной мере условно⁷. Автор считает, что эксперименты Хилла плохо поставлены, потому что испытуемые могут рассматривать предложение лишь с точки зрения их содержания. Такого рода аргументация грозит подорвать всю концепцию автора. Если для говорящего на языке значение не является реальностью, а единственной реальностью является содержание, то закрывается всякая возможность экспе-

³ См.: А. А. Зиновьев, И. И. Ревзин. О книге «Мышление и язык», ВЯ, 1958, 2.

⁴ См.: Ю. И. Зуев, К логической интерпретации вопроса, «Логико-грамматические очерки», М., 1961.

⁵ R. Vaпsche, Introduction à la logique contemporaine, Paris, 1957, стр. 98.

⁶ По этому вопросу я до сих пор придерживаюсь мнения, высказанного в моей в остальном устаревшей статье «Структуральная лингвистика, семантика и проблемы изучения слова», ВЯ, 1957, 2, стр. 37—39.

⁷ См.: А. Хилл, О грамматической отмеченности предложения, ВЯ, 1962, 4.

риментального подхода к значению; но тогда лингвистическая семантика обречена, пожалуй, на бесплодие, ибо сколь абстрактной ни была бы некоторая область лингвистики или другой науки, в ней всегда есть цепочка понятий, восходящих к эксперименту. Я, наоборот, считаю, что эксперименты типа тех, которые провел Хилл, никоим образом не отвергая теорию Хомского, требуют значительной модификации подхода к одному из ее исходных понятий и еще долго будут служить источником новых идей относительно отмеченности⁸.

Трудно спорить с тем, что, если определить значение так, как его определяет Антал, то фразы типа *Идея яростно спит* действительно имеют значение, не передавая содержания. Но мне кажется, что именно подобные фразы дают возможность не только противопоставлять значение и содержание, но выяснить их внутреннюю связь. Значение предложения можно попытаться определить как его потенциальное содержание. Это вполне согласуется с соображениями Якобсона о том, что возможна ситуация, например, в поэзии, когда подобное предложение передает содержание. При таком понимании именно благодаря наличию значения язык передает содержание, относящееся к любому из возможных миров в смысле Лейбница — Витгенштейна⁹. Этим объясняется, по-видимому, такой в сущности психологический факт, как наличие своеобразной «презумпции осмысленности», состоящей в том, что на основе лингвистического значения слушающий начинает приписывать фразе некоторое содержание. Может быть, это объяснение проливает новый свет на эксперименты типа упомянутых выше. Единственным решением такого вопроса является постановка дальнейших экспериментов и поэтому всякая попытка отгородить теоретические рассуждения от подобных экспериментов представляется неразумной.

По поводу самого понятия грамматической правильности Антал очень резко и однозначно высказывается в том смысле, что нельзя говорить об уровнях правильности («grammatical correctness cannot be graded» — стр. 32). Напрасно, однако, он приписывает такой же взгляд Хомскому, который в одной из своих по-

следних работ показал, какое значение имеет введение таких уровней для более адекватного описания языка методом моделей¹⁰.

Мне уже приходилось в другой рецензии¹¹ говорить о том, сколь мало обоснована абстракция заданности всех правильно построенных фраз в связи с тем, что носитель языка далеко не всегда однозначно решает вопрос о правильности данной фразы. Я считаю, что этот вопрос является одним из самых насущных вопросов современной теоретической лингвистики и поэтому не могу согласиться с той легкостью, с какой этот вопрос решается в рецензируемой книге. «Всякая постепенность (gradualness) в отношении грамматики должна быть исключена в принципе. Грамматика качественное, а не количественное явление. Если язык система, то должна существовать четкая и неумываемая граница между грамматическим и неграмматическим» (стр. 32; разрядка моя. — И. Р.). Очень важный вывод, который, по моему мнению, может следовать лишь из опыта, делается из высказывания «язык есть система», которое абсолютно бессодержательно и которое каждый волен понимать по-своему.

Резкое деление на «грамматически правильные», или «отмеченные» фразы и «грамматически неправильные», или «неотмеченные», как оно проводилось, например, в моей книге «Модели языка», было удобно для первых шагов по моделированию языка, но даже там отмечалась вся условность такого деления. Это место книги вызвало критические замечания Антала в его рецензии на мою книгу¹². Я, наоборот, считаю недостатком своей книги то, что практически я исхожу из заданности всех отмеченных фраз, что, как представляется, противоречит опыту.

Четвертая глава называется «Гипотетическая природа значения». В ней высказывается чрезвычайно важная мысль о том, что значение является не объективной данностью, а, так сказать, конструктом («Мы не знаем, что такое значение, и природа его такова, что мы никогда не будем знать этого с абсолютной уверенностью» — стр. 34), что мы приписываем предложениям значения потому, что таким образом мы можем более экономно объяснить функционирование языка. В самом деле, хотя для каждого носителя языка значимость языковых элементов является несомненной реальностью,

⁸ Некоторые соображения по этому поводу были приведены рецензентом на симпозиуме по машинному переводу в Ереване (см.: ВЯ, 1964, 1, а также мою рецензию в ВЯ, 1964, 3).

⁹ Подробнее этот вопрос разбирается в работе: И. И. Ревзин, Некоторые трудности при построении семантических моделей для естественных языков, «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов», М., 1962, стр. 20—22.

¹⁰ См.: Н. Хомский, Несколько методологических замечаний о порождающей грамматике, ВЯ, 1962, 4.

¹¹ См.: ВЯ, 1964, 3.

¹² «Linguistics», 1964, 3. Между прочим, это единственное возражение в рецензии, с которым я не могу согласиться,

при объективном лингвистическом описании — вне зависимости от того, идет ли речь о традиционном описании грамматиче- или о построении порождающих грамматик, мы вынуждены вводить такие категории, как «мужской род», «дательный падеж», «одушевленность» и т. п., которые не даны непосредственно в формах таких языков, как русский, и, по-видимому, не выводятся из них путем генерализации, а постулируются, вносясь извне, и единственное оправдание такого внесения состоит в том, что с их помощью более адекватно описываются факты языка. Аналогичное положение, по-видимому, и с лексическими значениями.

Но здесь возникает следующий чрезвычайно важный вопрос. Если признать гипотетический характер значения, то оно теряет тот абсолютный характер, который, по-видимому, приписывает ему автор («значение существует не только в теории, но и в действительности» — стр. 37), и становится зависимым от той процедуры описания, в которой необходимо постулировать те или иные значения, и вполне может случиться (с этим сталкивается всякий, кто пытается конструировать порождающие грамматиче- что одной и той же лингвистической форме при разных системах описания приходится приписывать разные «значения» (например, разные грамматические категории). Пока еще не существует способа в любом случае определить, какое из возможных описаний наиболее адекватно и какая система значений «существует в действительности». Мы уже говорили, однако, что автор даже и не пытался дать операционных определений значения и не предложил никаких процедур для приписывания конкретных значений объектам. Поэтому его общие рассуждения о гипотетической природе значения остаются, несмотря на верность основной предпосылки, малосодержательными. Больше того, по ходу изложения он походя отвергает такие процедуры приписывания значений, как компонентный анализ Ельмслева, который он вместе с Перро¹³ считает техникой, идущей не от структуры языка, а от структуры экстралингвистических денотатов (стр. 42). Но если отвергать гипотезы, непосредственно не связанные с формами, то остается, по-видимому, только одна процедура: постулировать столько значений, сколько в текстах выделяется морфем, поставив в соответствие каждой морфеме ее значение. По-видимому, автор так и предполагает поступать, ибо он кончает книгу утверждением, что «имеются основания, обязывающие считать, что нет совершенных синонимов»

(стр. 61), т. е. раз имеются две разные морфемы, то им следует сопоставить два разных значения. Мне представляется, однако, что семантическая теория, решающая проблемы синонимии лишь в отрицательном смысле, абсолютно ничего не дает для практики (например, перевода) и поэтому не представляет интереса. Если же автор действительно постулирует столько значений, сколько есть морфем, то такая теория приводит лишь к удвоению объекта, т. е. она заведомо сложнее теории, не использующей понятие значения, не давая при этом никаких преимуществ.

Дальнейшая часть этой главы посвящена соотношению между словом и понятием (об этом вопросе можно сказать лишь то, что было сказано по поводу суждения и предложения) и центральному статусу морфемы в теории языка.

Автор высказывает ряд интересных аргументов в пользу признания морфемы, а не слова основной единицей языка. В частности, он подчеркивает, что если принять, что язык есть код, то именно морфемы суть минимальные единицы кода, в то время как слово, когда оно не совпадает с морфемой, должно рассматриваться как целое сообщение. Это верные и глубокие соображения. Но вряд ли из них можно делать выводы о «дилетантском характере» (стр. 47) всех обычных словарей, в которых за основу берется слово. Автор предлагает новый тип словаря, а именно морфемный словарь. Нельзя не согласиться с тем, что такой словарь был бы очень полезен, но скорее всего он лишь дополнил бы лексикографическую практику, но не привел бы к революции в лексикологии. Странно читать следующие слова: «Я убежден, что огромное разнообразие взглядов и методов, характерное для всей области лексикологии, и в общем медленный прогресс этой области „науки“ является прямым следствием того факта, что лексикология до недавнего времени не смогла обнаружить свой подлинный объект, а именно морфему, и что она продолжает поклоняться (is engaged in the false cult of) гетерогенной категории, а именно слову» (стр. 48).

Лексикография возникла из нужд практики и практика в первую очередь требует словарей, оперирующих словом. В частности, только такими и могут быть двуязычные словари. Но именно двуязычные словари подозрительны автору: «Именно факт существования двуязычных словарей слов показывает нам, что на уровне слов языки представлены в единицах, которые скрывают истинные свойства языка» (стр. 47). В основе лежит интересная мысль о том, что морфемы более специфичны для языка, чем слова, но приводит она к странным выводам. Как будто проблемы эквивалентности слов (как объединений морфем) внутри языка и между языками, проблемы отно-

¹³ См.: «Proceedings of the VIII International congress of linguists», Oslo, 1958, стр. 690—692.

шения слов к денотатам уже выводят нас за пределы лингвистики. Здесь, как и в вопросе о значении и содержании, автор суживает сферу лингвистики таким образом, что большинство наиболее важных практических проблем оказывается за ее пределами.

Последняя, очень краткая глава называется «Значение и эмоции». В ней автор присоединяется к точке зрения, высказанной у нас Звегинцевым¹⁴, что нельзя говорить об «эмотивном значении» или «эмотивном компоненте значения», ибо «эмоции вызываются денотатами» (стр. 60). В рамках концепции Антала эта идея непонятна (не говоря уже об отмеченной самим автором трудности в связи с наличием эмоционально окрашенных синонимов). В самом деле, значение есть, по Анталу, некоторая гипотеза; мы приписываем предложению некоторое значение для того, чтобы объяснить его функционирование и, в частности, реакцию на него носителей языка. Ясно, что для целого ряда предложений придется выдвинуть гипотезу о том, что в их значение входит и эмотивный компонент. Подлинная причина, почему автор исключает эмоции, как представляется, в другом. По всей книге, чуть ли не на каждой странице, автор противопоставляет свой «структурализм» «психологизму» предшествующих семантических теорий. В предисловии прямо говорится: «Одной из будущих задач будущей структуралистской теории семантики будет последовательное разоблачение всего, что напоминает психологическую концепцию языка» (стр. 11). На стр. 38 говорится: «Лингвистический психологизм, который начал процветать во второй половине XIX в., целиком помещал язык в индивидуальном сознании, и, конечно, значение не было исключением. Хотя структурализм и покончил с психологизмом, ему до сих пор не удалось вытеснить последний из его твердыни в одной области, а именно в семантике» (стр. 38). Как мы видим, психологизм понимается здесь весьма широко, это всё характерное для предшествующего развития лингвистической семантики. Необходимо сказать, что в свое время преодоление психологизма (в более узком смысле) было действительно необходимо, так как это направление связывало лингвистику с гораздо менее точной областью умозри-

тельной психологии и тем самым мешало лингвистике¹⁵. В настоящее время борьба с психологизмом представляется анахронизмом, наоборот, следовало бы всячески приветствовать любые конкретные исследования о семантических категориях в индивидуальном сознании (например, в процессе обучения), ибо реально язык находится не в эфире, а в индивидуальных психических структурах¹⁶ и, если мы часто отвлекаемся от этого в структурных исследованиях, то речь идет о необходимых и в какой-то мере временных абстракциях. И вообще слова «психологизм», «структурализм» и т. п. очень мало решают. Автор все время провозглашает себя структуралистом, но является им скорее по убеждениям, чем по методам. Нельзя забывать также о преемственной связи между методами, применявшимися, например, младограмматиками и, в частности Наулем, о котором автор отзывался довольно высокомерно (стр. 40—41), и методами, применяемыми теперь. Различие, по-видимому, в основном в требованиях большей точности к определениям, в явной выработке однозначных операционных процедур, в недоверии к чисто умозрительным построениям. Но именно по этим пунктам, как мы видели, автору можно сделать ряд значительных упреков. Частично недостатки книги связаны и с трудностями самого материала. В предисловии к книге автор указывает, что он готовит более полное изложение своей теории, которое должно появиться в большой серии выпусков «*Janua linguarum*». Хотелось бы, чтобы в этой книге указанные недостатки были устранены.

И. И. Резвин

¹⁵ Аналогичное значение имела борьба Гуссерля против психологизма в логике.

¹⁶ В этом отношении Бодуэн де Куртене несомненно был прав, говоря в одной из своих публичных лекций: «Если бы мы все, здесь присутствующие, замолкли, если бы в этом зале водворилась абсолютная тишина, перестал бы существовать человеческий язык вообще, а русский язык в особенности? Ему нечего было бы переставать существовать, ибо его и без того нет как реального целого. Но зато есть индивидуальные языки как непрерывно существующие целые» (И. А. Бодуэн де Куртене, Значение языка как предмета изучения, «Иабр. труды по объему языкознанию», II, М., 1963, стр. 130).

¹⁴ В. А. Звегинцев, Семасиология, М., 1957, стр. 175.

В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. Ч. 1.— М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962. 262 стр.; ч. 2.— М.—Л., Изд-во «Наука», 1965. 264 стр.

Для труда В. З. Панфилова, представляющего собой первое крупное исследование языка нивхов, характерны в целом не только полнота описания основных фактов грамматики нивхского языка, в частности его морфологии, но и полнота освещения ряда языковых явлений с точки зрения общелингвистических теорий. Работа эта, учитывающая все имеющиеся исследования по фонетике и морфологии нивхского языка, написана на основе материалов, собранных автором во время экспедиций к нивхам; для большей наглядности и доступности фактического материала использованы примеры из учебных пособий по нивхскому языку.

В первой части дается фонетическое введение и морфология именных частей речи; во второй — исследуется глагол, наречие, образные слова, междометие, служебные слова; в качестве приложения дано четыре фольклорных текста с переводом и краткими примечаниями к ним. Многие разделы обоих томов имеют характер специальных исследований, из которых в первую очередь следует выделить раздел, посвященный рассмотрению нивхского глагола — самой сложной и наименее изученной части речи нивхского языка.

При описании именных частей речи всесторонне исследуется вопрос об основоположении как наиболее продуктивном способе словообразования нивхских существительных, о синтактико-морфологическом словообразовании и слогеобразовании, осуществляемом путем конверсии. Здесь же впервые дается классификация сложных существительных по двум основным группам: существительные, образованные по типовым моделям основоположения, и существительные, возникшие в результате перерастания синтаксических словосочетаний в лексические образования (сложные существительные-сдвиги).

В работе последовательно проведена классификация слов по частям речи. Учитывая особенности грамматического строя нивхского языка, автор изымает из состава частей речи имена прилагательные, ранее выделявшиеся (по линии качественных прилагательных) в самостоятельную часть речи¹. В новую схему не включаются также служебные слова и междометия, которые рассматриваются здесь как особые языковые единицы, причем автор ставит вопрос о том, можно ли вообще считать междометия и служебные слова словами в собственном смысле. Помимо имени существительного, числительного, местоимения, глагола и наре-

чия, в качестве особой части речи рассматриваются образные слова, которые прежде не привлекали внимания исследователей нивхского языка.

Во все разделы книги написаны одинаково ровно. Не совсем благоприятное впечатление производит раздел «Фонетическое введение», который дается автором в предельно сжатой форме (стр. 5—22). Недостаточную характеристику получили при этом нивхские согласные фонемы и основные фонетические закономерности, связанные с чередованием начальных согласных в нивхских словах и нивхских морфологических формах. Фонемный состав нивхского языка исследовался Е. А. Крейнвичем, а затем экспериментально Л. Р. Зиндером и М. И. Магусевич². Е. А. Крейнвичем была установлена система чередований начальных согласных. Сложность нивхской фонетики в значительной степени определяется развитой системой согласных (в нивхском языке 33 согласных фонемы, из которых особой характеристики требуют звонкие непридыхательные смычные) и чередованиями их в составе слов и суффиксов. В. З. Панфилов лишь фиксирует данные фонетические явления в виде общих таблиц и самых кратких примечаний к ним, в то время как следовало бы, основываясь на истории изучения нивхской фонетики, дать описание отличительных особенностей согласных, проявляющихся как в количественном плане, так и в качественном, а также привести конкретные примеры их чередований. Краткое указание на то, что чередования начальных согласных «не имеют всеобщего характера» (I, стр. 15), может неправильно ориентировать читателя в понимании данного явления, тесно связанного с грамматическим строем языка, в частности с его морфологией, и представляющего одну из специфических особенностей нивхской речи. Особо следовало бы отметить также и заимствованные согласные, появившиеся в нивхском языке в словах, усвоенных из русского языка, поскольку в работе используются примеры с такими согласными: *ученик, школа, полот'эни* «полотенце» и др.

В разделе «Морфология» прежде всего привлекает к себе внимание вопрос о границах слова в нивхском языке. Проблеме слова автор уделяет немалое внимание, подчеркивая при этом, что «до настоящего времени продолжает оставаться

¹ См.: В. З. Панфилов, К вопросу об инкорпорации, ВЯ, 1954, 6, стр. 14—17.

² См.: Е. А. Крейнвич, Фонетика нивхского (гиляцкого) языка, М.—Л., 1937; Л. Р. Зиндер, М. И. Магусевич, Экспериментальное исследование фонем нивхского языка, Приложение к кн.: Е. А. Крейнвич, Фонетика...

ся открытым не только вопрос о существенных признаках слова вообще, но даже вопрос о принципиальной возможности такого определения слова, которое было бы общим для всех языков мира» (I, стр. 26). Проблема слова в нивхском языке включается в круг спорных вопросов о наличии в этом языке инкорпорации. В частности, дискуссионным остается вопрос о том, являются ли компоненты инкорпорированных построений словами или основами знаменательных слов. Отправляясь от фактов нивхского языка, В. З. Панфилов выделяет следующие основные признаки слова как лексико-грамматической единицы: относительно самостоятельное значение (семантическая цельность); способность вступать в синтаксические связи с другими словами в составе предложения; функционирование в качестве члена своего собственного парадигматического ряда. Эти признаки слова автор относит и к основам знаменательных слов, когда последние выступают в качестве одного из компонентов инкорпорированного комплекса (II, стр. 28).

В этой связи необходимо заметить, что применительно к нивхскому языку автор недостаточно четко характеризует те элементы, которые делают слово предметом морфологии. Остановившись на понятиях «корень слова», «основа слова», В. З. Панфилов приходит к выводу, что в нивхском языке основа слова совпадает с одной из форм этого слова: «В нивхском языке основа слова, как *п р а в и л о* (разрядка наша.— В. С.), совпадает с одной из форм этого слова (у существительных, местоимений, числительных — с формой абсолютного падежа единственного числа, у глаголов — с причастной формой и т. п.)» (I, стр. 24). Эта слишком общая формулировка не отражает действительного положения вещей, ибо в нивхском языке отчетливо выделяются два типа основ, различающихся тем, что один тип корневых, а также производных основ способен употребляться в качестве самостоятельных слов, основы же другого типа никогда не употребляются как самостоятельные слова, составляя только часть слова. К основам и корням первого типа относятся имена и первообразные наречия; сюда же примыкают местоименные корневые морфемы и основы, не употребляющиеся в форме на *-d'*, например: *тыф* «дом», *н'и* «я», *ац* «кто», *пыт* «завтра» и др. Основы второго типа — это основы качественных, переходных и непереходных глаголов, сюда же примыкают корневые морфемы и основы указательных, некоторых вопросительных и других местоимений; при этом как те, так и другие получают значение отдельного законченного слова, только будучи оформленными суффиксами *-d'* (*-m'*). Так, например, в нивхском языке есть слова *рад'* «пить», *муд'* «умереть», *чуд'* «быть

новым», *тыд'* «этот», *ад'* «тот», включающие в свой состав корневые основы *ра-му-*, *чу-*, *ты-*, *а-*, которые никак нельзя отождествлять с самостоятельными словами, если не учитывать возможной в этих случаях омонимии (в приведенных примерах основа глагола *муд'* «умереть» омонимична существительному *му* «лодка», а основа указательного местоимения *ад'* «тот» — существительному *а* «сажень»). Корневые глагольные основы четко выделяются на фоне формообразования. И в этом случае глагольная основа с формообразующим суффиксом будет входить во все формы одного и того же слова, например: *ра-d'* «пить», *ра-иньд'* «собираться, намереваться пить», *ра-ытт* «выпить», *ра-гуд'* «заставить пить», *ра-йа* «пей», *ра-вэ* «пейте» и т. п. Заметим, что последние две глагольные формы в отличие от всех предыдущих не оформляются конечным суффиксом *-d'(-m')*, поскольку в форме повелительного наклонения они имеют свои особые личные показатели *-йа*, *-вэ*.

Характерно, что в нивхском языке глагольные и местоименные основы, не будучи законченными словами, все же могут вступать в синтаксические отношения с другими словами. Это своеобразное явление наиболее четко прослеживается в инкорпорированных определительных сочетаниях, где определительные компоненты выражены глагольными и местоименными основами. В этом случае основы переходных и непереходных глаголов могут принимать значение причастий, а основы качественных глаголов в своем большинстве — значение качественных прилагательных. Примеры: *п'ры антх* «пришедший гость» (от основы непереходного глагола *п'рыд'* «приходить») и *антх* «гость»; *йуру н'ивх* «читающий человек» (от основы переходного глагола *йуруд'* «читать» и *н'ивх* «человек»); *мролв во* «старая древесина» (от основы качественного глагола *мролвд'* «быть старым» и *во* «древесина»). Данные определительные сочетания могут быть сопоставлены с определительными сочетаниями с именами существительными, а также личными и другими местоимениями в форме абсолютного (неоформленного) падежа в качестве определения. В этом случае имена существительные передают значение относительных или притяжательных прилагательных, а личные местоимения — значение притяжательных местоимений. Примеры: *м'иг'р'но* «деревянный амбар» (буквально «деревяно амбар»), *ытыж хонтц* «отцовский кiset» (буквально «отец кiset»). По мнению автора, существительные, выступающие в функции относительных и притяжательных прилагательных, продолжают оставаться существительными, «так как они, сохраняя значение предметности, в свою очередь могут получать определения, оформляться суффиксами множественного

числа, соединительными суффиксами и получать притяжательное оформление, т. е. выступать в формах, свойственных существительным» (I, стр. 34—35). Автор указывает далее и на другие разряды знаменательных слов, выступающих в этой функции, например на личные местоимения, которые, используясь в качестве определенных в определительных синтаксических сочетаниях, хотя и принимают значение притяжательных местоимений, все же остаются личными местоимениями (I, стр. 156, 252). Это положение следовало бы распространить и на основы знаменательных глаголов с формообразующими суффиксами или без таковых, которые, являясь определениями к существительным, могут принимать значение качественных прилагательных (например, *урд'* «быть хорошим» и *урлаах* «хорошая погода») или значение причастий (например, *п'рыиньд'* «собираться, намереваться прийти» и *п'рыинь анта* «гость, который собирается, намеревается прийти»), но не перестают от этого быть глагольными основами и не переходят в разряд самостоятельных слов, характеризующихся грамматическими признаками качественных прилагательных или причастий. Убедительно показав, что в нивхском языке нет оснований для выделения прилагательных, В. З. Панфилов, однако, считает возможным говорить далее о выделявшейся в нем категории причастий. С нашей точки зрения, вывод этот ничем не обоснован. Та грамматическая характеристика, которая дается автором «причастиям», в действительности является лишь обобщенным повторением ранее выделенных им собственно глагольных форм. Никаких особых причастных суффиксов в нивхском языке нет. Употребляясь в значении причастий, глагольные основы переходных и непереходных глаголов, естественно, не характеризуются также и формами синтаксического словоизменения.

Отрицая в целом наличие инкорпорирования в нивхском языке, В. З. Панфилов отождествляет компоненты определительных сочетаний, когда они являются основами глагола или основами местоимений, с самостоятельными словами, а самый определительный комплекс с обычным сочетанием слов, построенным на примыкании. «Нами показано, — пишет автор, — что каждый из знаменательных компонентов так называемого инкорпорированного комплекса, состоящего из определения и определяемого..., обладает этими признаками слова, а весь „инкорпорированный комплекс“ — признаками словосочетания» (II, стр. 28). Однако в кругу доказательств автора мы не находим достаточно веских оснований для отождествления основ знаменательных слов со словами, имеющими реальное бытие не только в комплексе, но и вне его.

Требует уточнения и пониманье автором синтаксического приема примыкания, как как остается неясным, все ли словосочетания, построенные на примыкании, признаются однотипными, исходя из первого члена, и слова каких именно частей речи обладают в нивхском языке способностью примыкать к другим словам.

Нивхские синтаксические образования, в том числе и различные типы определительных сочетаний, характеризуются своей особой спецификой, которая нуждается еще в специальном исследовании. Мы коснулись этого вопроса, затронув при этом и вопрос о неправомерности выделения в нивхском языке причастий, лишь в плане анализа морфологической структуры нивхского слова, поскольку эта часть работы содержит в себе, по нашему мнению, не всегда правильные и в значительной мере спорные положения.

В отличие от предшествующих работ по нивхскому языку В. З. Панфилов дает более подробную грамматическую характеристику именных частей речи: имени существительного, имени числительного, местоимения. Помимо двух грамматических категорий существительного — категории числа и падежа, автор считает также возможным выделить категорию принадлежности. С нашей точки зрения, данная грамматическая категория, характерная для многих северных языков, в том числе и для палеоазиатских, например для эскимосского и чукотского, в нивхском языке не получила развития. В языке нивхов существительные не имеют лично-притяжательных суффиксов, обозначающих принадлежность предмета тому или иному лицу; соответственно в нивхском языке нет и форм притяжательного склонения — имеется единый тип склонения для всех имен существительных и местоимений. Для выражения понятия признака того или иного предмета по принадлежности используются в функции определения имена существительные или личные местоимения в форме абсолютного (неоформленного) падежа, например: *ымык нут* «халат матери», буквально «мать халат», *чолци мурки* «оленьи рога, рога оленя», буквально «олень рога», *н'ың к'э* «наш невод», буквально «мы невод», *имц т'у* «их нарта», буквально «они нарта» и т. п. Личные местоимения *н'и* «я», *чи* «ты», *иф* «он», а также возвратное местоимение *н'и* «себя», за исключением случаев, когда определяемое ими по принадлежности существительное начинается с двух согласных, выступают обычно в усеченной форме *н'-*, *ч'-*, *и-* (*е-*), *н'-* и наподобие префиксов (заметим при этом, что в нивхском языке ни префиксов, ни инфиксов нет) сливаются с определяемым словом (ср., например, *н'-му* «моя лодка» и *н'и ыры* «моя палатка; *ч'-му* «твоя лодка» и *чи ыры* «твоя палатка»). Данные формы

усеченных личных и возвратного местоимений, существующие в языке наряду с их полными формами, а также с формами местоимений всех трех лиц мн. числа, основы которых не подвергаются (в позиции определения) никаким изменениям, собственно, и рассматриваются автором как формальные грамматические показатели, составляющие в нивхском языке категорию принадлежности. Мы думаем, что там, где данная грамматическая категория действительно имеет место, она должна характеризоваться более развитой системой лично-притяжательных форм, влияющих, как правило, на изменение форм существительных, определяемых по принадлежности. В нивхском же языке значение принадлежности предмета другому предмету или лицу выражается в основном не морфологическими средствами, а синтаксическим способом. В функции определения носителями значений данного признака выступают в нивхском языке имена существительные, не осложненные грамматическими формантами, а также личные местоимения, из которых лишь некоторые могут иметь характер префиксов.

Во второй части «Граматики» подробно исследуется глагол. В целом автору принадлежит первое систематическое описание нивхского глагола, проведенное на основе обширного материала и отличающееся особо тщательным анализом всей системы глагольных форм и всего круга вопросов, непосредственно связанных с данной темой. В общезыковедческом плане решаются вопросы предикативности и сказуемости, модальности и наклонения и ряд других общих и частных вопросов, связанных со спецификой глагола среди других частей речи. В ряде случаев автор отходит от общего, традиционного понимания грамматических категорий глагола и в связи с анализом конкретных языковых фактов дает им новое, более расширенное определение. Здесь же впервые ставятся вопросы о логико-грамматических категориях и их отражении в структуре нивхского предложения.

При полноте освещения самого широкого круга вопросов, связанных с данной темой, недостаточное внимание уделено аналитическим глагольным образованиям, которые исследуются здесь только в связи с формами выражения отрицания. При описании сложных глаголов-сдвигов, а также видов наклонения и грамматической категории времени специально не исследуются способы выражения глагольных значений аналитическим путем; указывается лишь на то, что «наряду с такого рода сложными глаголами-сдвигами в языке функционируют и соответствующие словосочетания» (II, стр. 34, примеч. 45). Однако следует заметить, что в нивхском языке конструирование словосочетаний, совмещающих

в себе черты словосочетания и слова, характеризуется своими особенностями. Многообразные по своему значению, они занимают в морфологии нивхского языка заметное место. Между тем вопрос о грамматической соотношенности их с соответствующими синтаксическими формами слова до сего времени остается открытым.

При исследовании морфологических типов прямопереходных глаголов не прослежены процессы возникновение переходных глаголов с начальными щелевыми и переходных глаголов с местоименным показателем объекта в основе. Генетическая взаимосвязанность этих глаголов совершенно очевидна, причем первые из них являются результатом более позднего развития³. Анализ переходных глаголов с местоименным показателем объекта следовало бы дать не только в виде перечисления основных и модифицированных форм, но соответствующим образом разъяснить эти явления, характеризующие самый процесс образования переходных глаголов в нивхском языке.

Исследуя нивхский глагол, В. З. Панфилов выдвигает ряд теоретических положений, связанных с понятиями предикативности и сказуемости, модальности и наклонения. Рассматривая предикативность и сказуемость как явления двух различных уровней предложения — синтаксического и логико-грамматического, автор обращает особое внимание на то обстоятельство, что интонация (логическое ударение) есть лишь одно из возможных средств выражения членения суждения на субъект и предикат и что в ряде языков в этих целях используются специальные морфемы. По мысли автора, в нивхском языке в тех случаях, когда логический предикат суждения выражается не сказуемым, а каким-либо другим членом предложения, этот последний оформляется специальным предикативным суффиксом *-та ~ -ра ~ -да*. «Предикативный суффикс *-та ~ -ра ~ -да*, — пишет В. З. Панфилов, — может присоединяться к любой части речи, выступающей в функции члена предложения — выразителя логического предиката» (II, стр. 113). В рамках рецензии не представляется возможным сколько-нибудь подробно обсуждение данного вопроса, так как это потребовало бы развернутого анализа структурных особенностей нивхского предложения и, в частности, — структуры инкорпорированных построений, наличие которых полностью отрицается автором. Поэтому ограничимся лишь наиболее существенными замечаниями.

В структуре нивхского предложения логический предикат суждения выделяется обычно интонацией (логическим уда-

³ См. об этом: Е. А. Крейн ов и ч. Об инкорпорировании в нивхском языке, ВЯ, 1958, 6, стр. 22—25.

рением), в качестве дополнительного средства выделения мысли используется инверсия. Именно инверсией, а не специальными морфологическими средствами, как полагает автор, может быть выделен логический предикат суждения, выраженный прямым дополнением и отнесенным к нему определением. Так, в инкорпорированном построении предложения, стержнем которого является переходный глагол, между отрицательной частицей *t'a* и глагольным сказуемым помещается обычно прямое дополнение, например: *T'a ku n'ixx ɣə'ɣjal* «Того человека не зови!» (буквально «не того человека зови»). Если же прямое дополнение и относящееся к нему определение логически акцентируются, отрицательная частица *t'a* перемещается к глагольному сказуемому, но при этом в основе глагольного слова восстанавливается местоименный показатель объекта *ɣ:*: *Ku n'ixx t'ayɣə'ɣjal* «того человека не зови его» (ср.: *ɣad' — ɣə'ɣd'*). Аналогичным способом выделяется и прямое дополнение, не имеющее при себе определения, например: *T'aqo'ɣur t'a ɣylam ɣə'ɣjal* «Ножом доску не строгай!» (буквально «ножом не доску строгай») и *ɣylam t'aqo'ɣur t'a ɣə'ɣjal* «Доску ножом не строгай!»

Требует специального рассмотрения и суффикс *-та ~ -ра ~ -да*. Мы думаем, что для выделения его в качестве формального грамматического показателя логического предиката суждения, выраженного любым членом предложения, нет достаточных оснований. Е. А. Крейнович, не следуя специально сконструированным предложениям, где данный суффикс находит свое наиболее частое употребление, с нашей точки зрения, правильно квалифицирует его как утвердительно-предикативный показатель, который может также присоединяться к подлежащему, когда утверждение сосредоточивается на субъекте высказывания⁴. Возражая против этого, В. З. Панфилов пишет: «Употребляясь в одинаковой мере и в утвердительных и в отрицательных предложениях, этот суффикс, по нашему мнению, не является показателем утверждения и связан лишь с понятием предикативности» (II, стр. 113). Требуется, очевидно, внести ясность, в каких именно конструкциях предложений данный суффикс находит употребление и каков характер этих предложений. В целом — это предложения, представляющие собой взаимосвязанные реплики диалога. Широко известно, что структура таких предложений имеет свои особенности, объясняющиеся специфичностью диалога. В частности, здесь различаются предложения, составляющие часть диалога

(реплики), и предложения-ответы. Предложение-ответ может, разумеется, содержать в себе подтверждение или отрицание того, о чем спрашивается. Для нивхского языка характерно, что в диалогических предложениях, представляющих собой сочетание предложений-реплик, суффиксом *-та ~ -ра ~ -да* обычно оформляется последний член предложения — глагольное сказуемое, как бы замыкающее собой все высказывание, но не выражающее при этом логического предиката суждения. Логически же акцентируемые члены предложения выделяются здесь только интонацией. Примеры: *Чи ɣə'ɣm ɣə'd'la?* «Ты малыну собираешь?», *ɣы, n'i ɣə'ɣm ɣə'd'ra* «Да, я малыну собираю»; *Иф ма'ɣур ɣə'ɣd'la?* «Оч сильно испугался?», *ɣы, иф ма'ɣур ɣə'ɣd'ra* «Да, он сильно испугался». Если предложение-ответ содержит в себе отрицание того, о чем спрашивается, то суффиксом *-та ~ -ра ~ -да* оформляется и отрицательный глагол. Примеры: *Чи t'us t'ad'la?* «Ты мясо жарить?», *ɣау'ка, n'i ɣо ршад'ra* «Нет, я рыбу жарю». Логически акцентируемое прямое дополнение *ɣо* «рыбу» и в этом случае выделяется только интонацией. Если в состав предложения-ответа входят только подлежащее и сказуемое и оно содержит в себе подтверждение того, о чем спрашивается, суффиксом *-та ~ -ра ~ -да* может быть оформлено и подлежащее, например: *Им'до'ɣ ытык n'ryd'la?* «К ним отец пришел?», *Ыты'ка n'ryd'* «Отец пришел», т. е. утверждается, что пришел именно отец. Однако следует заметить при этом, что подобного рода предложения-ответы чаще состоят из одного слова, например: *А' n'mu ɣod'na?* «Кто взял мою лодку?», *И'ва* «Он», т. е. утверждается, что взял именно он.

Утвердительно-предикативный характер суффикса *-та ~ -ра ~ -да* наиболее отчетливо проявляется в предложениях-репликах, где в функции бессвязочного сказуемого выступают имена существительные, например: *ɣы n'ixx ɣамда* «Этот человек — шаман», т. е. утверждается, что этот человек — шаман. Если утвердительный смысл предложения не подчеркивается, то суффикс *~ -та ~ -ра ~ -да* опускается, например: *Н'ы'ɣын ɣу'ни'ɣ* «Мой брат — учитель».

В заключение заметим, что при нерешенности многих вопросов нивхского синтаксиса, в том числе и вопросов формирования свободного сочетания прямого дополнения со сказуемым и определением с определяемым, следовало бы с большей осторожностью подходить и к вопросу о возможности их логической акцентуации средствами морфологии. Добавим к этому, что в более широком плане вопросы, связанные с грамматическим и логико-грамматическим членением предложения, с привлечением фактов нивхского и других языков, освещены

⁴ Е. А. Крейнович, Гилякско-тунгусо-маньчжурские языковые параллели, «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», VIII, М., 1955, стр. 136.

щаются в работе В. З. Панфилова «Грамматика и логика»⁵, к которой неоднократно отсылается читатель. В этой работе мы находим дополнительное указание на то, что в нивхском языке не оформляется логический предикат, выраженный определением, и что в этом случае суффикс *-та ~ -ра ~ -да*, присоединяясь к глагольному сказуемому, теряет свое значение предикативного показателя. При этом высказывается предположение, что такого рода особенности, наблюдаемые при выражении логического предиката определением, по-видимому, обусловлены тем, что любое определение в нивхском языке может выступать как сказуемое или в значении сказуемого⁶. Мы полагаем, что причины этого явления значительно глубже и что обусловлено оно особенностями грамматического строя нивхского языка; в частности, здесь следует учитывать и то, что определительные компоненты, представленные основами знаменательных глаголов или основами местоимений, нельзя отождествлять с грамматическими разрядами слов, о чем говорилось выше в связи с вопросом о морфологической структуре слова в нивхском языке.

Наряду с предикативностью в качестве признака, свойственного всему предложению в целом, рассматривается категория модальности. Поскольку в более ранних работах по нивхскому языку категория

⁵ В. З. П а н ф и л о в, Грамматика и логика, М.—Л., 1963.

⁶ Там же, стр. 21.

модальности не исследовалась, сведения, сообщаемые автором, в виду сложности данной языковой проблемы и несмотря на спорность отдельных положений приобретают особо важное значение. Следует отметить только композиционные недостатки в подаче материала о модальности, в результате чего одни и те же вопросы освещаются повторно с привлечением одних и тех же примеров (ср. II, стр. 102, 124), а цельная характеристика категории модальности в нивхском языке все же отсутствует.

В работе впервые уточняется вопрос о наречии как отчетливо выделившейся части речи нивхского языка; при этом получили свое наиболее полное освещение все разряды нивхских наречий, в том числе и выявленные ранее словообразовательные типы наречий места и их морфологические формы.

Среди служебных слов наиболее четко освещены послелоги и их роль в склонении, хотя и здесь можно было бы сделать отдельные замечания более или менее частного характера.

В. З. Панфиловым создана первая научная грамматика нивхского языка, давно уже привлекающего к себе внимание языковедов и этнографов. Спорность некоторых положений работы и отдельные ее недостатки не препятствуют тому, чтобы оценить труд автора в целом как серьезное лингвистическое исследование, выполненное на уровне современного языкознания.

В. Н. Савельев.

Н. В. Ставровски. Лингвистическа статистика. — София, 1964. 175 стр.

Книга Н. В. Ставровского — это первая попытка предложить лингвистам учебное пособие по применению статистических методов для целей лингвистического исследования. Это именно учебник, который должен помочь лингвистам научиться правильно планировать наблюдения, грамотно собирать и группировать сведения количественного характера, анализировать результаты наблюдений. Необходимость в учебном пособии такого типа ощущается сейчас очень остро. Можно указать по крайней мере две причины, по которым книга Н. В. Ставровского вызывает особый интерес: это, во-первых, невыгодное положение лингвистов по сравнению с учеными, работающими в других областях науки: как известно, существует большое количество учебников и сводных работ по статистике, рассчитанных на биологов, медиков, агрономов, инженеров и, разумеется, экономистов. Здесь даже среди новых

отечественных и переведенных на русский язык за последние годы работ можно насчитать десяток названий¹. Лингвисты не располагали до сих пор таким учебником. Во-вторых, книга Н. В. Ставровского обращена ко всем лингвистам, независимо от того, какими методами они пользуются и в какой узкой области работают. Она посвящена не методам статистического описания лексики или грамматики, а проблеме анализа и обработки лингвистических наблюдений как таковых. Этим книга отличается от работ, носящих или характер монографий

¹ Мы в особенности хотим обратить внимание читателя на книгу В. Ю. Урбах а «Биометрические методы» (М., 1964), которая отличается простотой изложения и, хотя она написана для биологов, по существу рассматривает широкий круг задач, типичных для всякой экспериментальной науки.

Заметим, что книга Дж. Херда и «The calculus of linguistic observations» (S. Gravenhage, 1962) посвящена не методу анализа лингвистических наблюдений, как это можно предположить по ее заглавию; она является комплексным по своей природе проблематикой и в этом отношении сходна с предыдущими работами этого автора.

Заметим, что книга Дж. Херда и «The calculus of linguistic observations» (S. Gravenhage, 1962) посвящена не методу анализа лингвистических наблюдений, как это можно предположить по ее заглавию; она является комплексным по своей природе проблематикой и в этом отношении сходна с предыдущими работами этого автора.

Заметим, что книга Дж. Херда и «The calculus of linguistic observations» (S. Gravenhage, 1962) посвящена не методу анализа лингвистических наблюдений, как это можно предположить по ее заглавию; она является комплексным по своей природе проблематикой и в этом отношении сходна с предыдущими работами этого автора.

Заметим, что книга Дж. Херда и «The calculus of linguistic observations» (S. Gravenhage, 1962) посвящена не методу анализа лингвистических наблюдений, как это можно предположить по ее заглавию; она является комплексным по своей природе проблематикой и в этом отношении сходна с предыдущими работами этого автора.

причем как с содержательной стороны, так и с точки зрения методики вычисления³. Представляется, что книга по статистике, предназначенная для лингвистов, должна быть построена так, чтобы смысл основных статистических категорий, понятий и мер был ясен без дополнительного обращения к другим работам; одновременно для более углубленного исследования по каждому отдельному вопросу читателям следует рекомендовать обращаться к таким фундаментальным трудам, как упомянутая книга Дж. Юла и М. Кендалла, к работам В. И. Романовского, Б. Ван дер Вардена, Дж. Снедекора⁴ и др.

При сегодняшнем уровне применения статистических методов в лингвистике было бы очень желательно в соответствующем учебном пособии последовательно разграничить два типа статистических исследований: описательную статистику и теорию выборочного исследования. Под описательной статистикой понимается описание количественных отношений в пределах замкнутой группы единиц, полностью доступной для рассмотрения. Примером может служить частотный словарь языка писателя, таблицы распределения грамматических форм в данном памятнике или группе памятников, распределение метрических характеристик в каком-либо поэтическом произведении и проч.

Вплоть до середины 50-х годов в лингвистике решительно преобладали исследования этого типа, даже если в ряде случаев делались попытки придать данным, которые были верны только для определенной замкнутой группы, более широкое значение.

В связи с общим проникновением математических методов в лингвистику, начиная с середины 50-х годов начали появляться исследования другого типа, где обследование некоторой сравнительно небольшой группы лингвистических единиц не было самоцелью, а эта группа рассматривалась лишь как выборка, по которой исследователь намерен был сделать заключения о более широкой совокупности — о языке данного периода,

³ Примером может служить книга Дж. Юла и М. Кендалла, «Теория статистики», М., 1960, стр. 137—152.

⁴ В. И. Романовский, Основные задачи теории ошибок, М.—Л., 1947; его же, Применение математической статистики в опытной работе, М.—Л., 1947; Б. Ван дер Варден, Математическая статистика, М., 1960; Дж. Снедекор, Статистические методы в применении к исследованиям в сельском хозяйстве и биологии, М., 1961.

о существующей литературной норме и т. д. Возник вопрос о том, что для правильного суждения о совокупности надо овладеть теорией и техникой выборочного исследования. Однако под соответствующей теорией и техникой до последнего времени обычно понимают ограниченный круг вопросов, связанный с определением необходимого объема выборки для получения сведений с заданной погрешностью, или об определении погрешности, с которой получены сведения по данной выборке. На самом деле проблематика, связанная с методами выборочного исследования, гораздо шире, ибо она включает в себя и методы, позволяющие дать глубокий анализ полученным результатам, вскрыть имеющиеся между явлениями взаимосвязи, проверить те или иные сложные гипотезы об изменении одних величин или признаков в связи с изменением других. Поэтому лингвистам необходимо и знание корреляционных методов, и дисперсионного анализа, и можно лишь приветствовать попытку Н. В. Ставровского включить в свой учебник соответствующие разделы.

Одновременно следует иметь в виду, что многие работы, относящиеся к описательной статистике, не являются ни в какой мере работами «второго сорта», если только в них применена правильная методика. Ошибочно мнение о том, что если в работах такого типа нет необходимости оценивать ошибку, то в них применяются «количественные» методы, но не статистические (такое замечание неоднократно приходилось слышать). Описательная статистика, попросту говоря, пользуется иными методами и отвечает на иные вопросы.

В той мере, в какой лингвистика имеет дело с наблюдением, перед языковедами встает задача их правильной организации, планирования эксперимента. Это особенно важно тогда, когда проводится какой-либо широкий опрос носителей языка.

Обычно такая работа требует больших материальных затрат и сопряжена с усилиями большого числа людей, так что тем более необходимо обеспечить максимальную надежность результатов.

Статистика здесь предлагает пользоваться специально разработанным аппаратом, в лингвистике до сей поры почти вовсе неизвестным, но зато постоянно применяемым в работах по экспериментальной психологии, и в частности в области инженерной психологии. Надо надеяться, что со временем все это богатство общих методов и частных методик будет в полном распоряжении лингвиста. Создание учебного пособия Н. В. Ставровского — важный шаг на этом пути.

Р. М. Фрумлина

«Словник мови Шевченка в двох томах». Редакційна колегія: В. С. Ващенко — відповідальний редактор, К. П. Дорошенко, В. Г. Мариниченко, Т. К. Черторизька. Редактор I т. Т. К. Черторизька, редактори II т. В. Г. Мариниченко, Л. О. Родіна. — Київ, Видавництво «Наукова думка», 1964. I — 484 стр., II — 566 стр.

Словарь языка Шевченко, подготовленный коллективом Института языковедения АН УССР под руководством И. К. Белодеда и сотрудниками Государственного музея Т. Г. Шевченко, фиксирует в систематическом виде все языковое богатство основоположника современного украинского литературного языка Т. Г. Шевченко. Словарь является первым украинским академическим изданием такого типа¹.

Используя общие принципы построения словаря языка писателя, разработанные в Институте языкознания АН СССР и осуществленные в словаре языка Пушкина (касающиеся системы размещения материала, структуры словарных статей, семантической, грамматической и стилистической характеристики слов, иллюстрирования значений слов), составители словаря языка Шевченко создали оригинальный и отличающийся большой научной достоверностью справочник широкого филологического профиля.

Сравнительно со словарем языка Пушкина рецензируемый словарь характеризуется более широким представлением лексического материала и более детальной стилистической дифференциацией слов. В словарь введена не только лексика основного текста сочинений и писем Т. Г. Шевченко, но и слова из всех редакций и вариантов произведений поэта, из написанных им предисловий, ремарок и различных приписок, а также украинские слова из произведений, написанных на русском языке (лексика из этих источников снабжается специальными пометами). Такое расширение объема словаря позволит исследователям творчества Т. Г. Шевченко глубже изучить становление его стиля, установить, от чего он в процессе совершенствования своего мастерства отказывался и что

сознательно и целеустремленно выбирал из общенародного украинского языка.

Достоинством словаря является также введение в него имен собственных, фамилий исторических личностей, мифологических и географических названий. При изучении творчества Т. Г. Шевченко оказываются интересными не только мифологические и античные имена, употребляемые часто в нескольких смещенных значениях, как это наблюдается в следующих примерах: «Старенька сестро Аполлона, Якби ви часом хоч на час Придibaldi-таки до нас» — II 69.1², «заспівай, Поки Едем твоїй тихій рай Ще не підпалював Єгова Сердитий іудейській Зевс» — II 486.В (см. также употребление слов *Брути*, *Діана*, *Грод*, *Іуда* и др.). Имеет смысл и приведение в словаре украинских имен, поскольку они нередко используются автором с теми или иными изобразительными целями. Несомненный интерес для характеристики поэтики Т. Г. Шевченко представляют также употребляемые в прямом значении имена персонажей, как *Катерина*, *Марія*, *Марина*, *Гамалія*, *Перебендя*, *Ярема*, приближающиеся в творчестве Шевченко к именам нарицательным и ставшие в известной мере традиционными в украинской литературе. Интересно для словаря языка писателя также приведение имен-характеристик, омонимичных с обычными прилагательными или существительными или образованных от таких слов. Например: «Із славного Запорожжя Наїхали гості. Один Семен *Босий*, Другий Іван *Голой*» — II 129.5—6, «Запиши, Микола, У реєстр. Нехай буде... Нехай буде *Голой*, Так і пиши» «Ні, поганю!» «Ну, хіба *Відою*?» — I 116.1422, «Капрал Гаврилович *Безрукий* Та унтер п'яний Долгорукий *Україну* правили» — II 280.2 (о генерал-губернаторе Бибикове), «І розказують [запорожці], як парця по Києву з *Нечосом* ходила» — I 288.614 (Нечос — прозвище князя Потемкина).

Приведение таких слов в словаре оправдано также тем, что с ними нередко связаны многие характерные для творческой манеры Шевченко художественные приемы, выделяемые обычно и при нарицательных существительных. Ср., например, употребление имен в повторах — «*Марія* з пляху не вставала, *Марія* сина привела» — II 313.353 (см. еще употребление имен *Мар'яна*, *Оксана* и др.), в сравнениях — «Спасибі тобі і за

² Такими шифрами в словаре указаны том, страница и строка произведений Шевченко, где употреблено рассматриваемое в словарной статье слово.

¹ Являются библиографической редкостью и явно несовершенны в научном отношении составленные неизвестным автором следующие работы: «Словничок Шевченкової мови» (Николаев, 1916) и «Українсько-російський словничок до «Кобзаря» Т. Г. Шевченка» (Херсон, 1917). Значительно большую научную ценность представляет составленный В. С. Ващенко и П. А. Петровой словопоказатель к поэтическим произведениям Т. Г. Шевченко («Шевченкова лексика», Київ, 1954), однако эта работа содержит только перечень слов, встречающихся в произведениях поэта, и указания на количество случаев и первый случай употребления каждого слова у Шевченко.

гроші. У мене їх тепер так небагато, як у того *Лазаря*, що сліпці слівають по ярмарках» — VI 118. 20 (см. еще употребление слов *Єва*, *Катерина*, *Кирик* и др.), в приложениях — «I не кличте преподобним *Миколоу-Нерона*» — I 522. В (см. еще употребление имени *Мар'яна* и др.)³, в тавтологических выражениях — «Минали літа тихо, тихо, — Отак пиши, — і за гріхи Каралась господом ляхи, I пугав *Пугач* над Уралом» — II 54.199.

Представляет интерес и фиксация в словаре имен собственных с суффиксами субъективной оценки, несущих нередко не только эмоциональную, но и значительную смысловую нагрузку. Ср., например, употребление имен в поэме «Петрусь»: «Петра па волю одпустили, Зимом в Київ одвезли, I там у школу оддали, I там чимало поповчили. Вернувся в Києва *Петрусь* Уже *Петром* і паничем» — II 222. 98—99. См. также употребление имен *Івасичек*, *Івасик*, *Настусенька*, *Настуся*, *Ганнусенька*, *Ганнуся*, *Богданочко* (в обращении к Б. Хмельницкому) и др.

Следует согласиться и с приведением в словаре имен исторических личностей и географических названий, поскольку это помогает лучше уяснить детали биографии поэта, круг его связей и интересов, особенности формирования общественно-политических, философских и эстетических взглядов.

Итак, более широкое, чем в словаре языка Пушкина, приведение имен собственных — в принципе положительная сторона рецензируемого словаря. Однако следует отметить довольно многочисленные случаи непоследовательности в приведении таких слов, что значительно снижает одно из основных достоинств словаря языка писателя — полноту состава словаря. Так, без каких-либо видимых оснований в словаре не приведены встречающиеся в произведениях Шевченко имена *Михайл* (см. I 108.1157), *Наталя* (см. I 369. 331), *Яків* (см. I 329. 157). Приведены фамилии *Котляревський*, *Карамайн*, *Сковорода* и др., но отсутствуют — *Гоголь*, *Гребінка*, *Григорович*, *Грибоедов*, *Ворниц* (в такой форме встречаем у Шевченко в написанном им предисловии ко второму изданию «Кобзаря» имя Бернеса и др.), хотя они встречаются в текстах поэта (см. в указателе имен к I и II томам сочинений Шевченко).

Для стилистической дифференциации слов и характеристики разных случаев их индивидуального употребления в языке писателя в рецензируемом словаре, кроме помет, используемых в словаре языка Пушкина, применяются и пометы, ука-

зывающие на употребление слова в аллитерации (*алит.*), в качестве эпитета (*епит.*), в сравнении (*у порівн.*), в образном (*образн.*), торжественном (*уроч.*), фамильярном (*фам.*) употреблении в тавтологических сочетаниях (*у тавтол. спол.*), в рифмующихся строках (*рим.*), и некот. др. Применение этих помет позволило произвести, насколько это возможно в словаре языка писателя, предварительную обработку лексического материала, облегчающую изучение всего разнообразия языковых средств, использованных Шевченко в его произведениях.

Однако в словаре нередки случаи непоследовательного употребления помет такого типа. Так, ни в иллюстрациях, ни в словопоказателе к словарным статьям не отмечено употребление в олицетворении слова *верба* в сочетании «верба сміється» («Верба сміється, свято скрізь» — I 12.58), слова *вітер* в сочетании «ти (вітер) говориш» («Вітре буйний, вітре буйний! Ти з морем говориш» — I 9.1), слова *веселий* в сочетании «веселі ріки» («I поте чуть веселі ріки» — II 292. 36). Пример с сочетанием «веселі квіти» («недосвіт перед світом В садочок укрався. Потоптав *веселі квіти*» — II 346.5) дан под пометой *образн.*, хотя обычно в таких случаях в словаре употребляется помета *персоніф.* Подобных примеров можно было бы привести немало.

Как правило, оказываются не выделенными в словаре случаи олицетворения у существительных, употребленных в функции обращения. При таких употреблении слов составители словаря обычно ограничиваются приведением только пометы *зверт.* («звертання» — обращение). См., например, как приведено слово *Дунай*: «Зверт. (2). Тихий, тихий Дунай! Моїх діток забавляй» — I 311.50. Ср. такое же оформление словарной статьи *дурнень* при отсутствии олицетворения: «Зверт. (4). Не розгавняй діток, Сивий дурню!» — II 176.386. Лишь иногда при употреблении слов в обращении с одновременным олицетворением дается две пометы, например, в словарной статье *дума*: «*Персоніф.*, *зверт.* (I). Помолившись, і я б заснув... Так думи прокляті Рвуться душу запалати, Серце розірвати. Не рвіть, думи, не паліте —> I 228.51 (ср. также отсутствие указания на олицетворение при употреблении слов в обращении в словарных статьях *год*, *діврова*, *вітер*, *море* и др.).

Подобным образом иногда пометой *у порівн.* («у порівнянні» — в сравнении) перекрывается метафорическое употребление слова. Так, не отражено своеобразное употребление прилагательного в сочетании «п'яний очерет» («сп'яний камыш») в словарной статье *п'яний*: «*У порівн.* (3) I понад берегом геть-геть Неначе п'яний очерет Без вітру гнеться.» — II 109.3 (не отмечено и необычное употребление существительного в словарной статье *очерет*).

³ См. подробную характеристику этих приемов у Шевченко в книге В. С. Ващенко «Мова Тараса Шевченка» (Харків, 1963).

Не объяснено во вводной статье и непонятно по тексту словаря употребление пометы *рим.* («римоване» — рифмованное). Эта помета приводится, например, в словарной статье *Ганюся* (с примером «Я Ганюся не боюся! Співає матуся» — I 165.53), но не приводится при рифмующихся словах *небога* и *довгонога* (см. в примере «обок його Царица небога, Мов оленьок засушений, Тонка, довгонога» — I 247.315) и в многочисленных других случаях употребления слов в рифме.

В словаре, к сожалению, последовательно не отражается одно довольно интересное явление в области индивидуального употребления слов, а именно — употребление слова вне фразеологизма, но с намеком на значение фразеологизма, из которого извлечено рассматриваемое слово, в результате чего возникает своеобразная реминисценция устойчивого выражения. Так, в обоих примерах к слову *гарбузи* налицо отчетливый намек на фразеологизм «давати (підносити) гарбуза» в значении «отказывать сватающемуся»: «А тим часом одній найкращій скажіть тихенько, щоб рупника дбала та щоб на срому городі гарбузів не сажала» — VI 192.17, «В маї або в іюні побачимось, а поки що де побачите, що гарбузи посажені, то так з коренем і виривайте» — VI 192.20, но это своеобразное употребление слова не отражено ни толкованием, ни пометой. См. также употребление слова *рупник* в первом примере одноименной словарной статьи: «— Иди, доню, каже мати. Він багатий, одинокий — Будеш папувати. — Не хочу я папувати, Не піду я, мамо! Рупниками, що придбала, Спусти мене в яму» — I 50.100) (ср. фразеологизм «рупники дбати» в значении «готовиться выйти замуж»). Конечно, словарь языка писателя не может выделять пометами и разъяснять всего многообразия авторского словоупотребления, особенно проявляющегося в значительных по объему контекстах. Однако давать рассмотренные выше употребления слов вовсе без толкований — значит вводить читателя в заблуждение, так как обычно толкования в словаре не приводятся при употреблении слова в авторском тексте в одном, общепонятном и наиболее типичном для языка значении.

В абсолютном большинстве случаев разграничение значений слов и их истолкование в словаре осуществлены достаточно удачно, с учетом семантической специфики слов в произведениях Шевченко и в языке времени Шевченко. Но при этом нельзя не отметить некоторых ошибок, неточностей и непоследовательностей в установлении, разграничении и истолковании многих значений слов. Нет, например, оснований выделять особого значения «про палкого проповідника істини» («о страстном проповіднике истины») у слова *апостол* (с примером

«І голову схопивши в руки, Дивується, чому не йде Апостол правди і науки?» — II 362.4), значения «про великий натоп» («о большой толпе») у слова *базар* (с примером «там коло льоху Базар люду насходилося Та й панства не трохи» — I 305.430), значения «цар» («царь») у слова *батюшка* (с примером «А ті голосити; Та верещать; та як ревнуть: „Гуля наш батюшка, гуля! Ура!.. ура!.. ура!.. а, а, а!“» — I 248.372⁴), значение «образно-усоблене називання Дніпра» («образно-олицетворенное название Днепра») у слова *батько* (с примером «Дніпро геть-геть собі розкинувся! Сіє батько та горить!» — II 298.10), значения «позбавлений свободи, щасливої долі, радості» («лишенный свободы, счастливой доли, радости») у слова *окрадений* (с примером «правда бживе,.. слово нове Меж людьми криком пронесе І люд окрадений спас» Од ласки царської...» — II 328.69), значения «гинути, вмирати» («погибать, умирать») у слова *падати* (с примером «І гине, падає народ За той завіт, і за ківот» — II 415.В), значения «бути в засланні» («быть в ссылке») у выражения *Макарові телята пасти* (с примером «Слава мені не помага, і мені здається, як не заведу свого кишля, то вона мене і вдруге поведе Макарові телята пасти...» — VI 198.20) и др. В большинстве рассмотренных примеров перед нами не отдельные значения, а только отдельные, более или менее своеобразные употребления слов, возникающие в тех или иных сочетаниях или широких контекстах, что следовало показывать только в качестве оттенков значения, как это делается в таких случаях в словаре языка Пушкина (см., например, построение словарной статьи *апостол* в пушкинском словаре).

Иногда в словаре не выделены в необходимых случаях отдельные значения или употребления слов. Так, слово *Шведчина* дано без толкования, из чего следует заключить, что оно однозначно; в действительности же необходимо было выделить два значения, а именно: «война со шведами» и «Швеция» (ср. примеры: «Що ж діялось по Шведчині! То й вони [кобзарі] алякалися, оніміли з переляку» — II.30.57), «Мене носив проклятутий пароход у Шведчину й Датчину» — VI 25.10). В словарной статье *Варшава* употребление заглавного слова в примере «Так от як крив свою лиду за Моськву і Варшаву» (I 335.191) не выделено в качестве отдельного значения («Польше»), как это сделано при том же примере по отношению к слову *Москва* в соответствующей словарной статье *Москва*

⁴ Тем более, что в пределах этого значения в словарной статье приводятся сочетания *батюшки-царі, батюшкам-царям.*

(49). 1. Назва міста... 2. Перен про Росію...

Думается, что следовало также разграничивать разные употребления имен собственных, являющихся названиями персонажей и определенных исторических личностей, поскольку в словаре во многих словарных статьях такие указания даются (например: *Яриночка* — «ім'я персонажа», *Вогдан* — «ім'я гетьмана Хмельницького» и др.). Так, вряд ли можно считать удачным, когда без какого-либо разграничения в словарной статье *Давид* приводятся примеры, в которых идет речь о полубогородном царе Давиде и Давиде-чабане, а в словарной статье *Петро* — об апостоле Петре и Петре I и др. (см. также словарные статьи *Павло*, *Микола* и др.).

Следует указать также на некоторые недочеты в истолковании значений и оттенков значений слов. Есть случаи неудачных и даже ошибочных описательных и разграничительных толкований. Так, ошибочно с общезыковой точки зрения и не подтверждается примерами Шевченко значение «розпусник» («развратник») у слова *багур* (в шеститомном украинско-русском словаре *багур* переводится словом «хахаль», т. е. имеется в виду только значение «любовник»), неточно истолкование слова *архієрей* («представник (?) вищого духовенства у православних християн» («представитель высшего духовенства у православных християн»), неточно и несколько затемняет специфику употребления слова у Шевченко истолкование слова *багрянниця* «назва верхнього одягу з дорогої тканини темно-червоного кольору» («название верхней одежды из дорогой ткани темно-красного цвета»). Думается, что в последнем случае было бы удачнее толкование слова, данное в словаре языка Пушкина: «торжественная пурпурная мантия — символ верховной власти в государстве». Оно точнее по отражению сущности явления и позволяет читателю лучше представить своеобразие употребления слова в текстах Шевченко.

Встречаются также «модернизованные» толкования — толкования, исходящие из современного нам понимания слова: например, для слова *раб* в первом значении — «представник експлуатованого класу в докапіталістичному суспільстві, власність експлуататора» («представитель эксплуатируемого класса в докапиталистическом обществе, собственность эксплуататора»), для слова *мова* («язык») во втором значении — «система звукових і словарно-граматичних засобів, що служать знаряддям висловлення думки і спілкування між людьми» («система звуковых и словарно-грамматических средств, служащая для выражения мысли и общения между людьми»).

Составители словаря справедливо отказались от объяснения семантики слов,

которые употребляются только в одном, общеизвестном значении и не имеют своеобразие в Шевченковском словоупотреблении. Однако можно указать отдельные примеры нарушения этого верного принципа и многочисленные случаи непоследовательности в его осуществлении. Отсутствие толкований при отдельных словах иногда может натолкнуть читателя на неверное для языка времени Шевченко понимание значения слова. Так, без толкований приводятся слова *арена* и *атестат*, употребленные Шевченко в таких контекстах: «На арені Лідійський золотий пісок Покрився пурпуром червоном» — II 276.455, «пришліть, батьку мій, безсрочний атестат на ім'я Григорія Степановича» — VI 29.36. Конечно, лучше было бы предупредить читателя, что здесь речь идет о центральной части древнеримского амфитеатра и о свидетельстве о прохождении службы, которое выдавалось в дореволюционной России чиновникам и военнослужащим в отставке, а не о цирковой арене и свидетельстве об окончании учебного заведения. Отсутствие толкований при некоторых словах может также создавать ненужные затруднения для читателя, которому надо будет искать толкования значений отдельных слов или словосочетаний в специальных словарях, например: *асигнації*, *дюки*, *морщить постоли* (в словарной статье *морщити*).

Многочисленны случаи непоследовательности в приведении толкований при именах собственных. Так, если есть толкования при словах *Адам*, *Авраам*, *Анафан*, *Аполлон*, *Гіменей*, *Трохим*, *Рухля*, то нет их при словах *Алхид*, *Амон*, *Вірсавія*, *Егерія*, *Ганна*, *Лейба* и др.; истолкованы слова *Іаак*, *Дант*, *Шафарик*, *Конецьпольський*, *Потоцький* и др., но не истолкованы *Архімед*, *Галілей*, *Брути*, *Коклеси*, *Собієський* и др.; при словах *Афіни*, *Багата*, *Балажна*, *Бердичів*, *Бендери*, *Борисполь*, *Прага*, *Полтава* и некоторых других есть указания, что это названия населенных пунктов, при словах же *Варшава*, *Глухів*, *Єкатеринодар*, *Єрусалим*, *Одеса*, *Париж*, *Тула*, *Херсон* и ряде других таких указаний нет.

Не всегда выдерживается однообразный характер толкования однотипных по значению слов: при слове *Ярина* дано толкование «ім'я персонажа твору», а при слове *Яриночка* — «ім'я персонажа»; при слове *Віфлеєм* — «назва міста в Палестині. Істор.», а при слове *Вавлон* — только «Істор.»; при слове *Аполлон* — «в античній міфології — бог світла і мистецтва», при слове *Гіменей* — просто «бог шлюбу», а при слове *Венера* — только помета «міфол.», при названии *Вибла могила* — «назва високої могили біля Переяслава-Хмельницького», а при названии *Холодний Яр* (словарная статья *Яр*) — просто «власна назва»; в словар-

ной статье *Сковорода* с примером «куплю паперу аркуш. І зроблю Маленьку книжечку. Хрестами І візерунками в квітками Кругом листочки обведу. Та й списую Сковороду II 45.10» находим следующий комментарий составителей словаря: «*Перен. Твори українського поета-філософа (1722—1794)*», в словарной же статье *Карамзін* с примером на такое же употребление заглавного слова — «Давись які! Карамзіна, Бачиш, прочитали! Та й думаютъ, що ось-то ми! I 299.229» — нет ни пометы, ни толкования.

Вряд ли оправдан отказ составителей словаря языка Шевченко от обозначения ударений в тех словах поэтических текстов, в которых ударение может быть определено размером стихотворения, как это последовательно делается, например, в словаре языка Пушкина. В рецензируемом словаре ударения в иллюстрациях ставятся только тогда, когда они были обозначены самим автором, но и в этих случаях иногда встречается необоснованный пропуск ударений, например, в словарной статье *Москва*, в примере «Так от як кров свою дали Батьки за Москву

і Варшаву, І вам, синам, передали Свої кайдани, свою славу! I 335.191», хотя в собрании сочинений Шевченко, в 191 строке поэмы «І мертвим, і живим...» в слове *Москву* поставлено ударение на первом слоге.

Следует также сожалеть о том, что составители словаря при цитатах и в словоуказателях к словарным статьям не обозначают условными сокращениями названий произведений, что очень неудобно читателю, так как для установления названия произведения приходится каждый раз обращаться к тексту сочинений Шевченко.

Указанные выше недочеты и непоследовательности в приведении лексического материала, в его семантико-стилистической характеристике и в построении словарных статей имеют более или менее частный характер и в целом не снижают большой теоретической ценности словаря языка Шевченко. Выход в свет этого словаря, несомненно, создает более прочную основу для глубокого изучения языка и стиля великого украинского поэта и истории украинского литературного языка в целом.

В. П. Ковалев

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ОБ ОДНОЙ ПОПЫТКЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПОРОЖДАЮЩИХ МОДЕЛЕЙ ЯЗЫКА

В статье «Об отображении линейных отношений в порождающих моделях языка» (ВЯ, 1964, 5) Д. С. Уорт справедливо указал на следующие важнейшие трудности, с которыми приходится сталкиваться при построении порождающих языковых моделей: 1) трудности, связанные с отображением линейных отношений внутри предложения, 2) трудности, связанные с необходимостью при описании структуры отдельного предложения учета факторов, находящихся за его пределами.

Для преодоления этих затруднений Д. С. Уорт выдвигает две модели — двуциклическую конституентную модель предложения и модель с конечным числом состояний для высказывания.

Суть первой из выдвигаемых Д. С. Уортом моделей заключается в следующем. Он предлагает разбить конституентную часть порождающей модели на два цикла. Первый цикл включает правила развертывания и имеет на выходе неупорядоченные комплексы морфологических единиц. Действие правил второго цикла заключается в упорядочивании элементов этих комплексов, или «нелинейных сочетаний». Правила второго цикла имеют вид: «Если K^1 , то $yz \rightarrow y + z$ », «Если K^2 , то $yz \rightarrow z + y$ » (стр. 53).

Рассмотрим конкретные доводы, приводимые Д. С. Уортом в пользу такого усовершенствования. Прежде всего он исходит из необходимости различать в языке, с одной стороны, «нелинейные, вневременные связи», а с другой — «линейные, хронологически обусловленные языковые явления» (стр. 49). С этой точки зрения модель Хомского оказывается неудовлетворительной, поскольку в ее конституентной части «правила линейного расположения элементов беспорядочно совмещаются с правилами порождения нелинейных, вневременных связей» (там же).

Здесь следует остановиться на следующем моменте. Для описания одних и тех же отношений Д. С. Уорт употребляет два ряда терминов: 1) «линейные связи — нелинейные связи», 2) «временные связи — вневременные связи». Применение второго ряда терминов представляется неоправданным, поскольку вряд ли имеет смысл говорить о порождении

временных связей конституентной моделью, если принять, что грамматика порождает все предложения (и, следовательно, все элементы предложений) одновременно¹. Таким образом, речь может идти лишь о различии линейных и нелинейных связей².

Под нелинейными связями Д. С. Уорт понимает инвариантные, «основные отношения между определяющим и определяемым» (стр. 48), а под линейными — потенциальные, добавочные отношения, возникающие при особом, маркированном порядке слов.

Такая интерпретация противопоставления «линейные связи — нелинейные связи» представляется спорной. Вряд ли можно возразить против того, чтобы называть линейными такие связи, для выражения которых существует момент линейной упорядоченности элементов, а нелинейными — отношения, при описании которых информация о порядке следования элементов вообще является нерелевантной. Рассмотрим с этой точки зрения пример Уорта.

Нелинейными он называет отношения синтагматической доминанции в том случае, если они остаются неизменными при равного рода перестановках элементов. Но перестановки могут показать лишь, что рассматриваемые отношения безразличны к способу упорядочения и никак не отвечают на вопрос о том, существуют ли для таких отношений сам момент линейной упорядоченности. Сопоставление отношений синтагматической доминанции с отношениями между элементами

¹ Ср.: Р. Б. Лиз, О возможностях проверки лингвистических положений, ВЯ, 1962, 4, стр. 54.

² При этом линейную упорядоченность элементов нельзя отождествлять с распределением их в физическом пространстве. Порядок элементов — такой же конструкт, как и сами элементы. Вот почему нельзя согласиться с утверждением С. К. Шаумяна о том, что в модели НС «заключены пространственные представления, относящиеся к фенотипической ступени» (С. К. Шаумян, Порождающая лингвистическая модель на базе принципа двухступенчатости, ВЯ, 1963, 2, стр. 58).

классов свидетельствует о релевантности момента линейной упорядоченности при описании отношений первого рода. В самом деле, порождающая грамматика имеет дело с множествами двух видов — классами элементов и комплексами элементов. Если отношения между элементами во множествах первого вида действительно могут быть описаны как нелинейные, то особенность множеств второго вида заключается как раз в том, что их элементы могут быть линейно упорядочены.

Остановимся на способах упорядочения комплексов. Двухэлементный комплекс AB может быть упорядочен либо как $A + B$, либо как $B + A$. При этом один из способов упорядочения может быть нейтральным или единственно возможным, а другой — маркированным или невозможным. Представляется целесообразным разбить правила упорядочения на два типа. Правила первого типа устанавливают нейтральный или единственно возможный вариант упорядочения, правила второго типа определяют маркированный порядок элементов.

В порождающей модели типа предложеной Хомского эти два ряда правил упорядочения должны приводиться в разных ее частях, — соответственно конституентной и трансформационной. Как справедливо отмечает Д. С. Уорт, правила первого типа, приводимые в конституентной части, совмещаются с правилами развертывания по НС.

Такой способ упорядочения порождает комплексы Д. С. Уорт считает несовершенным. Предлагаемое им усовершенствование сводится к тому, чтобы: 1) правила первого типа выделить из сложных правил конституентной части модели в отдельный цикл этой части, 2) в этот же цикл перенести правила второго типа из трансформационной части.

Это усложнение порождающей грамматики нам кажется нецелесообразным по следующим причинам.

Выделение правил аранжировки в отдельный цикл внутри конституентной части модели противоречит требованию простоты описания³. Очевидно, во всех языках найдутся случаи, когда определенный порядок следования элементов является единственно возможным. Во всех этих случаях расчленение одного сложного правила на два мелких — правило развертывания и правило аранжировки — только загромождало бы описание. Это отмечает и сам Уорт (стр. 52). Справедливо такого усложнения он видит в увеличении объяснительной силы модели. Однако приводимые в статье примеры свидетельствуют о том, что

сколько-нибудь существенной разницы в объяснительной силе между исходной и усовершенствованной моделью нет. Проанализируем эти примеры подробнее.

Рассмотрим, во-первых, порождение в рамках модели Уорта одного вида глагольного сказуемого в русском языке. Для описания этого компонента предложения в модели имеется два правила, одно из которых принадлежит первому циклу, а другое — второму (нумерация наша):

(1) $VP \rightarrow V$ прош. время

(2) V прош. время $\rightarrow V +$ прош. время.

Но удивлять количество правил, определяющих порождение глагольного сказуемого, только из-за слов категории состояния вряд ли имеет смысл. Во-первых, при любом порядке компонентов сказуемого, включающего слово категории состояния, фразы будут отмеченными: ср. *Ивану скучно было* и *Ивану было скучно*. Различия между высказываниями вовсе не объясняются предлагаемым Уортом правилом второго цикла. Во-вторых, подобные сочетания со словами категории состояния гораздо проще рассматривать как компоненты именного сказуемого, при котором подлежащее развертывается как $N +$ дат. пад. При таком анализе ни для глагольной, ни для именной групп в сказуемом, ни для подлежащего не придется предполагать «неупорядоченной стадии».

Обратимся далее к одному из тех примеров, которыми Д. С. Уорт аргументировал необходимость разбиения правил конституентной части (НСЧ) на два цикла. Сравним трактовку разрывной морфемы перфекта в модели Хомского и в усовершенствованной модели Д. С. Уорта.

У Хомского порождение глагола производится с помощью следующих правил⁴:

(4) I. $Verb \rightarrow Aux + V$

II. $V \rightarrow hit, take, walk, read$

III. $Aux \rightarrow C (M) (have + en)$

$(be + ing) (be + en)$.

Допустим, что в (4) II мы выбрали *read*, а в (4) III — *C (have + en)*. Вывод перфекта на уровне НС закончится терминальной цепочкой

(5) $C + have + en + read$,

в которой в двух случаях наблюдается фиктивный порядок элементов. На эту цепочку действует трансформационное правило

(6) $Af + v \rightarrow v \diamond Af \&$,

где Af есть любой из аффиксов *past, S, Ø, en, ing*; v есть любой из элементов $M, V, have, be$; $\&$ означает границу слова. В результате применения этого правила (дважды) фиктивный порядок

³ На это указывает, например, Э. Бах (см.: E. V a s h, The order of elements in a transformational grammar of German, «Languages», 38, 3, pt. 1, 1962, стр. 263.

⁴ Н. Хомский, Синтаксические структуры, сб. «Новое в лингвистике», II, М., 1962, стр. 444—446.

элементов заменяется порядком, соответствующим реальному:

(7) *have + C & read + en &*.

Посмотрим, каким образом данная цепочка может быть получена в модели Уорта. Правило (4) I в модели Уорта, очевидно, будет отражено в виде двух правил, принадлежащих разным циклам:

(8) *Verb → AuxV*,

(9) *Verb → V + Aux*, если *Aux → C*
Aux + V, если *Aux → C*.

В двойном правиле (9) первая возможность вводится для тех случаев, когда личный аффикс прикрепляется непосредственно к основе главного глагола, а вторая обеспечивает прикрепление личного аффикса к вспомогательному глаголу. Оба эти случая предусматриваются в модели Хомского правилом типа (6), так что разницы в объяснительной силе моделей пока нет.

Далее. Правило (4) III в модели Д. С. Уорта окажется расчлененным на четыре правила (по два в каждом цикле); только при этом условии будут учтены все перестановки, возможные при порождении перфекта:

(10) *Aux → CPref*

(11) *Aux → C & Pref*

(12) *Pref → have en*

(13) *Pref → have + en*.

Поскольку в каждом случае имеется только один вариант аранжировки, расчленение правил развертывания и правил ливейного упорядочения явно не имеет смысла, тем более, что такое расчленение не обеспечивает исковой последовательности для перфекта (как в (7)), а приводит лишь к тому же результату, что и правило типа (4) в модели Хомского, т. е. к цепочке вида (5), которую еще необходимо подвергнуть трансформации, аналогичной (6).

Рассмотрим следующий довод Д. С. Уорта. Он считает, что объяснительная сила двуциклической модели больше, поскольку такая модель позволяет учитывать конкретные лексические единицы при определении порядка слов. По поводу этого тезиса возникает вопрос: действительно ли зависимость между порядком слов и лексическим составом предложения настолько сильна, что для отражения ее оказывается необходимым изменить форму порождающей модели? Видимо, в приводимых Д. С. Уортом предложениях *Иван прошел мимо дома*, но *Прошла неделя после знакомства* на словорасположение оказывает воздействие не столько выбор конкретных лексических единиц или их классов, сколько место логического ударения во фразе. В русском предложении главноударное слово обычно стоит ближе к концу предложения; такой порядок слов является нейтральным. Порядок слов является маркированным, если главноударное слово смещено с этого своего обычного места. В приведенных предложениях главные ударения рас-

ставляются по смыслу следующим образом:

(14) *Иван прошел мимо дома.*

(15) *Прошла неделя после знакомства.*

В обоих предложениях порядок слов немаркированный, однако ударения распределены по-разному, что и определяет разницу в порядке слов. Если подбирать фразы таким образом, чтобы главное ударение падало на один и тот же член предложения, никаких различий между конкретными лексическими единицами или их классами с точки зрения их воздействия на порядок слов не обнаружится. Ср.:

(16) I. *Мимо дома прошел Иван.*

II. *После знакомства прошла неделя.*

(17) I. *Иван прошел мимо дома.*

II. *Неделя прошла спокойно.*

Кроме того, даже если бы предположение Д. С. Уорта о зависимости порядка слов от конкретных лексических единиц было верным, предлагаемая им двуциклическая модель не дает никаких преимуществ ни с точки зрения экономичности описания, ни с точки зрения его эффективности по сравнению с моделью Хомского. В модель последнего типа вполне можно включить трансформацию инверсии, обусловленную появлением определенных лексических единиц, равно как и определенных значений символа, указывающего на тип ритмомелодического строения фразы.

Второй из важнейших недостатков существующих моделей порождения Д. С. Уорт видит в «пренебрежении факторами, находящимися за пределами отдельного предложения» (стр. 56). В самом деле, разработанные модели порождения описывают исключительно парадигматические отношения между предложениями, т. е. отношения между классами предложений, между «семействами синтаксических эквивалентов». Эти модели не учитывают отношений между предложениями по синтагматической оси, разного рода ограничений относительно их структуры, создаваемых контекстуальными условиями. В этом смысле имеющийся ПГ неадекватны реальным языкам, в которых характер окружения отдельной фразы может определять как ее компонентный состав, так и разного рода перестановки, подстановки, добавления, усечения, которым могут подвергаться отдельные ее компоненты. Совершенно очевидно необходимость конструирования порождающей модели, которая бы учитывала синтагматические зависимости между предложениями. Однако нам представляется, что желаемого результата вряд ли можно добиться путем реализации второй из моделей, выдвинутых Д. С. Уортом.

Для преодоления отмеченного недостатка ПГ он предлагает «расширить саму порождающую модель, чтобы эта

модель отображала не только отдельное предложение, но и некую более крупную единицу» (стр. 56). Такой единицей, по мнению Уорта, должно быть высказывание, т. е. «цепочка отдельных предложений (отрезок текста или целый текст, часть разговора или целый разговор), между отдельными частями которой обнаруживаются структурные отношения» (там же). В соответствии с этим «грамматика высказывания» строится по формуле $U \rightarrow \Sigma^1, \Sigma^2, \dots, \Sigma^n$. Такая грамматика описывает высказывания так, что «на любое предложение Σ^* налагаются контекстуальные условия, созданные лексико-грамматическими факторами в предложениях $\Sigma^1 - \Sigma^{X-1}$ » (там же).

Существуют разного рода соображения против данной модели. Одни из них касаются принципиальной невозможности построения адекватной реальным языкам модели типа предложенной Д. С. Уортом. Второго рода аргументы связаны с серьезными затруднениями, возникающими при попытках реализации такого устройства (если принять, как это, очевидно, делает Д. С. Уорт, что аргументы первого рода недостаточно убедительны).

Построение «грамматики высказывания» на базе модели с конечным числом состояний наталкивается на те же трудности, которые были указаны Хомским в связи с конструированием «грамматики предложения» по этому способу. Для уровня предложений Хомский доказал следующую теорему: «Английский язык не является языком с конечным числом состояний»⁵. Нетрудно убедиться в том, что эта теорема справедлива и для уровня высказываний. Например, не являются языками с конечным числом состояний те языки, в которые входят цепочки, состоящие из n вхождений a , за которыми следуют n вхождений b , и только такие цепочки⁶. Примеры таких цепочек — $ab, aabb, aaabbb$ и т. д. Среди высказываний английского языка имеется масса аналогов цепи ab . Любое высказывание, состоящее из двух разных фраз, не принадлежит языку с конечным числом состояний. Вполне возможно привести и примеры высказываний, имеющих вид цепи $aabb$. Примеры для больших n подыскивать гораздо труднее, однако принципиального значения это не имеет, поскольку доказано, что существуют английские высказывания, для которых нет устройств порождения с конечным числом состояний.

Можно превратить английский язык в язык с конечным числом состояний, ограничив каким-либо образом значения n в формуле $U \rightarrow \Sigma^1, \Sigma^2, \dots, \Sigma^n$ или число вхождений через какое-нибудь состоя-

ние при порождении высказываний⁷. Д. С. Уорт не указывает, какие ограничения этого рода он налагает на процессы порождения в выдвигаемой им модели. Очевидно, эти ограничения рассматриваются как нечто само собой разумеющееся, подсаживаемое «здравым смыслом». Однако любые ограничения указанного типа приведут к грамматике настолько сложной, что ее невозможно будет реализовать практически. В такой грамматике каждое конкретное высказывание должно быть представлено набором связанных пар. Очевидно, конкретные высказывания следует считать различными, если между ними имеются несовпадения в одном или нескольких следующих моментах: 1) в количестве компонентов, 2) в составе компонентов, 3) в их порядке. Таким образом, рассматриваемые объекты (высказывания) представляют собой соединения, называемые в алгебре размещениями и исчисляемые по формуле

$$(18) A_n^m = m(m-1)(m-2)\dots [m - (n-1)].$$

Если учесть, что значение n (количество компонентов в высказывании) должно быть довольно велико для реальных языков, а количество различных предложений в языке, обозначенное индексом m , вообще трудно обозримо, становится ясно, что грамматика, представленная столь огромным списком наборов связанных пар, не имеет практического интереса. Это же справедливо и для уровня конкретных языков, где многим из теоретически возможных наборов не найдется соответствий.

Помимо этого кардинального недостатка модели с конечным числом состояний, можно указать и на другие спорные моменты в построении Уорта. Рассмотрим, например, следующий вопрос: как происходит взаимодействие ПГ высказывания и ПГ предложения, в каком порядке они действуют, порождая язык?

Если исходить из формулы $U \rightarrow \Sigma^1, \Sigma^2, \dots, \Sigma^n$, получается, что предложения упорядочиваются на самом абстрактном уровне, когда они не обладают какими-либо индивидуальными признаками. Порядковыми индексами снабжаются символы Σ , ничего не говорящие об объектах, кроме того, что они принадлежат множеству предложений. Способность модели с конечным числом состояний упорядочивать предложения внутри высказывания сколько-нибудь интересным образом оказывается целиком иллюзорной, поскольку она основывается на минимальной информации относительно упорядочиваемых элементов. Уместно отметить, что элементы, из которых состоят предложения, упорядочиваются Д. С. Уортом на основании гораздо

⁵ Там же, стр. 425.

⁶ Там же, стр. 422.

⁷ Там же, стр. 428.

более обширной и содержательной информации, хотя эта задача во много раз легче задачи упорядочивания предложений в высказываниях.

Допустим другую возможность: упорядочивание предложений в высказываниях производится после того, как закончена работа конституентной части модели, т. е. компоненты высказывания имеют вид терминальных цепочек (или нелинейных сочетаний морфологических единиц, если ограничиться только результатами действия первого пикла). Но в таком случае вообще теряет смысл построение грамматики высказывания, поскольку оказывается невозможным использовать в правилах НСЧ информацию об окружении порождаемого предложения, определяющего во многих случаях не только порядок элементов предложения, но и его состав.

Подводя итог обсуждению круга вопросов, поднятых в статье Д. С. Уорта,

можно отметить следующее. Д. С. Уорт привлекает внимание исследователей к таким языковым явлениям, которые пока что не находят должного отражения в имеющихся ПГ, что отрицательно сказывается на их адекватности. Однако предлагаемые им усовершенствования не могут повысить сколько-нибудь существенно объяснительной силы ПГ, так как сводятся к перераспределению известных, испробованных операций и к попыткам приспособить для порождения высказываний модель, ограниченность которой была продемонстрирована, хотя и для другого уровня. Эти попытки наглядно показывают, что для увеличения соответствия ПГ фактам реальных языков необходимо вводить новые операции и типы операций, необходимо строить модели порождения, принципиально отличные от предлагавшихся до сих пор.

С. Н. Сыроваткин

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

АКАДЕМИК НИКОЛАЙ ИОСИФОВИЧ КОНРАД

(к семидесятилетию)

В марте 1966 г. советская общественность, особенно та, которая чувствует свою живую и активную духовную связь с науками гуманитарного цикла, с ее представителями и выразителями, будет отмечать славное семидесятипятое десятилетие жизни и пятидесятилетие научно-теоретической деятельности одного из самых замечательных, разносторонних и, по моему мнению, самых поэтических востоковедов нашей страны — академика Николая Иосифовича Конрада.

Н. И. Конрад — глава школы советского японоведения. Благодаря ему и его ученикам советская японистика занимает одно из центральных мест в мировой науке, посвященной изучению Японии, ее языка, литературы, искусства и всей культуры в целом.

Покойный академик В. М. Алексеев, знаменитый Китаист, так отзывался о Н. И. Конраде: «Перед нами наш крупнейший японист с обобщающим синологическим стажем и уклоном — явление вообще крайне редкое в сино-японологическом мире».

Н. И. Конрад принадлежит к прославленной плеяде востоковедов русской классической школы, для которой характерен ставший ныне уже редкостью профиль востоковеда-филолога, гармонически сочетающего глубокое знание восточных языков с не менее глубоким знанием литератур, искусства, культуры и истории народов Востока. Этим и объясняется необычная многогранность научной деятельности Н. И. Конрада. Вместе с тем Н. И. Конрад воплощает в своей личности и в своей научной деятельности лучшие качества ученого новой советской формации.

Широта научных интересов, разнообразие объектов исследовательского внимания Николая Иосифовича необычайно велики. Это — древняя, средняя и новая история стран Дальнего Востока, история литератур Китая и Японии, японский и китайский языки, японское искусство, особенно театральное, история культуры дальневосточных стран, мировая литература с синтетическим охватом словесно-художественного творчества народов Востока и Запада. Вместе с тем труды Николая Иосифовича — и исторические и филологические — пронизаны живой и острой теоретической мыслью, насыщены новыми идеями, глубокими обобщениями и важными выводами принципиального значения. Охарактеризовать научный подвиг Н. И. Конрада в его развитии, в его многогранных выражениях и проявлениях — задача чрезвычайно сложная.

Прежде всего Н. И. Конраду принадлежат очень ценные, интересные по своим теоретическим основам и конкретным открытиям работы, посвященные описанию грамматического строя современного японского языка; особенное место среди них занимает его фундаментальный «Синтаксис японского языка». Наряду с исследованиями в области современной японской грамматики, всегда обогащающими и освежающими мысль лингвиста, даже далекого от японоведения, развертывалась грандиозная деятельность Николая Иосифовича в области лексикографии как руководителя и редактора всех выходивших у нас дифференциальных словарей японского языка.

Должна быть особенно подчеркнута тонкая характеристика строя китайского языка, данная в работе Н. И. Конрада «О китайском языке», в которой убедительно оспаривается привычное понимание китайского языка, как языка аморфного и моносиллабического. Эта работа сыграла большую роль в направлении научного изучения китайского языка как у нас, так и в самом Китае.

Чрезвычайно важны не только для изучения закономерностей исторического движения литературных языков Японии и Китая в их связях и взаимодействиях с соответствующими народно-разговорными языками, но и для общей теории развития народных, национальных и литературных языков в разные исторические эпохи труды Николая Иосифовича Конрада о своеобразных особенностях истории литературных языков в условиях Китая и Японии.

В сфере литературоведения с именем Николая Иосифовича связано начало последовательного и тщательного научного исследования у нас истории японской литературы. В многочисленных трудах Николая Иосифовича получили всестороннее и глубокое освещение все основные этапы развития японской литературы с древ-

нейших времен до современности. В этих трудах тонко, мастерски анализируются особенности поэтики и эстетики разных жанров японской литературы.

Н. И. Конрад написан также ряд выдающихся работ, относящихся к истории китайской литературы.

В китаеведческих трудах своих Николай Иосифович выступает не только как филолог и историк, но и как историк философии.

В своих литературоведческих изысканиях Н. И. Конрад свободно, с блеском и тактом истинного мастера филологического анализа применяет приемы сравнительно-типологического и сравнительно-исторического изучения литературных явлений на широком фоне мировой литературы. Тут необходимо прежде всего упомянуть работу Николая Иосифовича «Проблемы реализма и литературы Востока», в которой история литератур Востока включается в общий мировой процесс литературного развития, и раскрывается сущность реализма как явления всеобщей или мировой литературы, сформировавшегося в XIX в. Как образец сравнительно-исторического и сравнительно-типологического исследования большой научный интерес представляет работа Николая Иосифовича «К вопросу о литературных связях».

Н. И. Конрад является основным вдохновителем и руководителем ныне подготовляемого коллективного обобщающего многотомного труда по истории мировой литературы.

Н. И. Конрад широко известен и как историк японского театра. Из ряда работ Николая Иосифовича в области изучения японского театра особенно выделяется очерк истории японского театра с современной научной точки зрения (в сб. «Восточный театр»).

Н. И. Конрад — выдающийся историк. Даже чисто филологические труды Н. И. Конрада, посвященные вопросам литературоведения, вопросам развития японского и китайского языков, отличаются глубоким историческим подходом к изучаемым процессам и явлениям и вместе с тем самостоятельностью исторической мысли, исторических обобщений. Историк и филолог органически сливаются в научной личности, в научном образе Николая Иосифовича. Своеобразной чертой чисто исторических трудов Николая Иосифовича, таких, например, как «Надельная система в Японии», «Очерки истории Японии древнейших времен...», «Лекции по древней истории Японии» и многих других, является широкое привлечение источников и первоисточников и тонкое критическое их истолкование.

Этот широкий историко-филологический горизонт исследования помог Николаю Иосифовичу не только создать оригинальную самостоятельную концепцию исторического процесса в Японии, а за пределами истории Японии — обогатить советскую науку важными работами и обобщениями по истории стран Дальнего Востока и Восточной Азии в целом, но и развить ряд новых оригинальных и в высшей степени ценных перспективных методологических положений, относящихся как к истории средних веков, так и к общей теории исторического процесса, к философии истории.

Хотелось бы отметить еще одну своеобразную черту творческой личности Николая Иосифовича Конрада. Это — его несомненное поэтическое дарование и слитое с ним умение в простой, увлекательно-изящной, художественной форме передавать и излагать свои научные описания и построения, свои выводы и обобщения. Поэт и историк, языковед и стилист, мастер изящной прозы, литературовед и литературный критик, текстолог и тонкий переводчик — это далеко не полный перечень разных граней и сторон творческого образа академика Конрада.

Нельзя оторваться и от живого человеческого, товарищеского облика Николая Иосифовича. Внутреннее и внешнее изящество Николая Иосифовича, его удивительный такт, отзывчивость и обходительность, щедрая душевная доброта и высокое благородство, увлекающее собеседника многообразие его интересов и знаний, неизменная готовность прийти на помощь всякому, кому эта помощь требуется, необыкновенная дисциплинированность и аккуратность, самоотверженная преданность науке и ее большим истинным задачам — все эти и многие другие светлые качества Николая Иосифовича признаны и прочувствованы всеми многочисленными учениками, друзьями и коллегами Николая Иосифовича. Его имя и его образ окружены уважением, любовью и искренним восхищением.

Академик В. В. Виноградов

ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В АКАДЕМИЯХ НАУК
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Языковедческая деятельность лингвистических секторов и отделов Института языка и литературы АН УзбССР, Института языкознания и отдела уйгуроведения АН КазССР, Института языка и литературы АН КиргССР, Института языка и литературы АН ТуркмССР за последние годы заметно расширилась, и, охватывая все основные аспекты изучаемого объекта, стала плодотворной не только в решении практических задач.

Языковеды стали уделять больше внимания разработке научных проблем тюркского языкознания, начали заниматься теоретическим обобщением накопленных материалов, развернули углубленное исследование отдельных узловых вопросов грамматики и монографическое изучение диалектов, а в некоторых республиках приступили и к историческому изучению языков. Характерным для исследований последних лет в целом, в особенности для трудов по грамматике и диалектологии, является полнота охвата материала, обобщение и систематизация всего сделанного по теме и стремление самостоятельно разработать поставленную проблему. Улучшилось также качество работ чисто практического назначения; практические вопросы стали решаться на научной основе с учетом достижений научных исследований и опыта (например, новейшие труды по орфографии и пунктуации узбекского и казахского языков).

Академические институты за редким исключением работают в тесном контакте с кафедрами вузов. Языковеды союзных академий наук принимают активное участие в создании учебников и учебно-методических пособий по родному языку для вузов и средних школ; в свою очередь лучшие специалисты кафедр вузов привлекаются к разработке плановых тем институтов.

Языковедческие институты академий наук республик Средней Азии и Казахстана участвуют в выполнении двух коллективных тем Института языкознания АН СССР: «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху», «Диалекты тюркских языков». Они активно участвуют в организации языковедческих совещаний и конференций (например, совещание по

истории тюркских языков в Ашхабаде, Всесоюзная конференция по вопросам развития литературных языков СССР в Алма-Ате, IV региональное координационное совещание по диалектологии тюркских языков во Фрунзе).

В Институте языка и литературы АН УзбССР выполнены монографические исследования по синтаксису сложного предложения в современном узбекском литературном языке¹, по проблеме взаимоотношений узбекского литературного языка и его народных говоров², по профессиональной лексике узбекского языка³; выпущены отдельным томом словарные материалы хорезмских говоров узбекского языка и их классификация⁴. Институт впервые приступил недавно к углубленному исследованию насущных вопросов культуры речи, к разработке экспериментальной фонетики, теории лексикографии и перевода, к изучению диалектов методами лингвистической географии и во всех этих направлениях, требующих дальнейшего расширения, добился определенных успехов. Особого упоминания заслуживают достижения Института в историческом изучении языка, которое ведется по существу в общетюркском плане в двух

¹ Г. А. Абдурахманов, Основы синтаксиса сложного предложения современного узбекского литературного языка, Ташкент, 1960; Г. А. Абдурахманов, Қўшма гап синтаксиси, Тошкент, 1964.

² Ш. Шоабдурахманов, Ўзбек адабий тили ва ўзбек халқ шевалари, Тошкент, 1962.

³ С. Ибрагимов, Профессиональная лексика узбекского языка (на материалах ферганских говоров), Ташкент, 1961.

⁴ Ф. Абдуллаев, Ўзбек тилининг Хоразм шевалари, Тошкент, 1961. Из других изданий Института заслуживают упоминания: Б. Джуроев, Шахрисябзский говор узбекского языка, Ташкент, 1964; А. Х. Сулаймонов, А. Х. Ходжиев, Ж. М. Журоева, Феъл замонлари, Тошкент, 1962; А. Ходжиев, Ўзбек тилида қўшма, жуфт ва такрорий сўзлар, Тошкент, 1963.

основных направлениях: 1) текстология, публикации и лингвистическое изучение наиболее важных древних памятников тюркских языков; 2) сопоставительное изучение тюркских языков и их отдельных явлений. Ценным вкладом в тюркологию является подготовка и издание в переводе на узбекский язык знаменитого словаря филолога XI в. Махмуда Кашгарского в трех томах⁵. Успешно изучаются не только вопросы исторической лексикологии; делаются попытки осветить историческую грамматику узбекского языка, исходя из материала тюркских древних письменных памятников⁶. Известные достижения имеются в составлении двуязычных и терминологических словарей.

Продолжая наметившееся за последние годы прогрессивные традиции, языковеды Института в настоящее время во всех названных направлениях ведут исследования по обширной тематике, выполнение которых рассчитано на 1966—1970 г. Среди всей планируемой тематики следует назвать создание научной грамматики узбекского языка; планом предусмотрено также сопоставительное исследование основ грамматики тюркских языков Средней Азии, а также исследование фонетики узбекского литературного языка на основе экспериментальных данных. Надо отметить, однако, что тематика экспериментальных работ по фонетике не уточнена ни с точки зрения отбора объектов изучения, ни с точки зрения методов, которыми намерены пользоваться исполнители при решении поставленных задач. План сектора лексикографии включает в себя составление толкового словаря узбекского языка в двух томах и русско-узбекского словаря в двух томах (70 000 слов).

Диалектологи приступили к составлению «Диалектологического словаря узбекского языка», причем в 1967 г. намечено закончить часть А—Р; планируется также создание «Диалектологического атласа узбекского языка». Подготавливается сборник исследований по исторической грамматике узбекского языка; в содружестве с тюркологами АН Венгрии в Институте будет разрабатываться тема «Староузбекский язык XV в.». Тем не менее, в перспективном плане Института следовало бы предусмотреть создание обобщающих трудов по истории узбекского письменного языка дореволюционного периода — задача, для решения которой теперь имеются все возможности. В плане не нашла отражения и другая,

не менее важная и давно назревшая проблема — составление словаря архаизмов и историзмов, без которого современному узбекскому народу трудно пользоваться своим литературным наследием. Огромный пласт слов, характерных для литературного языка дооктябрьского периода, в существующих словарях современного узбекского языка отражен крайне слабо, а в планируемом толковом словаре, судя по инструкции для его составления, вовсе не найдет места. Следовало бы включить в план еще и словарь труднопереводимых слов и фразеологизмов. Желательно шире развивать исследования по культуре узбекской и русской речи (учитывая специфику ее функционирования в Узбекистане в условиях русско-узбекского двуязычия).

В центре внимания языковедов Института языкознания и Отдела уйгуроведения АН КазССР продолжают оставаться такие важные задачи развития тюркологии в республике: исследование грамматического строя и изучение сложных процессов формирования и развития казахского и уйгурского языков⁷, экспериментальное исследование звуков казахской речи, создание лексикографических трудов⁸, изучение языка и стиля оригинальной и переводной художественной литературы, собирание и исследование диалектных особенностей казахского языка у населения разных районов Казахстана, изучение закономерностей взаимодействия русского и казахского языков, исследования по истории казахского языка⁹, изучения вопросов культуры казахской речи¹⁰, составление библиографического указателя литературы по казахскому языкознанию¹¹. За последние годы Институтом языкознания опубликовано немало трудов, имеющих большое научное и практическое значение. Среди них «Современный казахский язык» (1962), «Вопросы развития литературных языков народов СССР» (Материалы кон-

⁷ М. Балақаев, Е. Жанпейсов, М. Томапов, Қазақ әдебиетінің мәселелері, Алматы, 1961; «Исследования по уйгурскому языку», Алматы, 1965.

⁸ «Қазақ тілінің тусіндірме сөздігі», Алматы, I — 1959, II — 1961; Ә. Болғанбаев, Қазақ тіліндегі синонимдер сөздігі, Алматы, 1963; «Қазақ тілінің орфографиялық сөздігі», Алматы, 1963.

⁹ Из последних работ см., например: Т. Қордабаев, Тарихи синтаксис мәселелері, Алматы, 1965.

¹⁰ М. Балақаев, Қазақ тілі мәдениетінің мәселелері, Алматы, 1965.

¹¹ Ш. Ш. Сарыбаев, Қазақ тілі білімі әдебиетінің библиографиялық көрсеткіші, Алматы, 1965.

⁵ Махмуд Қошғарий, Туркий сўзлар девони (Девону луғотит турк). Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталибов, Тошкент, I — 1960; II — 1961; III — 1963.

⁶ Э. Фозилов, Ўзбек тилининг тарихий морфологияси, Тошкент, 1965.

ференции, 1964), «Прогрессивное влияние русского языка на казахский», пять выпусков сборника «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», «Вопросы уйгурской филологии и др. Подготовлены к печати труды: «Сопоставительная грамматика русского и казахского языков», «Словарь языка Абая», «Казахская диалектология», «Современный уйгурский язык» и др. Завершаются работы над темами «Грамматика современного казахского языка», «Язык казахской художественной литературы», «Кодекс Куманикус» и др. Ведутся работы над составлением многоязычного толкового словаря казахского языка, над темой «Экспериментальное исследование гласных фонем казахского языка» и др.

В пятилетний (1966—1970 гг.) план Института языкознания и отдела уйгуроведения включены работы по следующим четырем направлениям: 1) исследование строя современных казахского и уйгурского языков; 2) история казахского языка в связи с развитием казахской нации; 3) казахская диалектология — уже ведется работа по составлению диалектологического атласа казахского языка, завершить который намечено в 1969 г.; 4) взаимодействие русского и казахского языков (в области фонетики и морфологии). На 1966—1970 гг. запланированы работы по 16 наиболее актуальным темам современного языкознания, многие из которых включены в планы научных советов при ОЛЯ АН СССР. Планируется создание многоязычного толкового словаря казахского языка, двухтомного толкового словаря уйгурского языка, четырехтомного русско-казахского словаря. Будут разрабатываться также темы: «Развитие современного казахского литературного языка», «Исследование языка (казахского) массовой коммуникации», «Вопросы культуры речи казахского языка», «Ритмико-мелодическая структура казахского языка», «Структура предложения и словосочетания в казахском языке», «Развитие уйгурского литературного языка в советскую эпоху». Исследование истории языка представлено в плане следующими темами: «Синтаксис письменных памятников казахского языка», «Очерк истории казахского глагола», «Язык орхонских и древнекыпчакских памятников и новые эпиграфические находки на территории Казахстана». Проблемам топонимики и ономастики будут посвящены «Этимологический словарь топонимов Казахстана» и исследования «Личные и собственные имена в казахском языке».

Следует, однако, отметить, что в исследованиях казахских языковедов все еще слабо используются достижения в изучении других языков, в особенности не родственных. Ряд проблем современного языкознания, например, такие, как проблемы двуязычия (лингвистический,

социологический и психологический аспекты явления), проблема языков социальных групп общества, остаются пока не затронутыми; казахские языковеды не проявляют интереса и к новым методам в языкознании. В плане Института отсутствуют темы, требующие комплексного исследования (исследование эпиграфических памятников; национальная специфика социалистической культуры и т. д.). Следовало бы уделить особое внимание фиксации местных особенностей казахского языка, пока они окончательно не исчезли под все усиливающимся влиянием литературного языка.

Изучение тюркских языков в Академии наук КиргССР сосредоточено в трех секторах Института языка и литературы, а также в отделе общей тюркологии и дунгановедения при АН КиргССР, созданном в 1963 г. В центре внимания языковедов в настоящее время находится исследование вопросов формирования киргизского литературного языка, изучение диалектов и говоров киргизского языка и составление двуязычных и толковых словарей киргизского языка, изучение памятников древних тюркских языков. За последние годы завершены и опубликованы ряд трудов по этим направлениям. Большие успехи достигнуты в исследовании диалектов киргизского языка — уже завершены работы по монографическому описанию диалектов киргизского языка на территории Киргизии и за ее пределами (Тянь-Шаня, Узбекистана, Казахстана)¹²; диалектологические исследования ведутся теперь методами лингвогеографии, в частности, программа сбора материала для составления диалектологического атласа киргизского языка была выпущена в свет еще в 1963 г. Изучаются также отношения диалектов к киргизскому литературному языку. Выпущены исследования по грамматике киргизского языка¹³; впервые издано на киргизском языке учебное пособие для вузов «Грамматика современного киргизского языка (морфология)¹⁴; работы, монографически описывающие отдельные части речи киргизского языка («Местоимение в киргиз-

¹² Э. Абдулдаев, Г. Бакинова, С. Кондучалова, С. Сыдыков, Тянь-Шандык кыргыздардын тилиндеги өзгөчөлүктөр, Фрунзе, 1960; Э. Абдулдаев, Г. Бакинова, Н. Бейшекеев, Өзбекстандагы кыргыздардын тилиндеги жергиликтүү өзгөчөлүктөр, Фрунзе, 1962; Н. Бейшекеев, Казакстандагы кыргыздардын тилдик өзгөчөлүктөрү, Фрунзе, 1964.

¹³ См.: И. А. Батманов, Современный киргизский язык, вып. I, Фрунзе, 1963.

¹⁴ «Кыргыз тилинин грамматикасы (Морфология)», Фрунзе, 1964.

ском языке», 1960; на кирг. яз.) или характеризующие его синтаксический строй («Идеи предложения в киргизском языке», 1961; на кирг. яз. и «Главные члены предложения в современном киргизском языке», 1964; на кирг. яз.). Сопоставительное изучение киргизского, казахского и узбекского языков нашло свое отражение в так называемой «сравнительной грамматике» этих языков¹⁵; вышел в свет также «Библиографический указатель литературы по киргизскому языку»¹⁶. Большим достижением киргизского языкознания и тюркской лексикографии является вышедший в 1965 г. «Киргизско-русский словарь», составленный акад. АН КиргССР К. К. Юдахинным.

Отделом общей тюркологии и дунгановедения опубликован ряд ценных исследований по памятникам древних тюркских языков¹⁷. В настоящее время ведутся работы по составлению толкового (одно-томного) словаря киргизского языка, исследуется диалектная система древнетюркских языков по данным енисейских и орхонских памятников. На 1966—1970 гг. предусмотрены составление двух-томного толкового словаря киргизского языка, завершение диалектологического атласа киргизских говоров, изучение развития синтаксического строя киргизского литературного языка, исследование формирования, развития и взаимодействия сибирских и среднеазиатских тюркских языков. Сектор общей тюркологии ведет свою работу в тесном контакте с научно-исследовательскими институтами Тувинской и Хакасской АССР¹⁸.

Институт недостаточное внимание уделяет теоретическим вопросам киргизского языкознания, ограничиваясь описательным аспектом изучения; слабо используются достижения современной лингвистики. Ввиду ограниченного количества сотрудников лингвистических секторов в настоящее время не разрабатываются многие актуальные проблемы киргизского языкознания, такие, как

проблема культуры киргизской и русской речи в Киргизии, проблемы двуязычия и социальных диалектов, вопросы истории киргизского языка и т. д.

Институт языка и литературы АН ТуркмССР вплоть до последних лет занимался главным образом первичным описанием современного состояния строя туркменского языка и его диалектов, а также решением практических вопросов языкового строительства. За последние годы изданы подготовленные Институтом толковый «Словарь туркменского языка»¹⁹, работа о словарном составе языка²⁰, первый фразеологический словарь туркменского и русского языков²¹, полный орфографический словарь. Выпущена в свет сопоставительная грамматика русского и туркменского языков²². Институтом подготовлены к печати монографии: «Синтаксис простого предложения туркменского языка», «Грамматика туркменского языка» (ч. I. Фонетика и морфология). В настоящее время ведется работа над полным (четырёхтомным) туркменско-русским словарем; подготовлены отраслевые словари и труды по диалектологии и истории языка. Коллективная тема «Культура речи», в выполнении которой в настоящее время принимают участие туркменские языковеды и которая координируется научным советом при ОЛЯ АН СССР, имеет прямое отношение к решению практических задач туркменского языкознания, связанных с нормализацией языка. В последнее время исследование проблем нормализации литературного языка ведется все более углубленно; языковеды стали уделять внимание также проблемам экспериментальной фонетики, лингвистической географии. После долгого перерыва заметно оживилось историческое изучение языка.

Диалектологическим исследованиям в республике пока не уделяется должного внимания — до сих пор не закончено первичное описание диалектов, материалы собраны лишь частично; между тем под возрастающим нивелирующим влиянием

¹⁵ К. К. Сартбаев, Турк тилдеринин салыштырма грамматикасы, Фрунзе, 1962.

¹⁶ Н. Бейшекеев, Кыргыз тили (Адабияттардын библиограф көрсөткүчү), Фрунзе, 1961.

¹⁷ И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, Современная и древняя енисейка, Фрунзе, 1962; «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.). Сборник статей», Фрунзе, 1962; К. Ашпиралиев, Орхон-Енисей жазма астеликтериндеги уңду сөздөр, Фрунзе, 1963.

¹⁸ См., например, работу, выполненную совместно с учеными Тувы: «Памятники древнетюркской письменности Тувы», вып. I—II, Кызыл, 1963.

¹⁹ С. Алтаев, Г. Атаев, Г. Ачыллова, А. Меретгелдиев, В. Месгудов, М. Я. Хамзаев, Туркмен диллиниң сөзлүги, Ашгабад, 1964.

²⁰ А.-М. Аннануров, Дилиң сөзлүк составы хакында, Ашгабад, 1961.

²¹ А. Кулиев, А. Аннануров, Т. Кулиева, Краткий фразеологический словарь русского и туркменского языков, Ашхабад, 1963.

²² Г. Кульманов, Х. Мухиев, М. Я. Хамзаев, Сравнительная грамматика русского и туркменского языков, Ашхабад, 1964. Из более частных работ назовем: М. Худайкулиев, Подражательные слова в туркменском языке, Ашхабад, 1962.

литературного языка диалектные различия с каждым годом исчезают все больше и больше. Необходимо усилить состав исполнителей диалектологических тем, в частности, авторский коллектив диалектологического словаря, ускорить создание этого словаря и диалектологического атласа, для чего необходимо прежде всего развернуть собрание материала по единой программе на всей территории основных туркменских диалектов. В подготовке диалектологического словаря могли бы быть использованы силы сектора лексикографии и терминологии, что вполне возможно в настоящее время, когда уже в основном выполнены неотложные задачи по составлению терминологических словарей, относительно полных двуязычных словарей, создан толковый словарь туркменского языка; между тем почти половина лингвистических кадров Института продолжает заниматься лексикографической работой. Заметим также, что при наличии сравнительно полных отраслевых словарей пока нет нужды в составлении четырехтомного русско-туркменского словаря. На базе существующего однотомного русско-туркменского словаря, изданного недавно, возможно составить более совершенный словарь в двух томах, включающий в себя активно употребляющуюся лексику. Усилия лексикографов нужно направить на улучшение качества словарей, на пополнение словника туркменского словаря, в особенности же на возможно полную, точную и убедительную лексикографическую разработку подачи уже выявленных слов, на устранение имеющихся в существующих словарях погрешностей в выделении и размещении слов в словаре и в разработке их лексических и грамматических значений. Необходимо составить инструкцию, где полезно обобщить и показать не только положительный опыт в первичной обработке лексического материала, но и имеющиеся ошибки. В составлении специальных отраслевых словарей технического, производственного и подобного профиля сектор лексикографии мог бы участвовать лишь в качестве организатора, доверив авторскую работу и научное редактирование соответствующим специалистам из других учреждений, как это делается, например, в Казахстане и Киргизии. Это позволило бы сектору совместно с квалифицированными переводчиками приступить к созданию максимально полного словаря общественно-политической терминологии, в котором ощущается острая нужда и составление которого тем не менее не предусмотрено в планах Института. Из других лексикографических работ, планируемых на 1966—1970 гг., следует назвать подготовку более полного толкового словаря туркменского языка, а также составление «Туркменско-русского словаря по топонимике».

К 1970 г. будет закончено составление лингвистического атласа западных и северных говоров туркменского языка, работа над которым уже ведется.

В области описательной грамматики в планах а 1966—1970 гг. значатся только две темы — «Именные части речи в туркменском языке (Исследование именных частей речи в историческом аспекте, с привлечением диалектных материалов)» и «Глагол туркменского языка (в сравнении с тюркскими языками юго-западной группы)»; в разработке последней темы должны принять участие все сотрудники сектора современного языка. Видимо, целесообразно из всей обширной тематики по глаголу, частично изучавшейся ранее, отобрать лишь мало изученные вопросы, разработка которых имеет значение не только для туркменского языкознания. Это позволило бы сектору современного туркменского языка постепенно перейти к подготовке монографических исследований и по другим проблемам туркменской грамматики, не имеющим до сих пор однозначного решения ни в научной, ни в учебной грамматике, например, различные признаки наречий и некоторые типы служебных слов; соотношение активных и неактивных типов аффиксального и аналитического словообразования; основные структурные типы сложных слов и их отличительные признаки от словосочетаний аналогичного строения; типология сложных предложений; структурные формулы сложных предложений с относительными словами.

Связь языковедов ТуркмССР с научными советами лингвистического профиля АН СССР недостаточно активна; не налажена тесная связь Института с профилирующими кафедрами Туркменского университета и Туркменского пединститута, хотя в университете специалисты по туркменскому языку ведут значительную по объему и результатам исследовательскую работу и, в частности, по грамматике туркменского языка имеют больше публикаций, чем языковеды института.

Имеет большое значение расстановка кадров. Наряду с необходимостью усиления состава исполнителей диалектологических тем следовало бы усилить и авторский коллектив темы «Культура речи» за счет наличных возможностей Института. Институтом запланирована тема «Звуковой строй туркменского языка (Экспериментальное исследование)», однако в фонетической лаборатории, кроме ее руководителя, нет квалифицированных специалистов. Комплексирование лабораторий специалистами следовало бы производить за счет аспирантов, получивших подготовку в Ленинграде и Москве, или за счет сотрудников, прошедших там стажировку. На стажировку в Москву или Ленинград следует

посылать также отдельных специалистов, занимающихся лексикографией и изучением диалектов методами лингвистической географии.

Касаясь в целом лингвистической деятельности академий наук республик Средней Азии и Казахстана, отметим, что в настоящее время весьма важным является повышение теоретического уровня выполняемых и планируемых работ и их целевая направленность. Это касается прежде всего исследования современного состояния языка, лексикографии и сопоставительного изучения тюркских и русского языков. Сопоставительные грамматики русского и тюркских языков составляются по старым образцам, не имеют определенной целевой установки и поэтому находят мало практического применения. В лексикографических трудах, а также в описательных грамматиках все еще не учитываются в должной мере достижения тюркского и в особенности общего языкознания. В некоторых исследованиях наблюдается недостаточное использование фактического материала, что ведет к схематизму.

Не развернули еще свою деятельность научные советы по языкознанию при академиях наук, а в АН ТуркмССР научный совет по языкознанию даже не создан. Существующие научные советы еще не координируют языковедческую работу в масштабе республики, четко не определены функции научных советов, им еще предстоит объединить усилия языковедов научно-исследовательских институтов и

вузов соответствующей республики для разработки проблем первостепенной важности.

Тематику и планы исследований по экспериментальной фонетике, проводимых в Алма-Ате, Ашхабаде и Ташкенте, желательным было бы согласовать между институтами, учитывая при этом потребности в экспериментально-фонетических исследованиях соседних тюркоязычных республик, где нет фонетической лаборатории.

В целях оживления контактов между языковедами республик Средней Азии и Казахстана целесообразно было бы включить в планы институтов координационные темы, например, «Взаимодействие и взаимообогащение тюркских языков и диалектов на территории Средней Азии и Казахстана», «Унификация и улучшение алфавитов тюркоязычных народов СССР», «Ранние периоды истории тюркских языков Средней Азии и Казахстана». Перечень тем можно было бы расширить и уточнить совместными усилиями языковедов. Для координации подобных тем целесообразно создание научного совета во главе с ведущими специалистами-тюркологами Средней Азии и Казахстана. Такой совет мог бы взять на себя, помимо этого, обязанности по организации целенаправленного единого планирования с учетом возможностей каждого института и каждого тюрколога Средней Азии и Казахстана.

А. А. Юлдашев, К. М. Мусеев

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт чешского языка Чехословацкой Академии наук является крупнейшим научно-исследовательским центром в Чехословакии, занимающимся разработкой проблем богемистики. Институт чешского языка возник в 1946 г. на базе Канцелярии Словаря чешского языка¹. В 1952 г. Институт вошел в состав новой Чехословацкой Академии наук. До последнего времени во главе Института чешского языка стоял акад. Б. Гавранек, с конца 1964 г. — канд. филол. наук доц. Фр. Данеш. Находясь в Праге, Институт имеет также сектор в г. Брно, за-

нимающийся диалектологией; здесь же находится и языковая консультация.

Коллектив Института чешского языка, объединяющий высококвалифицированных специалистов, проводит обширные исследования в области как современного литературного чешского языка, так и его истории, занимается изучением диалектов чешского языка, участвует в разработке новой терминологии, отвечающей потребностям развивающегося социалистического общества, совершенствует методику лингвистического исследования, осуществляет широкую научно-популярную деятельность.

Институт чешского языка ЧСАН координирует исследования в области богемистики в масштабах всей страны, он имеет широкие международные связи. Коллектив Института гостеприимно встречает славистов разных стран, предоставляя им возможность работать в его богатейших

¹ Имеется в виду многотомный словарь чешского языка («Příruční slovník jazyka českého»), работа над которым велась в течение ряда лет: первый том словаря в виде отдельных выпусков начал выходить в 1935 г., последний, девятый, вышел в 1957 г.

архивах, консультироваться со специалистами в области богемистики.

Институт является инициатором созыва целого ряда лингвистических конференций, на которых рассматривались актуальные теоретические и методологические проблемы.

Издаваемые Институтом печатные органы — журналы «Slovo a slovesnost» и «Naše řeč» — освещают актуальные лингвистические проблемы и играют важную роль в пропаганде передовых идей марксистского языкознания. Журнал «Slovo a slovesnost» (гл. редактор Б. Гавранек) освещает теоретические проблемы современного языкознания, предоставляет свои страницы для лингвистических дискуссий. Журнал «Naše řeč» (гл. редактор А. Едличка), имеющий более практический уклон, ориентирован на широкий круг читателей; большое внимание в журнале уделяется вопросам культуры речи.

Институт чешского языка ЧСАН имеет в своем составе следующие сектора: лексикологии и лексикографии, грамматики и стилистики современного чешского литературного языка, истории чешского языка, диалектологии, математической и прикладной лингвистики. Кроме того, имеются фонетический кабинет, языковая консультация, библиографическая группа.

При Институте чешского языка функционирует секретариат редакционной коллегии по изданию сочинений Я. А. Коменского (во главе с чл.-корр. ЧСАН Я. Беличем), секретариат чехословацкой терминологической комиссии (также во главе с Я. Беличем) и ряд других комиссий (например, по вопросам орфографии, диалектологии и т. д.).

В секторе лексикологии и лексикографии (заведующий сектором канд. филол. наук М. Геллцл) работа ведется в двух направлениях: а) собственно лексикографическая деятельность, составляющая основное содержание работы сектора; б) научно-исследовательская деятельность в области лексикологии.

В Институте чешского языка имеется уникальная картотека, отражающая словарный состав литературного чешского языка, плод многолетней деятельности большого коллектива экспертов. Значение этой картотеки для научно-исследовательской работы в области богемистики поистине неопределимо. Картотека насчитывает ныне около 11 миллионов карточек, она постоянно пополняется за счет экскерпции новейших произведений художественной литературы, прессы и т. д.

На базе указанного архива сектором завершено издание девятитомного словаря чешского языка — «Příruční slovník jazyka českého» (коллектив авторов словаря в 1958 г. был отмечен государственной премией имени Клементя Готвальда). В настоящее время близятся к концу ра-

бота над четырехтомным словарем литературного чешского языка, отражающим развитие словарного состава литературного чешского языка после 1945 г. При составлении словаря учитываются новейшие достижения в области лексикологии и лексикографии. В настоящее время два сотрудника сектора совместно с коллективом лингвистов Института языков и литератур работают над составлением украинско-чешского словаря.

Богатый опыт, накопленный в области лексикографической деятельности, находит свое отражение в научно-исследовательской работе сотрудников сектора — их монографических исследованиях и статьях по лексикологии. Так, к числу новейших публикаций этого типа относятся монографии Й. Филиппа «Чешские синонимы с точки зрения стилистики и лексикологии», Я. Зимы «Экспрессивность слова в современном чешском языке»² и др.

В тесной связи с названными выше работами находится также деятельность Института в области создания и нормализации специальной терминологии. В качестве примера может быть назван «Терминологический словарь горной промышленности»³; сотрудники Института принимают участие в разработке «Чехословацких государственных терминологических норм».

Секретариат Чехословацкой терминологической комиссии при Лингвистической коллегии ЧСАН был образован в январе 1962 г. (идея его создания возникла на конференции по марксистскому языкознанию в декабре 1960 г.). Аналогичный орган существует в Словакии при Институте словацкого языка Словацкой Академии наук. Задача секретариата — направлять и координировать деятельность по созданию терминологии, учитывать при выработке терминологии специфику как чешского, так и словацкого языков. Комиссией издается журнал «Československý terminologický časopis» (отв. редактор Я. Горещкий).

Как работа в области выработки новой терминологии, так и работа в области реформы правописания, также проводимая Институтом, ведется в тесном контакте с соответствующими учреждениями Словацкой Академии наук.

Центральной задачей сектора современного литературного чешского языка (заведующий сектором д-р филол. наук М. Докулил) является создание современной научной грамматики литературного чешского языка. Указанная грамматика должна отвечать теоретическим и

² J. Filip e s, Česká synonyma z hlediska stylistiky a lexikologie, Praha, 1961; J. Z i m a, Expresivita slova v současné češtině, Praha, 1961.

³ «Hornický slovník terminologický», Praha, 1961.

практическим требованиям современной лингвистической науки.

Созданию грамматики, представляющей собой научное описание системы чешского языка, предшествуют монографические исследования, разрабатывающие актуальные грамматические проблемы. Можно назвать монографии Ф. Данеша «Интонация и предложение в литературном чешском языке», К. Гаузенблаза «Эволюция предметного генетива в чешском языке»⁴, а также многочисленные статьи по теории грамматики.

Широким фронтом ведется в секторе работа в области изучения словообразования современного литературного чешского языка (работой руководит М. Докулил). Цикл коллективных исследований по словообразованию, задуманный как трехтомное издание, в настоящее время близится к завершению. В первом томе, вышедшем под названием «Теория словопроизводства»⁵, принципиально по-новому освещается целый ряд актуальных проблем теории словообразования, излагаются методологические посылки всего комплекса исследований по словообразованию, проводимых коллективом сотрудников Института. Второй том — «Словообразование имен существительных» и третий том — «Словообразование прилагательных, наречий, глаголов» должны выйти в самом ближайшем будущем.

При выполнении работ по словообразованию, морфологии большим спором является обратный словарь чешского языка, составленный сотрудниками Института на базе девяти томного словаря чешского языка.

В секторе ведется работа по изучению фонологии чешского языка (результаты этих исследований опубликованы в ряде статей проф. Й. Вахка).

Большой интерес представляет «Частотный словарь слов, частей речи и словоформ в чешском языке»⁶, содержащий частотные характеристики современного чешского языка. Значительную ценность имеет архив этого словаря, хранящийся в Институте чешского языка.

В рамках сектора современного литературного чешского языка был выполнен и ряд работ из области стилистики. Имеются в виду публикации Л. Долежеля «О стиле современной чешской прозы»,

М. Елинка «О языке и стиле газет», коллективные труды — «Главы из практической стилистики», «Книга о языке и стиле современной чешской литературы»⁷ и т. д.

Большое научное значение имеет публикация лингвистического наследия, в частности трудов Пражского лингвистического кружка. В этой связи следует упомянуть изданный Й. Вахом наиболее значительных статей лингвистов, принадлежащих к Пражской лингвистической школе⁸. Несколькими ранее (в 1960 г.) Й. Вахек (при участии Й. Дубского) составил «Лингвистический словарь Пражской школы»⁹. Событием в лингвистической жизни явился выход в свет в 1964 г. сборника «L'écologie de Prague d'aujourd'hui» («Travaux linguistiques de Prague», I), представляющего собой попытку установить место традиций пражской лингвистической школы в дальнейшем развитии пражской лингвистики, в развитии современного языкознания. В сборнике опубликованы статьи теоретического характера. Впоследствии данное издание будет периодическим.

Значительную ценность представляет издание сборника статей Б. Гавранка¹⁰, в которых рассматриваются важные проблемы теории литературного языка и языковой культуры, а также сравнительного изучения славянских литературных языков.

Институт чешского языка уделяет серьезное внимание повышению языковой культуры населения. Можно отметить издание в 1957 г. «Правил чешского правописания»; нормализаторская деятельность в области орфографии продолжается и ныне. На протяжении целого ряда лет (с 1946 г.) сотрудники Института чешского языка систематически являются авторами радиопередач, посвященных вопросам культуры речи. Эти радиопередачи, составленные в живой и непринужденной форме, пользуются успехом у широкого круга слушателей и имеют большой от-

⁷ L. Doležel, O stylu moderní české prózy, Praha, 1960; M. Jelínek, O jazyku a stylu novin, Praha, 1957; Fr. Daneš, L. Doležel, K. Hausenblas, Fr. Váhala, Kapitoly z praktické stylistiky, Praha, 1955; «Knižka o jazyce a stylu soudobé české literatury», Praha, 1962.

⁸ «A Prague school reader in linguistics», Bloomington, 1964.

⁹ «Dictionnaire de linguistique de l'école de Prague», Utrecht — Anvers, 1960; перевод этой книги на русский язык: Й. Вахек (при участии Й. Дубского), Лингвистический словарь пражской школы, М., 1964.

¹⁰ B. Havránek, Studie o spisovném jazyce, Praha, 1963.

⁴ Fr. Daneš, Intonace a věta ve spisovné češtině, Praha, 1957; K. Hausenblas, Vývoj předmětového genetivu v češtině, Praha, 1958.

⁵ M. Dokulil, Teorie odvozování slov, Praha, 1962 (см. рецензию на эту книгу: ВЯ, 1962, 5).

⁶ J. Jelínek, J. V. Bečka, M. Těšitelová, Frekvence slov, slovních druhů a tvarů v českém jazyce, Praha, 1961.

клик; тексты радиопередач время от времени публикуются в виде отдельных книг (в серии «Jazykový koutek Československého rozhlasu»).

Сотрудники Института ведут соответствующие разделы, посвященные вопросам культуры речи, на страницах ряда газет (например, «Literární povíčky») и журналов.

Большой интерес у массового читателя вызвали такие публикации, как «Чехам о чешском языке» (сборник статей), «Маленький путеводитель по современному чешскому языку»¹¹. Последняя книга представляет собой цикл консультаций, ответов на письма, связанных с вопросами культуры речи и помещенных в свое время в газете «Literární povíčky»; автор книги Фр. Данеш в живой, остроумной форме освещает целый ряд проблем языка. Активную деятельность ведет и языковая консультация, отвечающая на письма, телефонные запросы и т. д. Сотрудники Института чешского языка принимают участие в составлении учебников чешского языка.

В секторе истории чешского языка (заведующий сектором д-р Зд. Тыл) разрабатывается ряд проблем фонетики, словообразования, морфологии и синтаксиса древнечешского языка. В издании Института вышли такие монографические исследования, как работы Я. Бауэра «Эволюция сложного предложения в чешском языке», И. Немца «Генезис видовой системы в славянских языках»¹² и мн. др.

Основной задачей сектора является создание «Словаря древнечешского языка», который будет отражать словарный состав древнечешского языка за период от первых сохранившихся письменных памятников вплоть до конца XV в. Большую научную ценность имеет обширный архив словаря, насчитывающий около трех миллионов карточек и пополняемый ныне excerpcиями из произведений чешских писателей XVI и XVII вв.

Институтом чешского языка осуществлена подготовка к изданию и издан ряд памятников чешского языка, например, «Хрестоматия древнечешской литературы» (составители Б. Гавранек, Й. Дангелка, Й. Грабак) — издание продолжается, «Вышеградский сборник Ф. Штитного» (издал акад. Фр. Ришанек), «Древнейшие чешские рифмованные легенды» (Й. Цейнар), «Далимилова хроника»

(подготовили к изданию Б. Гавранек, Й. Дангелка)¹³ и т. д.

Заслуживает внимания библиографическая деятельность сотрудников Института чешского языка под руководством Зд. Тыла. В настоящее время в библиографических указателях отражено состояние чешской лингвистики за период с 1945 по 1960 г.

Большую работу в области изучения диалектов чешского языка ведет сектор диалектологии (заведующий сектором канд. филол. наук Я. Ворач). С 1947 г. производится систематическое обследование говоров Чехии, с 1953 г. силами брненского сектора обследуются говоры Моравии и Силезии. Коллектив диалектологов занят составлением Чешского диалектологического атласа, а также принимает активное участие в работе над Общеславянским лингвистическим атласом, объектом координации лингвистов славянских стран.

Большой интерес представляет имеющийся в Институте архив словарного состава диалектов чешского языка.

Подготовлен к печати и вышел в свет ряд монографических описаний диалектов¹⁴.

Звуковая сторона чешского языка исследуется в фонетической лаборатории Института под руководством проф. Б. Галы. Здесь были созданы такие работы, как «Произношение чешского литературного языка» (первый том — произношение чешских слов; второй том — произношение заимствованных слов — подготавливается к печати)¹⁵. Написана монография Я. Ондрачковой «Рентгенологическое исследование артикуляции чешских гласных»¹⁶. Подготовлен также рентгенокинематографический фильм «Движение языка и мягкого нёба при произношении гласных во время пения», который с успехом

¹³ «Výbor z české literatury (starší)», I díl, Praha 1957; «Výbor z české literatury doby husitské», Praha, 1963; T. ze S t í t n ě h o, Sborník vyšehradský, I díl, Praha, 1960; «Nejstarší české veršované legendy», Praha, 1964; «Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila», Praha, 1957.

¹⁴ J. B ě l i ě, Dolská nářečí na Moravě, Praha, 1954; Fr. K o r e ě n ý, Nářečí Určic a okolí, Praha, 1957; J. V o r á ě, Česká nářečí jihozápadní, Praha, 1955; J. S k u l i n a, Nářečí severního pásu moravskoslovenského (в печати); Šl. U t ě š e n ý, Nářečí přechodného pásu českomoravského, Praha, 1960; B. Z i m o v á, Voraňský slang pražského Podskalí, Praha, 1965.

¹⁵ B. H á l a, Výslovnost spisovné češtiny — výslovnost slov českých, Praha, 1955.

¹⁶ J. O n d r á ě k o v á, Rentgenologický výzkum artikulace českých vokálů, Praha, 1965.

¹¹ Fr. D a n e š, M. D o k u l i l, K. H a u s e n b l a s, M. H e l c l, A l. J e d l i ě ě k a, J. K u c h a ř, V l. S m i l a u e r, Fr. V á h a l a, O češtině pro Cechy, Praha, 1960; Fr. D a n e š, Malý průvodce po dnešní češtině, Praha, 1964.

¹² J. B a u e r, Vývoj českého souvětí, Praha, 1960; I. N ě m e c, Genese slovenského systému vidového, Praha, 1958.

демонстрировался на международных лингвистических съездах. Вместе со специалистами техниками проводится исследование акустической стороны языка в связи с вопросами фонетического анализа и синтеза речи.

В 1961 г. в Институте чешского языка был организован сектор математической лингвистики (заведующий сектором канд. филол. наук доц. Л. Долежел). Коллектив сектора, объединяющий по преимуществу молодых специалистов, разрабатывает теоретические и методологические проблемы применения математики в языкознании, занимается статистическим обследованием чешского языка. Результаты статистического обследования будут использованы в дальнейшем при написании упомянутой выше грамматики чешского литературного языка.

Большое внимание уделяет руководство Института чешского языка и его секторов повышению квалификации сотрудников Института. Этой цели служат регулярно функционирующие семинары: в качестве примера можно назвать семинары при секторах современного литературного чешского языка, математической лингвистики и т. д., на заседаниях которых ставятся важные лингвистические проблемы. В Институте систематически проводятся

научные дискуссии. Сотрудники Института чешского языка принимают активное участие в работе заседаний Пражского лингвистического объединения.

В рамках короткой информации¹⁷ можно было лишь очень приблизительно осветить некоторые стороны деятельности Института чешского языка ЧСАН. Являясь одним из ведущих лингвистических коллективов в стране, Институт чешского языка в течение всей своей деятельности зарекомендовал себя как научно-исследовательское учреждение, разрабатывающее проблемы языкознания на уровне современной лингвистической науки.

Г. П. Нецименко

¹⁷ При написании информации были использованы материалы статей: В. Н а в г á н е к, *Vybudování nové CSAV a Ústav pro jazyk český*, «*Naše řeč*», 36, 1953; St. K r á l í k, *Deset let Ústavu pro jazyk český v Československé Akademii věd*, «*Naše řeč*», 45, 1962. Считаю приятным долгом поблагодарить сотрудников Института чешского языка ЧСАН и в особенности ученого секретаря Института А. Стиха за то, что они ознакомились с материалами настоящей информации и сделали ценные замечания.

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 27 по 29 сентября 1965 г. в Черновцах проходила межвузовская конференция по вопросам синтаксиса украинского языка, созданная по инициативе лингвистических кафедр Черновицкого государственного университета. На конференции работало две секции: секция синтаксиса современного украинского языка и секция исторического и диалектологического синтаксиса.

В работе конференции приняли участие 55 работников учебных и научных заведений УССР, РСФСР и БССР, в том числе ученые Киева, Харькова, Львова, Одессы, Нежина, Днепропетровска, Ужгорода, Минска, Краснодара, Сум, Кременча, Ростова-на-Дону, Николаева, Полтавы и др.

На пленарном заседании было прослушано пять докладов и сообщений. А. С. М е л ь н и ч у к (Киев) в докладе «О двух синтаксических уровнях формирования и описания словосочетаний» предложил новые критерии классификации словосочетаний в современных восточнославянских языках. Докладчик подчеркнул тот факт, что круг так называемых абстрактных и конкретных словосочетаний не связан с признаком синтаксической и смысловой законченности, а

определяется главным образом некоторыми формальными моментами. Большинство словосочетаний абстрактно-синтаксического уровня имеет двучленную структуру, что сближает их с морфологическими элементами языка. Слово-сочетания, которые выделяются как конкретно-синтаксические, в отличие от первых, могут быть как двучленными, так и одночленными.

П. С. Д у д и к (Полтава) в докладе «Оформление сказуемого в устной речи» использовал большой лексико-фразеологический литературный и диалектный материал, который позволяет охарактеризовать многообразные способы выражения категорий сказуемого в современном украинском языке. И. З. П е т л и ч н ы й (Львов) посвятил свое сообщение «К вопросу изучения теории категории падежа» вопросу становления категории падежа в структурном и типологическом планах. Я. С. С п р и н ч а к (Нежин) на материале исторических памятников русского, украинского и белорусского языков в докладе «К вопросу о происхождении депричастных конструкций в восточнославянских языках» наметил главные закономерности развития депричастия как морфологической и син-

таксической категории. Выступление Н. П. Ивченко (Ровно) было озаглавлено «Синтаксические особенности говоров Ровенщины».

На секции современного украинского языка было прослушано и обсуждено 25 докладов и сообщений. Большинство из них было посвящено синтаксису простого предложения: И. И. Дацюка (Винница), Т. П. Пушанко (Киев), М. Я. Плющ (Киев), З. И. Иваненко (Черновцы), К. М. Плиско (Луганск), Н. А. Москаленко (Одесса), Т. М. Возного (Львов), Г. В. Войцеховской (Киев), Н. Я. Днепровской (Харьков), В. В. Лободы (Николаев), Г. Ф. Пелех (Одесса), Л. М. Посевой (Черновцы), Л. В. Шапочки (Киев), Л. И. Коломиец (Нежин), А. Д. Зверева (Черновцы), Н. Н. Арват (Черновцы), Э. Я. Бобер (Черновцы), В. И. Кузнецова (Черновцы), З. Ю. Тихоход (Кременец), П. Е. Мишуренко (Днепропетровск), Б. И. Боднар (Ровно), С. Я. Ермоленко (Киев). Синтаксису сложного предложения, а также отдельным вопросам лингвистической стилистики были посвящены доклады Т. И. Выхрыстюка (Черновцы), З. В. Николаевой (Черновцы), Р. Я. Саакьян (Ростов-на-Дону).

На секции исторического и диалектного синтаксиса было прослушано 20 докладов. Изучению стилистического синтаксиса древнерусского языка на материале письменных документов XIV—XVIII вв. были посвящены доклады и сообщения Ю. Ф. Касима (Одесса) «Обстоятельные придаточные предложения в „Книгах трёх мисских Пириятинских“», В. П. Забелиной (Житомир) «Определительные придаточные предложения с союзным словом *который* в „Летописи Самовидца“», Д. Д. Герасименко (Нежин) «Сравнительная характеристика гипотактических конструкций в различных жанрах украинского литературного языка XVII—XVIII вв.». В докладе Л. П. БовыКовальчук (Сумы) был рассмотрен вопрос о способах выражения сказуемого в древнеукраинском языке в сравнении с современными формами. Проблемные вопросы предложного управления в плане сравнительно-исторического анализа в современных восточнославянских языках нашли свое отражение в докладах И. И. Слынько (Черновцы) «История делиберативных оборотов в украинском языке», В. Л. Карповой (Львов) «Словосочетания с предлогом *до* и *для* XIV—XV вв.», Ю. Г. Скибы (Черновцы) «К вопросу о предложном управлении в русском и славянских языках», Л. П. Подгайского (Минск) «Предложные конструкции со значением

цели в современном белорусском языке». Более частным вопросам современного и исторического синтаксиса были посвящены доклады В. Л. Ринберг (Киев) «Союзы-частицы в цепных конструкциях древнерусского языка», Г. П. Немец (Краснодар) «К вопросу о порядке синтаксических единиц перед прямой речью», Т. О. Тулиной (Одесса) «Предложение и тавтологическими подлежащими и сказуемыми в восточнославянских языках», Г. М. Чумакова (Луганск) «Явления языковой интерференции».

На фактическом материале украинских говоров были построены доклады П. М. Лизанца (Ужгород) «Из наблюдаемых над творительными инструментальным с предлогом *э* в закарпатских говорах», К. М. Лукьянюка (Черновцы) «Употребление притяжательных прилагательных в буковинских говорах», В. И. Добощ (Ужгород) «Функции родительного падежа в южнокарпатских говорах», В. И. Столбуновой (Черновцы) «Предложное управление в русских говорах на Буковине», К. Ф. Герман (Черновцы) «Взаимозависимость между компонентами сложносочиненных предложений буковинских говоров», С. В. Маковийчук (Черновцы) «Предложные обороты времени в произведениях буковинских писателей», Е. Я. Павлюк (Черновцы) «Словосочетания и эквивалентные с ними прилагательные», П. П. Чучки (Ужгород) «Антропонимические словосочетания в закарпатских говорах».

На пленарном заседании, которое состоялось 29 сентября, было выслушано сообщение М. У. Каранской (Киев) «Зависимость типа предложения от предикативных отношений», а также доклады П. Д. Тимощенко (Киев) «Вопросы нормализации синтаксиса украинского литературного языка советской эпохи» и И. Е. Грицютенко (Львов) «Вопросы взаимоотношений синтаксической и семантической микросистем украинского языка».

Участники конференции в своем решении выразили пожелание созвать очередную конференцию по вопросам синтаксиса в 1966 г. в г. Киеве.

Ю. Г. Скиба, К. Ф. Герман (Черновцы)

*

В V региональном совещании по вопросам диалектологии и тюркских языков, организованном Институтом литературы и языка им. Низами АН АзербССР совместно с Институтом языковедения АН СССР и проходившем в г. Баку 5—8 октября 1965 г., приняли участие ученые всех тюркских язычных республик, тюркологи Поволжья и Сибири, Москвы, Ленинграда, Новоси-

бирска и Тбилиси, Польши и Венгрии, а также монголисты Москвы, Улан-Удэ и Элисты.

Во вступительном слове акад. АН АзербССР М. Ш. Ш и р а л и е в (Баку), вкратце охарактеризовав современное состояние тюркской диалектологии, указал в качестве ближайшей и насущной ее задачи подготовку общетюркского лингвистического атласа; при этом он выразил благодарность чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунскому за проявленную инициативу в деле составления такого атласа.

Э. Р. Т е н и ш е в (Москва), представляя участникам совещания выполненный коллективом сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР доклад «О подготовке общетюркского лингвистического атласа» (Н. А. Б а с к а к о в, Э. В. Севортян, Л. А. Покровская и Н. З. Гаджиева), подчеркнул, что при оперировании монографическим методом, до недавнего времени доминировавшем в тюркской диалектологии, взаимодействие тюркских языков и диалектов оставалось вне внимания исследователей.

В первой части вступительного доклада — «Принципы составления общетюркского лингвистического атласа», прочитанной Н. А. Б а с к а к о в ы м, указывается, что общетюркский лингвистический атлас, преследующий в конечном итоге цель дать синтез всех общих и дифференцирующих признаков тюркских языков, позволит разрешить ряд спорных вопросов типологии, классификации и истории тюркских языков. Касаясь вопроса об отборе языковых явлений для этого атласа, Н. А. Баскаков на основании опыта общеславянского лингвистического атласа полагает, что в силу специфики и задач атласа должны быть отобраны явления как общетюркского, так и ареального характера, но не такие, которые имеются лишь в одном-двух тюркских языках или в диалектах одного языка; явления, одинаковые во всех тюркских языках, картографированию не подлежат; в одной изоглоссе не следует объединять явления, совпадения которых имеют спорадический или случайный характер.

Во второй части доклада — «Об ориентировочном составе языковых явлений в вопроснике „Общетюркского лингвистического атласа“», прочитанной Э. В. С е в о р т я н о м, на обсуждение поставлен индекс важных явлений тюркской фонетики, грамматики и лексики, причем автор исходит из невозможности устранить из индекса дифференцирующее явление на том основании, что оно не встречается во всех тюркских языках. По мнению докладчика, в области фонетики тюркских языков в качестве дифференцирующих явлений должны быть использованы те, которые относятся к составу

фонем и их межтюркских соответствий; явления, относящиеся к слоговой структуре слова; явления взаимодействия звуков (в частности, влияние гласных на согласные и наоборот); эволюция звуков и их сочетаний; явления словесного ударения, а также фонетические явления на границе слова. Для части некоторых картографируемых фонетических явлений докладчик предложил организовать инструментальное исследование.

Ориентировочный перечень общетюркских фонетических явлений с примерами содержит около сорока основных соответствий как гласных, так и согласных. Изоглоссные явления морфологического порядка удобнее всего проводить по частям речи; словообразовательные категории при этом найдут в атласе свое формальное отражение.

В предварительно подготовленном перечне морфологических явлений основное внимание уделяется классификационным признакам, выдвигавшимся тюркологами до настоящего времени; в дальнейшем будут учтены и другие важные диалектные расхождения в области морфологии. Составление тюркских языков в большинстве случаев окажется многозначными: корреспондирующие ряды слов могут одновременно характеризовать несколько фонетических явлений. К докладу приложены также «Материалы лексических изоглосс к Общетюркскому лингвистическому атласу», где представлены некоторые типы слов, относящиеся к различным частям речи и тематическим группам и дифференцирующиеся по значению и употреблению в тюркских языках.

С докладом, посвященным методике составления атласа тюркских языков и диалектов Советского Союза, выступил В. М. Ж и р м у н с к и й (Ленинград). Подчеркнув, что составление общетюркского лингвистического атласа не отменяет всех прочих диалектологических работ, докладчик остановился на различии в отборе языковых явлений для национальных атласов и атласа тюркских языков СССР. По мнению докладчика, для картографирования необходимо использовать и те явления, которые не укладываются в систему, не только регулярные формы, но и исключения, хорошо подобранные. В. М. Жирмунский предложил в самое ближайшее время на основе индексов, представленных в коллективном докладе, составить и опубликовать пробную анкету в объеме 50—60 вопросов; исходя из полученных данных, возможно будет подготовить пробный общетюркский атлас.

В серии докладов, прослушанных на совещании, освещались вопросы составления и состояния разработки диалектологических атласов отдельных тюркских языков: доклад Р. А. Р у с т а м о в а и М. И. И с л а м о в а (Баку) «Диалек-

тологический атлас восточной группы диалектов и говоров азербайджанского языка», Б. Дж. Джуроева (Ташкент) «О составлении диалектологического атласа узбекского языка», Р. Б. Бердыева (Ашхабад) «Принципы составления диалектологического атласа туркменского языка», Л. П. Сергеева (Чебоксары) «Из опыта применения картографического метода при изучении диалектов чувашского языка». Подготовленный к печати «Диалектологический атлас чувашского языка», как указывает Л. П. Сергеев, позволил, кроме классификации диалектов чувашского языка установить также, что отдельные языковые изоглоссы, расчленяющие говоры чувашского языка, не замыкаются в том или ином говоре на территории ЧувашАССР, они пересекают этнографические границы, свидетельствуя о взаимовлиянии и проникновении иноязычных элементов в зонах маргинальных контактов как родственных, так и неродственных языков.

Другой цикл докладов был посвящен принципам составления диалектологических словарей, вопросам отбора и подачи слов в таких словарях. Это доклад Ф. А. Абдуллаева (Ташкент) «Принципы составления диалектологического словаря узбекских говоров», прочитанный А. Ишаевым, и доклад К. М. Гасанова и Б. М. Тагиева (Баку) «Из опыта составления диалектологического словаря азербайджанского языка». В последнем докладе в связи с работой азербайджанских диалектологов над составлением трехтомного диалектологического словаря пересматриваются некоторые принципы, использованные при подготовке изданного в 1964 г. одготомника этого словаря. В докладе Н. Х. Максютовой (Уфа) «К вопросу о лексике башкирского языка» обсуждаются вопросы обогащения башкирского литературного языка за счет его диалектной лексики.

Следующая группа докладов была посвящена различным вопросам исторической диалектологии. Чл.-корр. АН ТуркмССР З. Б. Мухамедова (Ашхабад) в докладе «Отражение огузского материала филологических сочинений XI—XIV вв. в современном туркменском языке и его диалектах», опираясь на лексический материал, который извлечен ею из арабских сочинений по тюркским языкам и имеет параллели в современном туркменском языке и его диалектах, особо подчеркнула известную особенность языка огузов Хорезма, сказавшуюся в том, что их язык надолго сохранил древние черты. Акад. ПАН А. Зайончковский (Варшава) в докладе «„Мукаддима ал-адаб“ Замахшари по старейшему списку 1257 г.», отметил, что сохранившиеся средневековые арабско-кыпчакские словари имеют

значение не только для тюркской, но и для арабской диалектологии, рассматривает одну из глав «Мукаддима ал-адаб», содержащую названия животных; эти названия анализируются в связи с материалом словаря Махмуда Кашгарского, с одной стороны, и данными современных тюркских языков и диалектов, с другой. Проф. Г. Хазая (Будапешт) в докладе «Некоторые вопросы исторической диалектологии турецкого языка», основываясь на статистическом исследовании явлений сингармонизма в одном турецком филологическом сочинении XVII в., указал на невозможность сколько-нибудь точно определить хронологические рамки процесса вытеснения губной гармонии велярно-палатальной гармонией в турецком языке.

М. Ш. Рагимов (Баку) в докладе «Некоторые вопросы исследования исторической диалектологии тюркских языков», основываясь на азербайджанском материале, считает необходимым начать с установления этапов исторического развития литературного языка и определения диалектного членения литературного языка на этих этапах. Для истории азербайджанского литературного языка он предлагает выделять два этапа — с XI в. по XVII в. включительно и с XVIII в. по настоящее время; в первый период язык этот был представлен южным диалектом с центром в Тавризе и северным с центром в Ширване.

В докладе Г. Ф. Благовой (Москва) и Х. Д. Даниярова (Самарканд) «Говоры „тюрков“ Узбекистана в их современных и исторических отношениях» сделана попытка путем анализа современных говоров узбеков-«тюрков» и сопоставления их с языком староузбекской литературы рубежа XV—XVI вв. идентифицировать «тюрков», проживающих на разрозненных территориях Узбекистана (преимущественно в гористых районах), как потомков кочевого и полукочевого населения Мавераннахра дошейбанидского периода.

В докладе А. А. Дарбеевой (Москва) «Тюрко-бурятские диалектные взаимодействия (на материале нижеундинского диалекта бурятского языка)» исследуются некоторые тюрко-бурятские лексические параллели по материалам нижеундинских бурят и тофалар, а также те фонетические особенности нижеундинского диалекта, которые сходны с соответствующими явлениями в тюркских языках.

В ряде выступлений было подробно освещено состояние диалектологической работы на местах. Ш. Ш. Сарыбаев (Алма-Ата), представивший на обсуждение совещания «Инструкцию для составления диалектологического словаря казахского языка», остановился на наиболее спорных проблемах разработки этого словаря в связи с аналогичными проб-

лемами подготовки диалектологических словарей азербайджанского и узбекского языков. Состояние разработки казахской диалектологии освещалось также в выступлении Дж. Болотова (Алма-Ата). А. Ю. Алиев (Наманган) рассказал об изучении говоров Намангана, А. В. Ишаев (Ташкент) — о подготавливаемых монографических исследованиях отдельных говоров Узбекистана, Дж.-М. Амансарыев (Ашхабад) — об изучении туркменских диалектов, особо отмечая при этом неизученность диалектного синтаксиса. Указывая на технические затруднения при издании диалектологических трудов, он выступил с предложением создать для этой цели межреспубликанскую специализированную типографию. Предметом выступления Д. Г. Тумашевой (Казань) явились диалекты сибирских татар, классификационное расчленение которых на тобольско-тышльский, барабинский и томский диалекты производится на основе выделенных ею фонетических и морфологических дифференциальных признаков. О результатах изучения ризетрапезундского (наско-турецкого) диалекта турецкого языка доложила Е. В. Гудашвили (Тбилиси), об исследовании говоров гагаузов, в частности проживающих в украинских селах Одесской области УССР, — Б. П. Тукаев (Кишинев), о диалектологической работе в Якутии — М. С. Воронкин (Якутск), об изучении узбекских говоров Самаркандской области — Х. Д. Данияров, который указал также на необходимость тесной связи диалектологии и этнографии; в качестве первого опыта он включил этнографические вопросы в составленный им вопросник для обследования говоров Самаркандской области. В выступлении С. Ф. Миржановой (Уфа) была показана работа башкирских ученых над составлением башкирского диалектологического словаря в сопоставлении с аналогичной работой азербайджанских и казахских диалектологов.

В прениях по прослушанным докладом выступили З. Б. Мухаммедова, говорившая о необходимости возможно более полной фиксации диалектной лексики; А. Джафарлы (Кировабад), указавший на необходимость включить в диалектологический словарь составные и сложные глаголы; Т. И. Гаджиев (Баку), предложивший отражать в диалектологическом атласе исторический аспект картографируемых явлений, в частности уделять внимание языковым параллелизмам. Л. А. Покровская (Москва), выступая по докладу В. М. Жирмунского, признала важным подбирать для фонетических изоглоссов слова из общетюркского лексического фонда и при этом фиксировать объем лексического материала, представляю-

щего то или иное картографируемое явление. В. М. Жирмунский, призвавший тюркологов использовать опыт составления иноязычных диалектных словарей, особенно немецких, указал, что при наличии конкурирующих синонимов нельзя ограничиться их фиксации — необходимо устанавливать степень распространения каждого синонима, для чего полезно снабжать диалектный словарь соответствующими картами или схемами. Он подчеркнул также желательность включения русского перевода заглавного слова в диалектные словари тюркских языков. Б. Г. Таирбеков (Баку), остановившись на пространным плане изучения тюркских диалектов, выступил с критикой ориентированности диалектологической работы в Азербайджане лишь на носителей азербайджанского языка в Советском Союзе. Ц. Б. Цыдендамбаев (Улан-Удэ) указал на необходимость сотрудничества тюркологов и монголистов с тем, чтобы избежать включения монголизмов в атлас в качестве иллюстраций того или иного картографируемого явления; такое сотрудничество окажется полезным и при комментировании данных общетюркского лингвистического атласа. С. А. Джафаров (Баку) признал необходимость при составлении диалектологического атласа азербайджанского языка учитывать процессы взаимовлияний говоров азербайджанского языка и соседящих иберийско-кавказских языков особенно в области фонетики и лексики. Е. И. Убрятлова (Новосибирск), указавшая на целесообразность использования коллективно подготовляемых «Очерков тюркских диалектов» при составлении вопросника для общетюркского лингвистического атласа, в связи с докладом А. А. Дарбеевой подробно остановилась на взаимодействии якутского и монгольского языков, которое осуществлялось в области не только лексики, но и фонетики, морфологии и даже синтаксиса; влияние монгольского на якутский язык отмечается не только в пограничных районах, но и в центральных районах Якутии. По мысли Е. И. Убрятовой, распространение тюркских языков в иноязычной среде на территории Сибири происходило в условиях двуязычия, которое вначале было двусторонним, а впоследствии, по мере укращения тюркского языка становилось односторонним; в результате длительного двуязычия в якутском и монгольском языках сохранилось много общего в лексике. А. Джафар (Баку) подчеркнул необходимость тесного сотрудничества диалектологов, историков и этнографов при исследовании этногенеза тюркских народов. Критические замечания по докладу А. А. Зайончовского высказал Ю.-З. Ширвани (Баку). А. Ш. Кичиков (Элиста) в своем

выступлении использовал данные тюркских диалектов для этимологизации монг. *джангар, монгол*.

М. Ш. Ш и р а л и е в в заключительном слове, отметив имеющиеся предпосылки для составления общетюркского лингвистического атласа (описательные монографии по ряду тюркских диалектов, работа над диалектологическими атласами отдельных тюркских языков; опыт составления русского диалектологического атласа), указав, что конечной целью должно явиться составление такого атласа для тюркских языков не только Советского Союза, но и зарубежных стран. М. Ш. Ширалиев подчеркнул отставание тюркской исторической диалектологии.

Совещание приняло резолюцию, в соответствии с которой решено на первых порах ограничиться созданием пробного атласа тюркских языков Советского Союза, охватывающего 50—60 явлений; 1966 г. будет посвящен составлению списка картографических явлений, вопросника и инструкции по сборанию материала, разработке единой транскрипции и установлению сетки обследования. Для участия в работе Комитета по диалектологическому атласу тюркских языков Советского Союза соответствующим ресубликанским Академиям наук и Филиалам АН СССР предложено выделить своих представителей-специалистов по тюркской лингвгеографии.

Совещание поддержало инициативу Института литературы и языка им. Низами АН АзербССР об издании научного тюркологического журнала в г. Баку и рекомендовало провести очередное VI региональное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков в 1968 г. в Узбекистане.

Г. Ф. Благова (Москва)

*

Центром лингвистической деятельности в Лейпциге (ГДР) является Лингвистический кружок, который был организован при Лейпцигском университете в 1963 г. Председатель комитета кружка — проф. Р. Ружичка (Ин-т языковедения при ун-те¹).

Задачами лингвистического кружка являются: 1) осуществление связи языковедения и преподавания родного и иностранного языков в целях улучшения преподавания языков; 2) разработка проблем структурной лексикологии и грамматики; 3) разработка проблем исторической и структурной лингвистики в свете марксистской теории языка; 4) изучение связи между языком и обществом. На-

правление дальнейшей работы лингвистического кружка было намечено на первом его заседании в мае 1963 г. в докладах В. Банера «Традиции и задачи современного языковедения» и Р. Ружички «О месте структурализма в современном языковедении». В последующие годы было прослушано девять научных докладов и проведены две дискуссии.

Проф. А. В. Исаченко, работавший в Немецкой Академии наук в Берлине, прочел доклады «К теории бинарных координаций» и «Фонологическая трактовка интонации предложения в немецком языке». Основываясь на эксперименте, А. В. Исаченко рассматривает интонацию как свойство, объединяющее синтаксические элементы и сегментирующее поток речи; здесь впервые принцип бинарности использован при исследовании интонации.

Проблеме имен собственных были посвящены доклады д-ра Э. Эйхлера (Ин-т славистики) «Опыты структурных исследований в ономастике на материале славянских имен в Германии» и д-ра В. Флейшера (Ин-т нем. и герм. филологии) «О соотношении имен собственных и имен нарицательных в немецком языке».

Оживленная дискуссия развернулась по проблеме «Семасиология — семантика — семиотика». В. Банер, проследив развитие семасиологии, подчеркнул тесную связь семасиологии и ономастиологии, А. Нейберт остановился на философских концепциях семантиков в США, которым, по его мнению, необходимо противопоставить лингвистические исследования в области семантики, и предложил закрепить термин «семасиология» за лингвистикой, оставив термин «семантика» философии. Р. Ружичка пытался установить соотношение между семиотикой и лингвистикой.

Структуральные методы исследования нашли свое отражение в докладах д-ра Х. Вальтера (Ин-т славистики) «О функции так называемой краткой формы местоимений в современном болгарском языке» и д-ра В. Хартунга (Немецкая Академия наук в Берлине) «Система сложных предложений в порождающей грамматике».

Вопросам синтаксиса были посвящены доклады доц. Адамуса (Вроцлав) «Синтаксическая функция так называемых сокращенных обстоятельственных придаточных предложений (на материале немецкого и английского языков)» и проф. д-ра филол. наук Е. В. Гулыга (Москва) «Место гипотаксиса в системе синтаксиса».

Практическую направленность имели доклады А. Нейберта «Языковедение и преподавание иностранных языков», где был учтен опыт преподавания иностранных языков в Англии, США, Франции и СССР, и д-ра В. Флемига

¹ В ГДР университет состоит из факультетов, которые в свою очередь распадаются на институты.

(Немецкая Академия наук в Берлине) «Проблемы школьной грамматики», связанный с пересмотром учебного плана преподавания немецкого языка в школах десятилетках ГДР.

5 мая 1965 г. на базе философского факультета Лейпцигского университета им. Карла Маркса был организован филологический факультет, который в настоящее время охватывает 14 институтов. Ниже мы остановимся на работе научных семинаров только в трех институтах: Институте языкознания, Институте немецкой и германской филологии и Институте переводчиков.

В Институте языкознания уже несколько лет Р. Ружичка руководит спецсеминаром, на котором проводится структурный анализ славянских языков, а также разбираются новейшие зарубежные работы в области теоретического языкознания.

В оберсеминаре Института немецкой и германской филологии, продолжающем традиции, заложенные акад. Т. Фрингсом и руководимом Р. Гроссе, делаются доклады как исследовательского, так и реферативного характера.

Проф. Э. Ризель (Москва) сделала доклад о принципах стилистического анализа и провела несколько семинарских занятий. Доклады по вопросам общего языкознания прочитали: доц. Адамус (Вроцлав), проф. Вейнен (Неймиген, Голландия), Е. В. Гулыга, проф. Драйе (Лувен, Бельгия), канд. филол. наук М. Р. Королева (Киев), доц. Э. С. Рахманкулова (Москва), член-корр. АН СССР Б. А. Себреников (Москва) и др.

В Институте переводчиков с 1963 г. работает спецсеминар под руководством А. Нейберта. Ставя перед собой цель — изучать связь между языкознанием и теорией перевода, участники семинара преимущественно обсуждают проблемы, связанные со структурным анализом словарного состава языка.

Филологический факультет ежегодно проводит конференции по актуальным лингвистическим проблемам. В октябре 1965 г. была проведена конференция, посвященная важнейшим проблемам теории перевода.

Е. В. Гулыга (Москва)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Сборник за филологију и лингвистику. VII.— Нови Сад, 1964. 234 стр.

Communications et rapports du Premier Congrès International de dialectologie générale (Louvain du 21 au 25 août, Bruxelles, les 26 et 27 août 1960), I—V.— Louvain, 1965.

Československá rusistika. X.— 1965. Стр. 193—260.

Język polski. XLV, 3.— 1965. Стр. 129—192.

Revue roumaine de linguistique. X, 1—3.— Bucarest, 1965. 338 стр.

Rocznik slawistyczny. XXIV, 1.— Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965. 184 стр.

Słownik języka polskiego. 7.— Warszawa. 1964. 1499 стр.

Studia Grammatica. V. Syntaktische Studien.— Berlin, 1965. 168 стр. (по-принт).

Zpravodaj místopisné komise ČSAV. VI, 3.— 1965. Стр. 127—183.

Д. С. Мгеладзе, Н. П. Колесников. Слова топонимического происхождения (топонимы в русском языке).— Тбилиси, 1965. 125 стр.

И. П. Павлов. Хальхи чаваш литература чѣлхи. Морфологи.— Чебоксары, 1965. 343 стр.

S. Árpád. A magyar nyelv névutórendszere.— Budapest, 1965. 254 стр.

H. H. Bielfeldt. Die Entlehnungen aus den verschiedenen slavischen Sprachen im Wortschatz der neuhochdeutschen Schriftsprache.— Berlin, 1965. (Sitzungsberichte der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Jg. 1965. 1)

W. O. Dingwall. Generative transformational grammar.— Washington, 1965. 82 стр.

C. J. Filimore. Indirect object construction in English and the ordering transformations.— The Hague, 1965. 54 стр.

I. Garbell. The Jewish Neo-Aramaic dialect of Persian Azerbaijan.— The Hague, 1965. 342 стр.

C. Haebler. Grammatik der albanischen Mundart von Salamis.— Wiesbaden, 1965. 178 стр.

F. W. Householder, jr. M. Lotfi. Basic course in Azerbaijani.— Bloomington.— The Hague. (Indiana University publications. «Uralic and Altaic series», 45). 275 стр.

A. Juillard. Dictionnaire inverse de la langue française.— The Hague, 1965. 504 стр.

Károly S. A bécsi kódex nyelvtana. Szótárszerű feldolgozásban. Morfológiai rész.— Budapest, 1965. 249 стр.

Б. Ронески. Историја на македонскиот јазик.— Скопје, 1965. 104 стр.

A. Kövesi Magda. A permi nyelvek ősi képzői.— Budapest, 1965. 432 стр.

J. Macháček. Complementation of the English verb by the accusative with infinitive and the content clause.— Praha, 1965. 170 стр.

Y. Malkiel. The interlocking of narrow sound change, broad phonological pattern, level of transmission, areal configuration, sound symbolism. [Отд. отг. из «Archivum linguisticum», XV, 2; XVI, 1, б. р.]

F. V. Mareš. The origin of the Slavic phonological system and its development up to the end of Slavic language unity.— Ann Arbor, 1965. 94 стр. (по-принт).

A. Niculescu. Individualitatea limbii române întra limbile romanice. Contribuții gramaticale.— București, 1965. 184 стр.

V. Polák. Die Beziehungen des Albanischen zu den europäischen Substratsprachen mit Rücksicht auf die balkanische Situation. [Отд. отг. из «Südost-europa-Schriften»].— Wiesbaden, 1964.

W. Winter. Evidence for laryngeals.— The Hague, 1965. 272 стр.

A. Zajączkowski. Turecka wersja Sáh-náme z Egiptu mameluckiego.— Warszawa, 1965. 487 стр.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ
И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

- БЕ — «Български език»
 ВЯ — «Вопросы языкознания»
 ВИ — «Вопросы истории»
 ВСЯ — «Вопросы славянского языкознания»
 ВФ — «Вопросы философии»
 ВДИ — «Вестник древней истории»
 ИАН ОЛЯ — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка»
 ИАН ОТН — «Известия АН СССР. Отделение технических наук»
 «Р. яз. в шк.» — «Русский язык в школе»
 «Ин. яз. в шк.» — «Иностранные языки в школе»
 РФВ — «Русский филологический вестник»
 ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
 ЗВО РАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества»
 ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук
(Росс. АН), АН СССР»
 СБНУ — «Сборник за народни умотворения»
 ФН — «Доклады высшей школы. Филологические науки»
 ADAW — «Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften», Klasse für
Sprachen, Literatur und Kunst
 AfslPh — «Archiv für slavische Philologie»
 AKGW — «Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen»
 AL — «Acta linguistica»
 AO — «Archiv orientalni»
 APAW — «Aphandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften», Philosoph.-hist. Klasse
 BPTJ — «Biuletyn Polskiego towarzystwa językosnawczego»
 BSLP — «Bullétin de la Sociéte de linguistique de Paris»
 BSOS — «Bulletin of the School of Oriental studies»
 BCLC — «Bullétin du Cercle Linguistique de Copenhague»
 BzNf — «Beiträge zur Namenforschung»
 CFS — «Cahiers F. de Saussure»
 IF — «Indogermanische Forschungen»
 IJ — «Indo-Iranian journal»
 IJAL — «International journal of American linguistics»
 JA — «Journ. asiatique»
 JASA — «Journ. of the Acoustical society of America»
 JEGPh — «Journ. of English and Germanic philology»
 JФ — «Јужнословенски филолог»
 JP — «Język polski»
 JRAS — «Journ. of the Royal Asiatic society»
 JRSS — «Journ. of the Royal statistical society»
 JSFOu — «Journ. de la Sociéte finno-ougrienne»
 KZ — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermani-
schen Sprachen», hrsg. von A. Kuhn
 MSLP — «Mémoires de la Sociéte de linguistique de Paris»
 MSFOu — «Mémoires de la Sociéte finno-ougrienne»
 MSOS — «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin»
 NTS — «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap»
 PBB — «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur» (Tübingen u Halle)
 PMLA — «Publications of the modern language association of America»
 REG — «Revue des études grecques»
 RESL — «Revue des études slaves»
 RF — «Romanische Forschungen»
 RKJL — «Rozprawy Komisji językowej Lodźk. t-wa naukowego»
 RKJW — «Rozprawy Komisji językowej Wrocławsk. t-wa naukiwego»
 RLLR — «Revue de linguistique romane»

- RO — «Rocznik orientalistyczny»
 SaS — «Slovo a slovesnost»
 SMS — «Sborník matice slovenskej pre jazykozpyt, národopis a literárnu históriu»
 SDAW — «Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften», Phil.-hist. Klasse
 für Sprachen Literatur und Kunst
 SPAW — «Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften»
 Stud. or.— «Studia orientalia»
 SWAW — «Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften»
 TCLC — «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague»
 TCLP — Travaux du Cercle linguistique de Prague»
 UAJb — «Ural-Altäische Jahrbücher»
 UJB — «Ungarische Jahrbücher»
 ZfceltPh — «Zeitschrift für celtische Philologie»
 ZfPh — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft»
 ZfS — «Zeitschrift für Slavistik»
 ZfsPh — «Zeitschrift für slavische Philologie»
 ZfromPh — «Zeitschrift für romanische Philologie»
 ZfdPh — «Zeitschrift für deutsche Philologie»
 ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft»

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, в совершенно готовом для печати виде, хорошо обработанные литературно и подписанные автором. И текст, и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке через два интервала.

После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон.

2. Объем статьи не должен превышать 25 стр., объем рецензии — 15 стр. машинописи. Редакция заинтересована в получении кратких сообщений и заметок по конкретной тематике объемом до 15 стр. машинописи.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При ссылках (в тексте и сносах) необходимо придерживаться порядка: автор, название книги или статьи, название издания (для статьи), заключенное в кавычки, место издания, год издания, страницы. (Страницы, определяющие границы статьи в издании, указываются лишь в критико-библиографических обзорах).

5. Все примеры на иностранных языках должны быть снабжены переводами. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значение их — в кавычках.

6. Неприятые рукописи, как правило, авторам не возвращаются.

7. Статьи, опубликованные или направленные в редакцию других журналов, не принимаются (за исключением раздела «По страницам зарубежных журналов»).

CONTENTS

Articles: G. N. Mačavariani (Tbilisi). On the typological characteristics of Common Kartvelian; **Discussions:** L. B. Bondarko, L. R. Zinder (Leningrad). On certain distinctive features of Russian consonant phonemes; K. E. Maitinskaja (Moscow). The origin of pronominal words in languages of different systems; M. A. Gabinskij (Kišinev). Diachronic typology of the infinitive; V. P. Grigoriev (Moscow). On some problems of interlinguistics; **From foreign periodicals:** W. P. Lehmann (Austin, USA). Continuity of linguistics; **Materials and notes:** I. P. Mučnik (Moscow). The development of a system of two-aspect verbs in modern Russian; V. V. Lopatin (Moscow). Zero affixation in the system of Russian word-formation; E. R. Tenešev (Moscow). The language of the Khyrgyz population in the district of Fu-Yuy (Chinese People's Republic); N. V. Kossek (Odessa). On the problem of lexical combinations; **Critics and bibliography; Letters to the Editorial Board:** S. I. Syrovatkin (Piatigorsk). On one experiment of improving generative models of language; **Scientific life:** V. V. Vinogradov (Moscow). Academician Nikolai Iosifovič Konrad (on occasion of his seventy-fifth birthday); A. A. Yuldašev, K. M. Musajev (Moscow). Turkic linguistics in the Academies of sciences of Middle Asia and Kazakhstan; G. P. Neščimenko (Moscow). On the activity of the Institute of the Czech language of the Czechoslovak Academy of sciences.

SOMMAIRE

Articles: G. N. Mačavariani (Tbilisi). Caractéristiques typologiques du kartvelien commun; **Discussions:** L. B. Bondarko, L. R. Zinder (Léningrad). Sur quelques traits distinctifs des phonèmes consonnes russes; K. E. Maitinskaja (Moscou). L'origine des mots pronominaux dans les langues de systèmes différents; M. A. Gabinskij (Kišinev). Typologie diachronique de l'infinitif; V. P. Grigoriev (Moscou). Sur quelques problèmes d'interlinguistique; **Matériaux publiés dans les périodiques étrangers:** W. P. Lehmann (Austin, USA). Continuité de linguistique; **Matériaux et notices:** I. P. Mučnik (Moscou). Développement du système de verbes exprimant deux aspects en russe moderne; V. V. Lopatine (Moscou). Affixation zéro dans le système de dérivation russe; E. R. Tenešev (Moscou). Langue khyrghiz dans la région Fu-Yuy (République Populaire de Chine); N. V. Kossek (Odessa). Problème de combinaisons possibles en lexicque; **Lettres à la rédaction:** S. I. Syrovatkin (Piatigorsk). Sur un essai de perfectionner les modèles génératifs de langue; **Vie scientifique:** V. V. Vinogradov (Moscow). Académicien Nikolai Iosifovič Konrad (à l'occasion de son 75-me anniversaire); A. A. Yuldašev, K. M. Musajev (Moscou). Linguistique turque dans les académies des sciences de l'Asie Moyenne et Kazakhstan; G. P. Neščimenko (Moscou). Sur l'activité de l'Institut de la langue tchèque de l'Académie des sciences tchèque.

SUBSCRIPTION FOR THIS JOURNAL IS ACCEPTED BY FIRMS
DOING BUSINESS WITH V/O «MEŽDUNARODNAJA KNIGA»

Технический редактор Л. Д. Мельникова

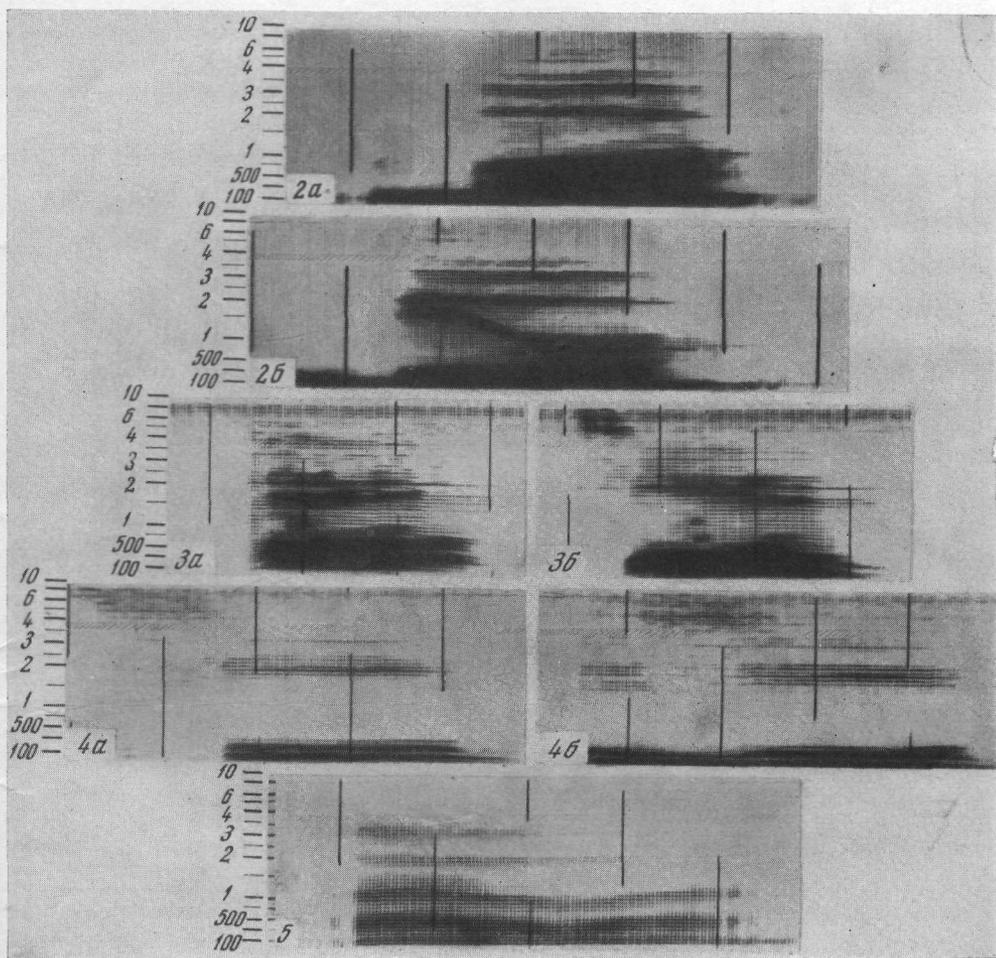
Т.-01820	Подписано к печати 12/1-1966 г.	Тираж 6450 экз.	Зак. 3221
Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Печ. л. 14 + 1 вкл.	Бум. л. 5	Уч.-изд. листов 16,6

—я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

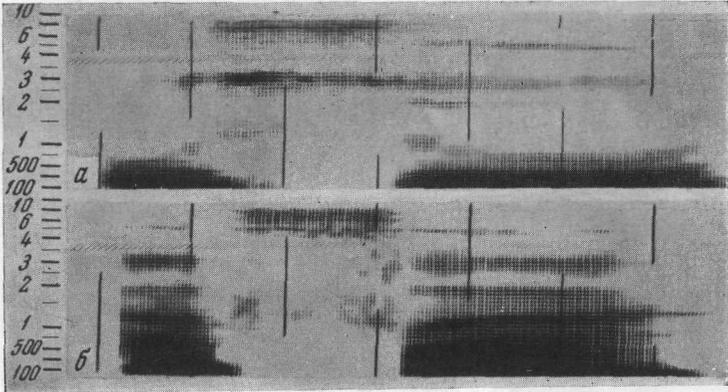
РЕДКОЛЛЕГИЯ:

*О. С. Азманова, В. В. Виноградов (главный редактор),
В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), П. С. Кузнецов, Э. А. Макаев,
М. В. Панов, В. З. Панфилов, И. И. Ревзин, Ю. В. Рождественский,
Б. А. Серебрянников, Н. И. Толстой (ответственный секретарь редакции),
О. Н. Трубачев*

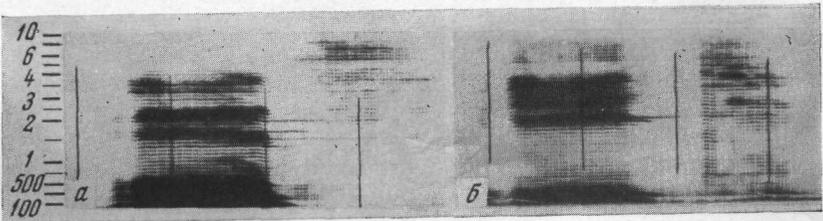
Адрес редакции: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55

Р и с. 2. Спектрограммы слогов: а) *bo*, б) *b'o*
 Р и с. 3. Спектрограммы слогов: а) *te*, б) *t'e*
 Р и с. 4. Спектрограммы слогов: а) *s'i*, б) *z'i*
 Р и с. 5. Спектрограмма сочетания *ava*

Р и с. 6. Спектрограммы сочетаний: а) *usu*, б) *aʃa*

Р и с. 7. Спектрограммы слогов: а) *ec*, б) *it*